

История Общество Политика 2020 №3(15)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 3(15)
2020

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2020. №3 (15)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.09.2020

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2020
© Коллектив авторов, 2020

HISTORY SOCIETY POLICY

N 3 (15)
2020

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2020. №3 (15)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/09/2020

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2020

© Authors, 2020

Содержание

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Самсаров А.И.* Французская армия II года Республики – армия нового типа 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Артамошина Ю.В., Кузнецова А.Ю.* Политическое регулирование управленческих решений в условиях пандемии: психолингвистические методы анализа деловой документации и переписки 12
- Левин Я.А.* Основание Китайской народной республики и США: реакция прессы и первые оценки события 25

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Semenenko A.A.* The motif of the three-headed bull in Rigveda and Mature Harappan culture 29
- Shinakov E.A.* Long hikes russes and their reflection in numismatics 38
- Чубур А.А.* Верхнеплейстоценовая мегафауна бассейна Угры 42

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

- Соловьев Ю.П.* Большевик Афанасий Ремнёв и его вооруженная группировка в октябре 1917 – апреле 1918 года 51

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Прилуцкий В.В.* Гренвилл Хедрик и создание Церкви Христа (Храмовый участок) 110

Материалы Международной летней школы

- «Прошлое, которое определяет наше будущее: формирование национальных стратегий памяти и забвения» (13-31 июля 2020 г.)** 126

- Макарова А.В., Шнырова О.В.* Международная летняя школа «Прошлое, которое определяет наше будущее: формирование национальных стратегий памяти и забвения» (13-31 июля 2020): опыт организации, результаты и перспективы 127
- Артёмов С.В., Шахназарян Н.Р.* Анализ концептов травмы и памяти: интерпретация «наследования» травмы через призмы объединительных парадигм 132
- Алфёрова И.В., Блохин В.Ф., Богомолов А.И., Рудковская М.М., Симонова О.А.* «Что мы помним, а что стараемся забыть на уровне национальной памяти?» (на примерах формирования официальной памяти о Первой и Второй мировых войнах) 147
- Дулина Н.В., Ануфриева Е.В.* Память в темени: что и как мы помним о Великой отечественной войне (по итогам прикладного социологического исследования) 156

РЕЦЕНЗИИ

- Горащук И.В.* Рецензия на книгу: Семененко А. А. Эталон колесничного погребения или почему Урало-Казахстанские погребения с повозками эпохи бронзы не являются колесничными? (электронная монография на правах рукописи). – Воронеж:, 2020. – 677 с. + 575 илл. — ISBN 978-5-6043336-1-7. 162

Военная история

УДК 944.44

А.И. Самсаров

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ II ГОДА РЕСПУБЛИКИ – АРМИЯ НОВОГО ТИПА

Аннотация: В статье рассматривается проблема создания национальной армии Франции в 1793-1794гг. Эту армию в полной мере можно считать армией нового типа. Французский воинский контингент отличался не только многочисленностью, но и особой организацией, тактикой и демократичностью по отношению к солдатам. Особое внимание уделяется контролю над армией со стороны революционного правительства. **Ключевые слова:** комиссар, полубригада, волонтер, Конвент, Комитет общественного спасения.

A.I. Samsarov. The French Army II of the Year Republic - is an army of a new type.

Abstract: The article deals with the problem of creating a national army of France in 1793-1794. This army can be fully considered an army of a new type. The French military contingent was distinguished not only by its multiplicity, but also by its special organization, tactics and democracy in relation to the soldiers. Special attention is paid to the control of the army by the revolutionary government.

Keywords: commissar, semi-brigade, volunteer, Convention, Committee of Public Safety.

Начало революционных войн в Европе остро поставило вопрос перед молодой Французской республикой о создании хорошо организованных и боеспособных вооруженных сил. В условиях политической неразберихи и волнениях в департаментах это было сделать довольно сложно. Решающие преобразования были проведены в течение 1793-1794гг. Именно армия второго года Республики сумела переломить ситуацию на фронте в боях с силами первой антифранцузской коалиции (1792-1797). Какие же меры позволили добиться таких результатов? Это не только террор и дисциплина, но и качественно иные не применяемые ранее подходы. Среди последних можно выделить массовый характер контингента; особую структуру военной организации, связанную с созданием новых типов тактических подразделений отвечающих за определенные задачи; новые виды тактики и планирования операций; особую систему назначения офицеров и командующих; приоритет гражданской власти над военной.

Одной из важнейших задач для власти стало увеличение численности воинского контингента. Революция привела к разложению королевской армии: имея в 1789г. около 270 тыс. чел (вместе с милицией), она к концу 1792г. сократилась до 135 тыс.[5, с. 27]. Линейные части комплектовались вербовкой на добровольно-принудительной основе. Но этого уже было недостаточно. Еще до начала войны французские законодатели начали искать более эффективные способы комплектования войск. На первых порах активно использовались волонтерские батальоны. Первый набор новобранцев состоялся после принятия декрета Национального собрания (12 июня 1791г.). Согласно документу, батальоны формировались исключительно на добровольной основе и принимались только граждане из национальной гвардии[12, с.14-16]. Последняя была организована в Париже еще 13 июля 1789г. Всего в 1791г. было набрано 100 тыс. ч. Однако, начавшаяся весной 1792г. война вновь поставила вопрос о создании новых контингентов. Второй набор волонтеров начался после знаменитого воззвания «Отечество в опасности» (11 июля) [3, с. 349-355]. Уже на следующий день из Парижа на фронт отправились первые 50 тыс. ч. В целом по Республике встало под ружье

200 тыс. волонтеров «второй волны» [1, с.14]. Первые победы при Вальми и Жемаппе добавили доверия к новым батальонам. Их численность в конце 1792 г. насчитывала по спискам 289114 ч., что почти в три раза превышало численность линейных полков. Таким образом, вместо единой королевской армии сложились по сути две разные: линейные батальоны («белые») и волонтерские батальоны («синие»). Условия службы в них были различные. У первых больше срок службы, небольшое жалование и практически никакого продвижения по службе, у вторых годичный контракт, выше жалование и выборность офицеров. Даже цвет формы у них был разный: у линейных традиционный белый, а у волонтеров синий (доставшийся от национальной гвардии). 7 февраля 1793 г. Дюбуа-Крансе предложил произвести амальгаму – слияние одного линейного и двух волонтерских батальонов. Новое формирование должно было получить название полубригада. По мнению докладчика, это привело бы к созданию единой армии (без различий) и улучшило бы управление [14, Р. 358-364]. 12 февраля его поддержал Сен-Жюст [11, с. 39]. Прения сторон завершились принятием 21 февраля декрета об организации армии, в основе которого был положен принцип амальгамы [15, р.163].

Последние волонтеры пришли в армию после декрета 24 февраля 1793 г. этот документ был шагом к всеобщей мобилизации. Планировалось набрать 300 тыс. ч., причем не только добровольно, но и «любым подходящим способом» [16, Р. 169]. В реальности удалось набрать только 150-180 тыс. рекрутов. К июлю в рядах республиканской армии было 470 тыс. бойцов. Учитывая потери и массовое увольнение волонтеров по истечению контрактов, этого было недостаточно. Напрашивался радикальный вариант – всеобщая мобилизация. Впервые об этом заговорил Дюбуа-Крансе еще в Конституанте 12 декабря 1789 г. [3, с. 350]. Дальнейшее развитие идея получила в секциях и клубах Парижа. 29 июля 1793 г. Якобинский клуб выступил за создание всенародного ополчения. 4 августа Парижская коммуна и 7 августа делегаты первичных собраний (по вопросу о принятии конституции) присоединились к этому требованию. Правительство не заставило себя долго ждать. 23 августа официальный докладчик Комитета общественного спасения Барер зачитал с трибуны Конвента декрет о массовом наборе (*Leve/e en masse*). Документ объявлял все общество в «состоянии постоянной реквизиции». В основу был положен принцип всеобщей воинской повинности для холостых мужчин возрастом от 18 до 25, а впоследствии и до 40 лет [17, Р. 674-676]. Применение нового способа комплектования сразу дало преимущество Франции над войсками коалиции. Мобилизация проходила постепенно, увеличив войска в декабре до 640 тыс. ч., а к 15 апреля 1794 г. до 794 тыс. Какова же была максимальная численность армии якобинской республики? Однозначного ответа нет. Например, Сен-Жюст в своей речи о временном революционном порядке управления упоминал цифру в 1,2 млн. ч. [11, с. 99]. Другие данные свидетельствуют о 1,6 млн. ч. [4]. В любом случае даже в среднем это не менее миллиона человек, что было беспрецедентно в контексте той эпохи. Для сравнения Австрия содержала армию в 200 тыс., Пруссия – 200 тыс. и Англия до 100 тыс.

Таким образом, к лету 1794 г. французская армия представляла собой самый многочисленный воинский контингент в Европе. Применение всеобщей мобилизации положило начало переходу от профессиональной к национальной армии.

Второй отличительной чертой французской армии стала новая система организации подразделений. В основу ее был положен декрет от 21 февраля 1793 г., главным новшеством которого был принцип амальгамы. 12 августа Комитет общественного спасения подтвердил это решение. Главным пехотным подразделением отныне становится полубригада (*demi-brigade*), состоящая из трех батальонов. Причем один из батальонов был линейным, а два волонтерскими [15, р. 163]. В организационном отношении полубригада была равна полку (3

тыс.). Само же название полк было отменено как аристократичное. Еще одним изобретением революции стали дивизии - тактические подразделения численностью 8-10 тыс. чел. состоящие из нескольких полубригад, объединяющих три рода войск: пехоту, кавалерию и артиллерию. Подобное новшество увеличивало подвижность и маневренность на поле боя. Дивизии сводились в армии. Военная организация представляла единое целое с общими для всех регламентами и законами. К зиме 1793-1794 гг., когда в основном произошло окончательное слияние батальонов, в Республике было 11 армий: Северная, Арденская, Мозельская, Рейнская, Альпийская, Итальянская, Восточно-Пиренейская, Западно-Пиренейская, Западная, Брестская и Шербурская. Самой крупной была Северная армия (245 тыс.), а самой малочисленной Западная (22,5 тыс.) [4].

Революционные войны привели к переосмыслению тактики на поле боя. До этого все европейские армии придерживались традиционной линейной тактики, выстраивая свои войска в три линии (англичане в две). Такой строй назывался неглубоким (*lordre mince*). Это давало возможность задействовать разом все ружья, получив высокую плотность огня по фронту. Но подобная тактика ограничивала маневр на поле боя. Еще до революции во Франции стали появляться теоретики нового строя – подполковник де Мезеруа и барон де Мениль-Дюран. Они предложили глубокий строй (*lordre profonde*) [1, с.9]. Войска должны были строиться не линиями, а колоннами. Революция подстегнула интерес к этому построению. Сам Карно считал такой строй наиболее подходящим для горячих и патриотичных французских солдат. Колонны позволяли французской армии быстро передвигаться на поле боя, широко применяя штыковую атаку. Динамичная ошестинившаяся сталью штыков колонна была похожа на молот, разбивающий линии противника. Глубокий строй стал визитной карточкой республиканской армии, из-за чего его даже прозвали французским строем (*lordre francaise*). Главным недостатком этого построения была слабая плотность огня по фронту (огонь могла вести только первая шеренга). Для планирования боевых операций существовали армейские и дивизионные штабы. Первый состоял из 1 дивизионного и 2 бригадных генералов, а второй из начштаба - адъюдана (заместителя комдива) и 2 его помощников [2, с. 29-32].

Третьей, особенностью французской армии была особая система назначения офицеров. Как известно в армии применяется принцип единоначалия. Однако французская армия в 1793 г. представляла в этом плане полный хаос. За 1792-93 гг. сменилось 8 военных министров; в Северной армии 16 командующих; в Мозельской, Рейнской и Арденской по 11. Из-за эмиграции офицерский корпус сократился с 9 до 3 тыс. Волонтеры вообще сами выбирали себе офицеров (всего в армии было 23 тыс. выборных военачальника) [10, с. 310-315]. Это потребовало решительных правительственных мер наряду с усилением централизации. Все это сочеталось с различными нововведениями. Идя навстречу генералитету, правительство существенно ограничивает выборность комсостава и реорганизовывает военный аппарат. Самое высокое воинское звание генералиссимуса было отменено согласно статьи 110 конституции 1793 г. [3, с. 226]. Звание маршала Франции заменяется званием главнокомандующего. Их назначение, производилось согласно декрету от 21 февраля Конвентом по представлению Комитета общественного спасения (ст.14) [16, Р.153]. Претендовать на это могли только дивизионные генералы. Генерал-майор и генерал-лейтенант заменяются бригадными и дивизионными генералами. Назначение генералитета производилось аналогично: треть по старшинству и две трети по выбору Комитета (ст.12). Затем следовали более низкие чины: командир бригады (командовал полубригадой), что соответствовало полковнику старой армии и командир батальона вместо подполковника. Командир бригады назначался из командиров батальонов в порядке старшинства службы (ст.3). Остальные должности были выборными. Так вакансии капитана, лейтенанта и сержанта замещались по принципу треть по

старшинству две трети на основании выборов в соответствующем отряде (ст.1). Солдаты выбирали трех кандидатов званием ниже вакантного путем тайного голосования. Правда, последнее слово всегда оставалось за начальством, так как только командир подразделения решал, кого из выбранных претендентов назначить на должность (ст.8). Но если один из последних выдвигался три раза подряд, то его назначали в первую очередь. Что же касается права всеобщего голосования, то его сохранили только для капралов.

Таким образом, был найден определенный компромисс между старой системой и новой революционной. Приоритет отдавался отныне принципу единоначалия, а выборный характер значительно ограничили. В итоге это привело к повышению качества командного состава. Среди выборного офицерства было много будущих даровитых военачальников – Ней, Сульт, Лан, Мюрат, Моро и многие другие [10, с.317]. При этом в армии продолжали нести службу представители дворянства, пусть и в меньшем количестве [8, с.138-146]. Следует отметить, что в республиканской армии были отменены телесные наказания, и солдаты активно принимали участие в работе народных обществ и клубов. Это контрастно отличалось от палочной дисциплины в армиях объединенной коалиции.

По мере организации армии создается особая система контроля. Вооруженные силы постепенно переходят в подчинение гражданской власти. Тенденция была заложена еще Учредительным собранием, когда в октябре 1789 г. был создан Военный комитет [13, Р. 433]. Окончательное подчинение вооруженных сил произошло уже после становления революционного правительства. 10 октября 1793 г. Комитет общественного спасения берет на себя право назначать главнокомандующих и генералов [3, с.238]. После декрета 4 декабря его полномочия расширились до среднего состава [18, р.631]. Конвент и Военное министерство практически не участвовали в делах военного строительства. Де факто все командование (кроме младших офицеров) контролировалось уже Комитетом. К последнему так же перешло все управление военной кампанией. Карно находясь во главе военной секции игнорировал министерство и генеральный штаб. Важнейшим элементом контроля военных становятся военные комиссары. С весны 1793г. они постоянно присутствуют при каждой армии Республики, бдительно наблюдая за командованием [9, с.88-95]. 1 апреля 1794 г. Военное министерство было заменено Комиссией организации и движения сухопутной армии (Зсотрудника), возглавляемую лично Карно [6, с.21]. С этого момента Комитет общественного спасения официально становится во главе вооруженных сил Франции.

В результате проведенных преобразований Республика получила массовую национальную армию, защитившую революцию и спасшую страну от разгрома. За 17 месяцев (1793-1795) почти непрерывных боев французская армия одержала 27 крупных побед и 120 побед менее значительных. У неприятеля было убито 80 тыс. человек и столько же взято в плен. Французы взяли 106 крепостей и городов, из которых 6 – после осады. У неприятеля было захвачено 3800 пушек, 70 тыс. ружей и около 2 млн. фунтов пороха [7, с.446]. Сочетание предельно жесткой системы управления с новейшими научными достижениями дало свои результаты.

Библиографический список

1. Брюс Р. Войны и сражения эпохи Наполеона 1792-1815. М.: Эксмо. 2009. 272с.
2. Вовси Э.М. Развитие системы штабных должностей на раннем этапе Французской революции, 1790-1795гг // Воин: Военно - исторический журнал, 2010, №11. С 29-32.
3. Документы истории Великой французской революции. Т. I. М.: Издательство МГУ. 1990. 526 с.
4. Кудряшов И.Ю. Французская армия во время революции 1789-1799 гг. [Электронный ресурс.] URL: [http: www. Genstab. ru./](http://www.Genstab.ru/) (дата обращения: 20.07.2019)

5. Матъез А. Как побеждала Великая Французская революция. М.: Военный вестник. 1928. 189с.
6. Революционное правительство в эпоху Конвента / Под редакцией Лукина Н.М. М.: Издательство Коммунистической академии. 1927. 667с.
7. Ревуненков В.Г. История Французской революции. Спб.: СЗАГС. 2003. 776 с.
8. Самсаров А.И. Революционное правительство Франции и армия в 1793-1794гг // Вестник БГУ. 2018, № 4 (38).
9. Самсаров А.И. Становление и развитие института комиссаров Французской революции в 1791-1796гг // Вестник БГУ. 2019, №2(40).
10. Свечин А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. I. М – Л.: Гос. Издательство военной литературы. 1927. 329с.
11. Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. М.: Наука. 1995. 461с.
12. Соколов О. Армия Наполеона. Спб.: Империя. 1999. 582с.
13. Archives parlementaires de 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont.1867-1971. T 8. 731 p.
14. Archives parlementaires de 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont.1867-1971. T 38. 800 p.
15. Archives parlementaires de 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont.1867-1971. T 39. 800 p.
16. Archives parlementaires de 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont.1867-1971. T 59. 793 p.
17. Archives parlementaires de 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont.1867-1971. T 72. 818 p.
18. Archives parlementaires de 1787 a` 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont.1867-1971. T 80. 828 p.

Сведения об авторе:

Самсаров Александр Ивайлович – магистр истории, г. Брянск, a.i.samsarov@gmail.com

Политическая история

УДК 32.019.5+159.9.07

Ю.В. Артамошина, А.Ю. Кузнецова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И ПЕРЕПИСКИ

Аннотация: Одной из важнейших сторон психики человека является уникальная способность владения словом, языком и речью. Официально-деловая коммуникация вовлекает в зону своего действия большую аудиторию коммуникантов-специалистов. В данном исследовании учитываются теоретические достижения ряда научных направлений, исследующих текст с точки зрения его порождения, восприятия, понимания, структурно-семантической и коммуникативно-прагматической организации. Основной акцент в данной работе делается на психолингвистическом подходе к процессам понимания текста делового документа, методам его экспериментального изучения. С помощью психолингвистических методов анализа деловой документации выявлены различия в восприятии содержания деловых документов (на примере текстов распорядительной документации) различными по должности и режиму работы группами сотрудников.

Ключевые слова: политическое регулирование, психолингвистический анализ, пандемия, политические решения в условиях пандемии.

Artamoshina Y.V., Kuznetsova A.Y. Political regulation of management decisions in a pandemic: psycholinguistic methods for analyzing business documents and correspondence.

Abstract: One of the most important aspects of the human psyche is the unique ability to master a word, language and speech. Official business communication involves a large audience of specialist communicators in its area of operation. This study takes into account the theoretical achievements of a number of scientific areas that study the text from the point of view of its generation, perception, understanding, structural-semantic and communicative-pragmatic organization. The main emphasis in this work is made on the psycholinguistic approach to the processes of understanding the text of a business document, the methods of its experimental study. With the help of psycholinguistic methods for analyzing business documents, differences in the perception of the content of business documents (for example, texts of administrative documents) were revealed by groups of employees by different positions and working hours.

Keywords: political regulation, psycholinguistic analysis, pandemic, political decisions in a pandemic.

В контексте современного общества наблюдается стремительное развитие научной области, где отдельное внимание занимает психолингвистика. Психолингвистика представляет собой науку, направленную на изучение особенностей языка и речи. Становление и развитие психолингвистики как науки в организационной психологии позволяет расширить междисциплинарную предметную область теории речевой деятельности. Теоретические и прикладные усилия психолингвистики в организации направлены на решение проблем речевого общения в профессиональной речевой деятельности, которая представляет самый крупный и самый важный фрагмент активности любого социума [2, с. 54].

Самым распространенным средством осуществления деловых коммуникаций при решении наиболее важных вопросов является письменная речь. [1, с. 315]. В процессе деловых коммуникаций их участники используют в своей деятельности различные виды документов: договоры, приказы, докладные записки, заявления, должностные инструкции, деловые письма. [4, с. 37].

Научная значимость психолингвистики в деловых коммуникациях проявляется в консолидации усилий лингвистов, психолингвистов и организационных психологов по сохране-

нию и развитию традиций отечественной общепсихологической теории деятельности и существенного усиления ее роли в научном и практическом планах. Психолингвистические методы анализа обеспечивают организационных психологов, HR-менеджеров и лингвистов профессиональной информацией теоретического, методического и прикладного характера в области психолингвистики, психологии труда, организационной психологии, а также других смежных областях науки «человеке работающем».[3, с. 205].

В целом, психолингвистика в организационной психологии призвана способствовать внедрению новых научных и прикладных разработок в практику работы с организациями и другими профессиональными социальными группами.[5, с. 138]. Применительно к сфере психолингвистических экспериментов фиксируются два основных метода изучения языковых и речевых феноменов: прямой (например: «Словарный субтест» Векслера, методики семантического шкалирования, различные задания аналитического типа – личностные тесты-опросники) и косвенный (психофизиологические, ассоциативные и игровые методы). Помимо более или менее четко определяемых прямых и косвенных методов психолингвистики выделяют еще несколько методов, отнесение которых к какой-либо категории затруднено в силу узости или специфичности предметной области исследования. К особым методам психолингвистического исследования, применяемым в особо оговоренных условиях, могут быть отнесены лингвистический эксперимент и контент-анализ. Некоторые исследования, направленные на поиск общего механизма понимания, посвящены изучению понимания предложений или текстов. [6, с. 13]. Представленные методы прикладных исследований в психолингвистике позволят приобрести необходимый опыт экспериментального изучения феноменов речи и языка непосредственно в практической деятельности.

Для достижения поставленной в рамках работы цели, нами было проведено экспериментальное исследование. Базой исследования является автономная некоммерческая организация «Дирекция по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области» (далее – Дирекция).

Рассматривая деловую документацию и переписку Дирекции было решено остановиться на анализе распорядительной документации, так как указанные документы «оформляют административную деятельность организации».[4, с. 47]. В качестве экспериментального материала использовались тексты Приказов Дирекции, имеющих статус обязательных и основных распорядительных документов любой организации.

На предварительном этапе отбора материала нами был проведен кластерный анализ документов. В результате были проанализированы все Приказы Дирекции с 2013 года. Нами было принято решение рассмотреть классификацию категорий данного вида документов, изданных за 7 лет существования организации с целью выбора Приказов на одну тему для подробного анализа данных.

Всего было изучено 1076 приказов с октября 2013 года по май 2020 года. Была проведена смысловая оценка приказов и принято решение разделить их на 9 основных категорий и 1 категорию «Разное».

В ходе анализа нас заинтересовал тот факт, что количество приказов по категории «Разное» каждый год не превышает 14%, а в 2020 г. только за 4 месяца вырос до 43%. Рассматривая каждый приказ данной категории, мы сразу обратили внимание на то, что большинство приказов на очень актуальную сейчас тему «COVID-19». В результате, для детального анализа было выбрано 8 Приказов, созданных для надлежащего функционирования Дирекции в условиях всемирной Пандемии.

Далее был проведен функционально-прагматический анализ выбранных деловых документов. Все документы данной категории оформлены на бланке приказа и имеют следующие реквизиты: наименование организации, наименование вида документа, дата и номер доку-

мента, заголовок к тексту, текст, подпись, лист согласования. В структурном отношении тексты однотипны. Они четко делятся на композиционные блоки, каждый из которых графически отделен от другого, имеет внутреннюю и внешнюю нумерацию. Все приказы написаны ясно, доходчиво, с соблюдением правил оформления официальных документов. Прагматическая установка данного типа текстов несёт организационный, информационный и распорядительный характер.

Если рассматривать восприятие текста данного типа приказов сотрудниками Дирекции, то важно отметить, что объём и структура вышеуказанных документов не вызывали у работников предложений перестроить, уменьшить, изменить форму или содержание приказов. Однако после проведения опроса, стало явным разделение мнений относительно отдельных пунктов документов.

Для выявления специфики восприятия распорядительной документации административными работниками и рядовыми сотрудниками, а также восприятия текстов данных приказов сотрудниками, выполняющими работу дистанционно и в месте нахождения Дирекции, мы использовали ассоциативный эксперимент и в частности метод свободных ассоциаций. В результате отбора выборку составили 20 сотрудников, которые были разделены на две группы. Первая группа – сотрудники, работающие дистанционно и в месте нахождения Дирекции (20 человек). Вторая группа – административные работники и рядовые сотрудники (20 человек).

Также был сформирован следующий упорядоченный состав фраз-стимулов для проведения эксперимента:

1. Сложившаяся эпидемиологическая ситуация;
2. Дистанционный режим работы;
3. Ограничение тактильного взаимодействия с коллегами;
4. Запрет на личное общение;
5. Неопределённость дальнейшей работы организации.

Для качественно-количественного анализа содержания данных ассоциативного эксперимента с целью выявления различных тенденций в понимании текстов администраторами и рядовыми сотрудниками, работающими дистанционно и в офисах был использован *контент-анализ*.

Под представлением о различиях восприятия понимается совокупность определенных понятий, которые отражают мысли сотрудников на тексты распорядительной документации. Категории и подкатегории контент-анализа выделяются на основе данных ассоциативного эксперимента.

На основе выделенных категорий и подкатегорий было сделано количественное описание единиц контент-анализа в группах администраторов и рядовых сотрудников с дистанционным режимом работы и в офисе.

1. Сравнение качественных единиц контент-анализа при описании ассоциаций на фразу «сложившаяся эпидемиологическая ситуация».

1-я группа: работающие дистанционно и в офисе

На фразу «сложившаяся эпидемиологическая ситуация» больше всего ассоциаций было связано с состоянием здоровья. Обе группы набрали примерно одинаковое количество процентов по данной категории (дистанционно - 32%, в офисе - 26%), отмечая всё, что может быть связано с Пандемией нашего времени: «Болезнь», «Вирус», «Коронавирус», «COVID-19», «Температура», «Маска», «Кашель» и т.д.

Также много ассоциаций у обеих групп возникло по категории «Характеристика социального положения» (дистанционно - 32%, в офисе - 24%), что, на наш взгляд, действительно характерно для большинства жителей нашей страны при сложившихся обстоятельствах. Испытуемые говорили про «кризис», «бедность», «безвыходность» и т.д.

Интересно отметить то, что «эмоциональных характеристик» на сложившуюся эпидемиологическую ситуацию у работающих дистанционно вообще не было выявлено, а у работающих в офисе данная категория по частоте употребления оказалась сразу после двух предыдущих - 20%. Испытуемые говорили в основном о «страхе», «панике», «ужасе», «стрессе» и других негативных эмоциях. «Отрицательных оценочных характеристик» также больше выявлено у сотрудников, работающих в офисе - 8%. В то время как у работающих дистанционно было выявлено гораздо больше «нейтральных оценочных характеристик», таких как «странная», «непонятная», «новая». (дистанционно – 12%, в офисе – 2%). Возможно такие различия связаны со страхом и риском заразиться вирусом у тех, кто работает в офисе, кому приходится каждый день ездить на работу и контактировать с другими людьми. А те, кто работает дистанционно за это не переживают или переживают меньше, поэтому выдают больше нейтральных ассоциаций.

Явных различий по категориям «местоположение» и «отдых» не наблюдалось.

«Об участниках ситуации» – «люди», «дети», «население» вспоминают больше те, кто работают дистанционно - 6%. Возможно это может быть связано с волнением за здоровье своих близких и в тоже время нехватки общения с другими людьми, в силу того, что приходится всё время проводить в замкнутом пространстве, в «четырёх стенах».

2-я группа: администраторы и рядовые сотрудники

У рядовых сотрудников больше всего ассоциаций заняла категория «состояние здоровья» -38% (администраторы - 20%), а у администраторов больше всего волнений сейчас вызывает «социальное положение» страны -36% (рядовые сотрудники- 20%). По нашему мнению, это может быть связано с различием восприятия информации людьми разного статуса и разного уровня ответственности. Рядовые сотрудники несут ответственность в большей мере за себя, а администраторам в силу своего статуса (или занимаемой должности) необходимо мыслить шире и думать не только о проблеме самого вируса и связанных с этим болезней, но и думать о том на что данная сложившаяся ситуация влияет сейчас и какие может вызвать последствия в будущем.

Различия в «эмоциональных характеристиках», «нейтральных» и «отрицательных» оценочных характеристиках не существенны.

В данной группе хотелось бы отметить, что администраторы выдавали намного больше ассоциаций об «отдыхе» – 14% против 2 % от рядовых сотрудников. Может быть это связано с увеличенной нагрузкой на администраторов и необычной сложившейся ситуацией, где иногда приходится довольно быстро адаптироваться и применять новые нестандартные решения, что вызывает огромную усталость и в голову приходят только мысли о скорейшем отпуске или просто отдыхе, т.е. о том чего не хватает: «книги», «кино», «лето», «море» и т.д.

2. Качественные единицы контент-анализа при описании ассоциаций на фразу «дистанционный режим работы»

1-я группа: работающие дистанционно и в офисе

Больше всего ассоциаций у работающих дистанционно сотрудников было связано с самоорганизацией личности - 22%. У работающих в офисе по данной категории возникло лишь 10% ассоциаций. По нашему мнению, это связано с тем, что люди, работающие «на дому» действительно сами несут «ответственность» за режимом своей работы, поэтому и возникали такие ассоциации, как: «свободный график», «самоконтроль», «самоорганизация» и т.д.

У сотрудников, работающих в офисе фраза «дистанционный режим работы» больше всего вызывает отрицательные оценочные характеристики - 24%. В то время как у работающих дистанционно сотрудников возникает гораздо больше «положительных оценочных характеристик» – 14%. Возможно, это связано с тем, что на работающих в офисе «ложится»

нагрузка больше, чем обычно и им периодически приходится выполнять работу тех, кто находится дистанционно. Также, скорее всего тем, кто работает дистанционно немного спокойнее и они находятся в более расслабленном состоянии во время такого режима работы, возможно даже успевают делать некоторые домашние дела, поэтому говорят, что им «хорошо», «нравится» и даже употребляют такие слова как «супер», «великолепно».

Различий по эмоциональным и нейтральным оценочным характеристикам не выявлено.

Далее, мы обратили внимание, что те, кто работают в офисе гораздо больше говорят о «пространственно-временных характеристиках» – 24% против 8% сотрудников, работающих дистанционно. У нас по этому поводу сложилось такое мнение, что работающие в офисе больше говорят о «разъединённости», «замкнутости», «длительности» и «времени», так как они привыкли к определённой рабочей обстановке в офисе с определённым количеством людей, а в новых условиях работы, когда они остались одни в своих кабинетах – эти кабинеты и рабочие коридоры возможно «давят» на них своей пустотой.

Ассоциации «компьютер», «телефон» и «интернет» по категории «средства работы» больше возникают у тех, кто работает дистанционно -16% и это очевидно, что они скорее всего не привыкли работать столько времени в домашних условиях за компьютером. Кстати, ассоциаций по категории «семейный быт» у работающих дистанционно также возникает немного больше – 14%. Они вспоминают о «детях», «пижаме», «цветах» и не забывают про «сон», что также связано с мыслями людей, которые не привыкли к такому режиму, но им необходимо дистанционно работать в сегодняшних условиях.

Небольшой процент испытуемых (10% - дистанционно и 6% - «в офисе») дали ассоциации по категории «совершенствование». Они упомянули такие понятия, как «развитие», «технологии», «мобильность» и т.д. Мы считаем, что это связано с «новизной» происходящей ситуации и с реальностью получить дополнительные навыки и действительно расширить свои «возможности». «Выход из зоны комфорта» - это всегда совершенствование и развитие.

Ассоциации по категории «отсутствие прямой связи» дали только сотрудники работающие в офисе - 6%. Они выдали такие понятия, как «не замечаю», «непонимание», «неведение», что скорее всего говорит о небольшом проценте не очень коммуникативных людей, которые продолжили работать в офисе и для них принципиально ничего не изменилось.

2-я группа: администраторы и рядовые сотрудники

У рядовых сотрудников больше всего ассоциаций заняла категория «самоорганизация личности» - 24% (у администраторов -8%). Мы считаем, что рядовые сотрудники просто привыкли к контролю со стороны администраторов, а в сегодняшних условиях им приходится самим планировать свой график работы и нести «ответственность» за выполнение поручений.

У администраторов больше всего ассоциаций возникает по категории «отрицательные оценочные характеристики» - 24% (у специалистов - 10%). Они говорят, что им «сложно», «трудно», «проблемно» и порой даже «невозможно». В тоже время нейтральных и положительных оценочных характеристик дали больше специалисты - 6% и 14% соответственно. Скорее всего это связано с тем, что администраторы не могут контролировать своих подчинённых в прежнем режиме, а также возрастает нагрузка с обеспечением выполнений необходимых поручений в силу некоторых ограничений в сложившейся ситуации. Рядовые же сотрудники выполняют только посильные им задачи и говорят о том, что им «нравится», «устраивает», «не напрягает».

Различий в количестве эмоциональных характеристик администраторов и рядовых сотрудников выявлено не было.

Если говорить о «средствах работы», то больше всего ассоциаций по этой категории дали администраторы, скорее всего они с помощью «телефона», «компьютера» и «интерне-

та» принимают поручения вышестоящих лиц, которое им необходимо донести до рядовых сотрудников, а потом проконтролировать выполнение всех заданий.

Ассоциаций по «пространственно-временным характеристикам» больше возникло у рядовых сотрудников - 20%. Возможно, это связано с тем, что до исполнителей очень «медленно» доходят поручения, которые они потом должны успеть очень «быстро» выполнить, так как все работники находятся на расстоянии и до рядовых сотрудников информация доходит самой последней, отчего они больше ощущают «разъединенность» и «замкнутость».

Различия ассоциаций по категориям «совершенствование», «семейный быт» и «отсутствие прямой связи» не значительны.

3. Качественные единицы контент-анализа при описании ассоциаций на фразу «ограничение тактильных взаимодействий с коллегами»

1-я группа: работающие дистанционно и в офисе

Больше всего ассоциаций у работающих дистанционно сотрудников было связано с «нейтральной оценочной характеристикой» - 20%, что незначительно больше, чем у сотрудников, работающих в офисе - 18%. Испытуемые выдавали такие ассоциации, как «не интересно», «не удивительно», «нормально» и т.д. Мы считаем, что это связано с тем, что в данной некоммерческой организации преобладают деловые отношения, поэтому такая формулировка ограничения в приказе показалась сотрудникам немного «странной» и «непонятной».

У сотрудников, работающих в офисе фраза «ограничение тактильных взаимодействий с коллегами» больше всего вызывает ассоциации, связанные с «человеческими отношениями» - 20%, такие как «рукопожатие», «объятия», «коллеги» и другие подобные формулировки. Тех кто работает дистанционно ассоциаций по данным категориям возникает немного меньше - 14%. Возможно это связано с тем, что работающие в офисе больше ощущали запрет именно на тактильные взаимодействия, так как находились непосредственно в коллективе и им в любом случае приходилось контактировать друг с другом, а мужчинам приходилось менять привычки, связанные с «приветствием» или «рукопожатием», заставляя ощущать некую неловкость.

«Эмоциональных характеристик» у сотрудников, работающих в офисе (10%) возникло больше, чем у работающих дистанционно (4%). Офисным работникам над данной фразой-стимулом стало немного «смешно», но в основном это высказывание навеяло «грусть» и «скуку». Работающие дистанционно восприняли эту фразу «эмоционально» и с «возмущением».

Достаточно много возникло «отрицательных оценочных характеристик» у сотрудников работающих дистанционно и в офисе - 12% и 16% соответственно. Испытуемые говорили о «разладе», «отстранённости», «отчуждении», «пустоте» и «не хватке» взаимодействий с коллегами.

«Положительных оценочных характеристик», таких как «правильно» и «легко» и ассоциаций на тему «состояние здоровья» немного больше возникло у сотрудников, работающих в офисе (6% и 10% соответственно). Мы считаем, что это связано с большей опасностью заболеть именно тем, кто работает в офисе, поэтому они и говорят, что это «правильно» и в то же время выдают ассоциации на тему «вируса» и «самоизоляции», испытывая беспокойство по этому поводу.

А вот ассоциации по категории «распоряжение» немного больше выдают сотрудники, работающие дистанционно - 18%, чем работающие в офисе - 12%, говоря о «приказе», «документе», «порядке» и «дисциплине», понимая, что «правило» нарушать «нельзя».

Также мы обратили внимание, что работающие дистанционно выдали гораздо больше ассоциаций по категории «личная гигиена» - 18%, в то время как работающие в офисе упомянули понятия из данной категории только в 8% случаев. Возможно это может быть связано с тем, что работающие дистанционно не контактируют с коллегами совсем, поэтому под-

сознательно представляя такие взаимодействия с сотрудниками им это немного необычнее и автоматически хочется соблюдать «дистанцию» с коллегами, надеть «маску» и «перчатки», а также обработать «руки» «антисептиком», соблюдая «личную гигиену».

Также испытуемые, работающие дистанционно выдали 6% ассоциаций по категории «черты характера». Возможно это связано в целом с взаимодействием с коллегами, а именно с тем, что работающим дистанционно сотрудникам иногда сложнее выполнять поручения, особенно когда возникает необходимость просить своих коллег, работающих в офисе о помощи, не будучи уверенными, что эта помощь будет действительно оказана в полном объеме. Отсюда и возникают такие понятия по данной категории, как «аккуратность», «внимательность» и «неловкость».

2-я группа: администраторы и рядовые сотрудники

У рядовых сотрудников больше всего ассоциаций заняла категория «распоряжение» - 20% (администраторы – всего 10%). На наш взгляд это связано с тем, что рядовые сотрудники более внимательно вчитываются в «приказы» и другие «документы», стараясь исключить «нарушения» «правил».

У администраторов больше всего ассоциаций вызывают отрицательные оценочные характеристики - 22% и нейтральные оценочные характеристики - 22% (рядовые сотрудники - 6% и 16% соответственно). Администраторы гораздо больше говорят об «отчуждении», «сложностях», «беспорядке» и «отстранённости» скорее всего в силу того, что они в целом привыкли к определённому «живому» контакту с коллегами и партнёрами им гораздо сложнее вести свою профессиональную деятельность в сложившихся обстоятельствах. И в тоже время их «не удивляет» и «не расстраивает», что возникают ограничения именно тактильных контактов.

Принципиальных различий в количестве эмоциональных характеристик и положительных оценочных характеристик администраторов и рядовых сотрудников выявлено не было.

Также у испытуемых возникло значительное количество ассоциаций по категориям «состояние здоровья», «человеческие отношения» и «личная гигиена» с незначительным различием объема упоминаний по подгруппам.

Мы выделили ещё одну категорию «черты характера», ассоциации по которой высказали только рядовые сотрудники (и только работающие дистанционно). Они говорят о «внимательности», «аккуратности» и в тоже время «неловкости» возможно в силу того, что им необходимо в целом взаимодействовать с коллегами, работающими в офисе и периодически просить их о помощи, не забывая проверить выполнена ли их просьба верно и в полном объёме.

4. Качественные единицы контент-анализа при описании ассоциаций на фразу «запрет на личное общение»

1-я группа: работающие дистанционно и в офисе.

Больше всего ассоциаций с небольшим перевесом в сторону работающих в офисе - 24% заняла категория «социальные контакты» (дистанционно – 20%). Испытуемые говорили о «семье», «друзьях», «общении» по «телефону», «ассоциальности», «социуме» и других подобных понятиях.

Не меньшая часть ассоциаций возникла у работающих дистанционно сотрудников по категории «отрицательные оценочные характеристики» - 20%, а у работающих в офисе данная категория составила гораздо меньше - 12%. Они выдавали такие понятия, как «глупость», «абсурд», «негатив» и говорили о том как это «невыносимо», «ужасно», «неприятно» и «утомительно». А вот «нейтральных» и «положительных оценочных характеристик» возникло больше у сотрудников, работающих в офисе – 10% и 6% соответственно (дистанционно – 8% и 2% соответственно). Сотрудники, работающие в офисе, говорили о «понимании»,

«принятии», «обоснованности» и всё же признавались, что им личного общения «хочется», оно их «интересует» и «нравится» им. Очевидно, что у сотрудников работающих дистанционно «личное общение» с людьми происходит гораздо реже, поэтому они в большей степени выражали негативные ассоциации на запреты подобного рода.

Таких «эмоциональных характеристик», как «скучно», «грустно», «печально», «обидно» и других негативных эмоций у испытуемых обеих подгрупп возникло довольно много (дистанционно - 12%, в офисе – 16%). Также обе группы выдали достаточно большое количество ассоциаций по категории «ущемление прав человека», отметив «нарушения», «ультиматумы», «ограничения» и говоря о том, что они «против», «не согласны» и что вводить запреты подобного рода «не правильно» (дистанционно – 18%, в офисе – 16%). Ассоциации по категории «состояние здоровья», такие как «вирус», «карантин», «самоизоляция» и тому подобное также возникли у обеих подгрупп, но в гораздо меньшем количестве (дистанционно – 8%, в офисе – 4%). По категориям «дезинформация» и «движение к цели» принципиальных различий не выявлено.

2-я группа: *администраторы и рядовые сотрудники*

Тут также как и в сравнении 1-й группы больше всего ассоциаций с небольшим перевесом в сторону администраторов - 26% заняла категория «социальные контакты» (рядовые сотрудники – 18%).

У рядовых сотрудников большую часть ассоциаций заняла категория «отрицательные оценочные характеристики» - 22%. У администраторов данная категория составила только 10%. Возможно такие различия связаны с тем, что администраторы в обычных условиях вынуждены общаться с коллегами и партнёрами большую часть своего рабочего и даже свободного времени, а в условиях Пандемии они могут уделить всё своё свободное время личному общению с близкими. У рядовых сотрудников подобного личного общения по рабочим моментам гораздо меньше и происходит оно более дозировано, скорее всего поэтому им такого общения «не хватает» гораздо больше, чем администраторам.

Ассоциаций по категории «нейтральные оценочные характеристики» у администраторов и рядовых сотрудников возникло не так много: 10% и 8% соответственно.

Различий по эмоциональным и положительным оценочным характеристикам не выявлено.

Ассоциаций по категории «состояние здоровья» возникло больше у рядовых сотрудников – 10% (у администраторов всего 2%). Такие различия могут быть связаны с тем, что администраторы больше думают о том, как справиться с поставленными свыше задачами и организовать работу своих рядовых сотрудников в сложившихся обстоятельствах, поэтому ассоциаций, связанных с «вирусом» и «самоизоляцией» на фразу-стимул «запрет на личное общение» у администраторов возникает гораздо меньше.

По категориям «дезинформация» и «ущемление прав человека» принципиальных различий не выявлено.

А вот ассоциаций по категории «движение к цели», таких как «обязательность», «интересы», «мотивация», «распорядок» и т.д., больше у администраторов - 10%, чем у рядовых сотрудников - 4%. На наш взгляд это говорит о том, что администраторы вынуждены в любых условиях стремиться к цели, уметь правильно распределять своё «время» и мотивировать рядовых сотрудников на своевременное выполнение поручений.

5. Качественные единицы контент-анализа при описании ассоциаций на фразу «неопределённость дальнейшей работы организации»

1-я группа: *работающие дистанционно и в офисе.*

Больше всего ассоциаций с ощутимым перевесом в сторону работающих в офисе - 32% заняла категория «эмоциональные характеристики» (дистанционно – 22%). Сотрудники испытывали «страх», «панику», «беспокойство», «грусть», «печаль», «депрессию» и другие эмо-

ции, связанные с волнением перед неопределённым будущим. Эмоции, связанные с «интересом» и «любопытством» возникли только у сотрудников, работающих в офисе. Мы считаем, что сотрудники, работающие дистанционно больше переживают о том, что руководитель может не замечать их работы «на удалёнке» и возможно посчитает их не такими нужными данной организации. Работающие же в офисе понимают, что они Дирекции необходимы и их работа видна сейчас как никогда, поэтому они тоже переживают, но всё же гораздо меньше.

Достаточно много ассоциаций возникло у работающих дистанционно сотрудников по категории «поиск работы» - 20%, а у работающих в офисе данная категория составила в два раза меньше - 10%. Такие различия по данной категории также возможно связаны с ощущением ненужности тех, кто работает дистанционно, как уже было описано выше.

Также испытуемые выдали достаточно большое количество «положительных» и «нейтральных оценочных характеристик» с перевесом в сторону работающих в офисе сотрудников – 16% и 18% соответственно). Работающие дистанционно дали 12% «положительных» и 10% «нейтральных оценочных характеристик». Сотрудники выдавали такие ассоциации как «успех», «победа», «перспектива», «улучшения», «возможности» и в то же время выдавали очевидные нейтральные понятия: «неизвестность», «непонимание», «не страшно», «не напрягает». Думаю, что больше позитивных ассоциаций у сотрудников, работающих в офисе опять таки из-за уверенности в своей необходимости данной организации, чего немного меньше у коллег, работающих дистанционно. Упоминаний по категориям «отрицательные оценочные характеристики» и «мыслительные процессы» в обеих подгруппах было не так много и принципиальных различий не выявлено.

А вот ассоциаций по категории «финансы» возникло в два раза больше у тех, кто работает дистанционно – 12%. Сотрудники данной подгруппы выражали беспокойство по поводу «безденежья», «кредитов», «долгов», необходимости в «экономии» и т.д. Очевидно, что в целом тенденция сводится к тому, что сотрудники, работающие дистанционно могут показаться бесполезными, поэтому у них гораздо больше волнений о «неопределённости дальнейшей работы организации и они действительно боятся остаться без работы и без денег.

И вот тут интересно, что работающие дистанционно не только боятся будущего, но и рассматривают возможность о «движении по карьерной лестнице» в три раза больше, чем те, кто работает в офисе. Изучив детали, мы выяснили, что по данной категории дали ответы исключительно администраторы, что позволяет сделать вывод о том, что администраторы в сложившейся ситуации берут на себя большую нагрузку по урегулированию многих рабочих моментов, которые ранее никогда не возникали и именно сейчас возможно у них есть шанс «отличиться», проявить «усилие» и организовать работу по-новому, как не умеют и не могут другие, отсюда и возникают ассоциации об «уверенности», «стремлении» и «сильнейшем».

2-я группа: администраторы и рядовые сотрудники

У рядовых сотрудников большую часть ассоциаций заняла категория «эмоциональные характеристики» - 34%. У администраторов данная категория составила гораздо меньше - 20%. Мы считаем, что это связано с тем, что администраторы чувствуют себя более уверенно в своём статусе, так как их должности в структуре Дирекции довольно чётко закреплены и заменить их гораздо сложнее, чем рядовых сотрудников. Также это может быть связано с тем, что на должность администратора Дирекции принимаются люди достаточно уравновешенные, способные контролировать свои эмоции в непредвиденных ситуациях, так как и генеральный директор данной организации имеет схожие качества.

Интересно отметить, что у администраторов фраза «неопределённость дальнейшей работы организации» вызвала большую часть ассоциаций по категории «положительные оценочные характеристики» и составила 24%, а это в 6 раз больше чем у рядовых сотрудников –

4%. Администраторы выдавали такие ассоциации, как «успех», «оптимизм», «выживем», «победа», «развитие», «улучшения» и тому подобное. Возможно такими мыслями они стараются мотивировать себя и своих рядовых сотрудников верить в лучшее, а возможно они действительно видят положительные моменты в сложившейся ситуации, осознавая, что какие либо изменения – это в большинстве случаев «возможности» и «перспектива».

А вот отрицательных и нейтральных оценочных характеристик больше всего было получено от рядовых сотрудников – 10% и 16% соответственно. Это говорит о том, что ситуация в данный момент их действительно «напрягает» своей «неизвестностью». И они чувствуют «неуверенность» и боятся «потерять» хорошую работу, так как их должности более подвижны и других людей на замену найти гораздо проще для рядового сотрудника, чем для администратора. Ведь если не станет рядового сотрудника отдел или управление не развалится, а вот если поменяется администратор, то его гораздо сложнее ввести в курс дела и на это нужно будет потратить гораздо больше времени, так как необходимо будет изучить работу всего отдела или всего управления, а это может грозить не очень хорошими последствиями.

Также в 8 раз больше волнений у рядовых сотрудников было по поводу «финансов» – 16%, чем у администраторов – 2%. Такие результаты по данной категории также, как и в сравнении в предыдущей группе, вытекают из мыслей о том, кто больше боится потерять работу. В данной группе, как было сказано выше, остаться без работы бояться больше рядовые сотрудники, соответственно и мысли о «долгах», «кредитах» и «безденежье» у них возникают гораздо чаще, чем у администраторов.

Ассоциаций по категории «мыслительные процессы» возникло в два раза больше у администраторов – 12%. Мы считаем, что это связанно с тем, что администраторам действительно чаще приходится «концентрироваться», высказывать «мнение», задавать «вопросы» и держать многие моменты в своей голове и «в мыслях», чтобы было «понимание» перед постановкой определённых задач.

Категория «поиск работы» достаточно сильно волнует как администраторов – 18%, так и рядовых сотрудников – 14%. Нам кажется, что может быть связано с ассоциациями на фразу «неопределённость дальнейшей работы организации» обеих подгрупп о том, что существование самой организации может прекратиться и тогда работу необходимо будет искать всем.

Также хотелось бы отметить, что ассоциации, связанные с «движением по карьерной лестнице» возникли исключительно у администраторов – 8%. И на данные различия мы уже высказали своё мнение, сравнивая предыдущую группу. Мы полагаем, что администраторы в сложившейся ситуации берут на себя большую нагрузку по урегулированию многих рабочих моментов, которые ранее никогда не возникали и именно сейчас возможно у них есть шанс «отличиться», проявить «усилие» и организовать работу по-новому, как не умеют и не могут другие, отсюда и возникают ассоциации про «уверенность», «стремление» и о «сильнейшем».

Для выявления *статистически значимых различий* в восприятии деловой документации разными группами сотрудников был применен *φ критерий Фишера*.

Для проведения статистического анализа значимых различий в восприятии деловой документации сотрудниками, работающими дистанционно и в офисе, мы использовали количественно описанные единицы (категории) контент-анализа для каждой группы.

1. Выявленные статистически значимые различия в восприятии деловой документации между сотрудниками, работающими дистанционно и в офисе позволили нам сделать следующие выводы:

1. Сотрудники, работающие в офисе, воспринимают деловую документацию более эмоционально, чем дистанционные работники. Если рассматривать всё экспериментальное исследование в целом, то сотрудники, работающие в офисе, выражают большое количество

негативных эмоций по каждой отдельной фразе-стимулу из деловой документации. Очевидно, что в отношении к некоторым пунктам у них возникает чувства «обиды» и «досады» на решение руководителя о дистанционном режиме работы для всех, кроме них. Они в таких условиях ощущают «страх» и «панику», что вызывает у них «стресс» и «депрессию». И эти различия в восприятиях были выявлены уже после контент-анализа первой фразы-стимула из ассоциативного эксперимента, статистическую значимость различий которой показал критерий Фишера с наибольшей из всех категорий $f_{эмп} = 2,932$.

2. Статистическую значимость различий в восприятии деловой документации показали нам также, данные в большем объеме дистанционными сотрудниками «нейтральные оценочные характеристики». Возможно это связано с тем, что сотрудники, работающие дистанционно воспринимают деловую документацию более сдержанно, так как их работа больше зависит от личной «самоорганизации». Ожив период дистанционного режима работы привыкли к самоконтролю и планированию своего графика работы. Также мы считаем, что тексты приказов воспринимаются ими более спокойно, т.к. некоторые пункты их даже «не затрагивают», а касаются исключительно тех, кто работает в офисе. В нашем случае это большое количество пунктов, связанных с темой соблюдения профилактических мер по борьбе с коронавирусом при работе в офисе.

3. Выявлены статистически значимые различия по пространственно-временным характеристикам. Работающие в офисе сотрудники воспринимают тексты деловой документации Дирекции, периодически думая о «замкнутости», «удалённости» и «разъединённости» со своими коллегами в силу того, что они работают в привычном месте, но не в привычно большом коллективе. Работающие в офисе сотрудники, возможно больше ощущают «пустоту» коридоров и кабинетов. Им запрещено личное общение и привычное «совместное чаепитие», поэтому они, если можно так сказать, скорее всего, немного теряются во времени и необычайно большом для них одних пространстве.

4. Некоторые пункты деловой документации воспринимаются испытуемыми довольно своеобразно и, отметив в тексте приказов для себя, что существует «неопределённость дальнейшей работы организации» реагируют мыслями о «поиске работы». Гораздо чаще данные мысли посещают сотрудников, работающих дистанционно. На наш взгляд, это связано с тем, что работающие в офисе ощущают себя действительно нужными Дирекции, а вот работающие дистанционно возможно боятся, что их труд не всем может быть замечен, поэтому считают себя более подверженными кадровым изменениям.

5. Различия в восприятии деловой документации также могут наблюдаться в наличии заинтересованности каждой подгруппы к определённым пунктам приказов. Таким образом, одни и те же тексты приказов просто могут иметь маленькое значение для одной подгруппы и большое значение для другой. Отсюда, например, появилась статистическая значимость различий на восприятие фразы «дистанционный режим работы», где по категории «отсутствие прямой связи» высказались только сотрудники, работающие в офисе, говоря о том, что они находятся в «неведении» по данному вопросу, «не замечают» такого режима и вообще «не понимают» как это – работать дистанционно. Вторым подобным примером статистической значимости различий служит категория «черты характера», в которой исключительно сотрудники, работающие дистанционно, говорят о «внимательности», «аккуратности» и «неловкости». Возможно эти качества всплывают в силу того, что дистанционным работникам необходимо в целом взаимодействовать с коллегами, работающими в офисе и периодически просить их о помощи, не забывая проверить выполнена ли их просьба верно и в полном ли объёме.

2. Выявленные статистически значимые различия в восприятии деловой документации между административными работниками и рядовыми сотрудниками позволили сделать нам следующие выводы:

1. Различия в восприятии деловой документации могут основываться на несовпадении уровней ответственности, поэтому один текст приказа может восприниматься администраторами и рядовыми сотрудниками по-разному. В ходе исследования было выявлено, что рядовые сотрудники увидев в тексте фразу «сложившаяся эпидемиологическая ситуация» мыслят в основной своей массе стереотипно, выдавая наибольшее количество следующих ассоциаций: «болезнь», «коронавирус», «маска», «кашель», «температура» и т.д. Администраторы же мыслят гораздо шире и видят не только сам факт наличия «вируса», но стараются также думать о последствиях данной ситуации и о том как это может повлиять на будущее, выдавая больше всего следующих ассоциаций: «кризис», «девяностые», «бедность», «реструктуризация», «нестабильность» и т.д.

2. Выявление статистически значимых различий в восприятии деловой документации могут быть также связаны с несходствами уровней жизни в целом. Таким образом, администраторы, отличающиеся лучшим финансовым состоянием, выдают больше ассоциаций на тему «отдыха». Рядовые сотрудники больше задумываются о «кредитах», «долгах» и «безденежье».

3. Различие в восприятии деловой документации администраторами и рядовыми сотрудниками заключается также в уровне ответственности и сложности решения некоторых поставленных высшим руководством задач. Мы считаем, что в следствии именно этого у администраторов возникает гораздо больше «отрицательных оценочных характеристик» на большинство поручений. Рядовые же сотрудники не распределяют поручения и не несут ответственность за всё своё подразделение, поэтому по отношению к текстам приказов в основном выдают более «нейтральные оценочные характеристики». Однако бывает, что на отдельные пункты приказов, которые касаются их лично и возможно, как им кажется, нарушают их права могут выдавать гораздо больше «отрицательных оценочных характеристик», чем администраторы, как это было связано с фразой «запрет на личное общение».

4. Некоторые различия в восприятии отдельных видов приказов может быть связано со специфическими сложившимися обстоятельствами. В нашем случае таким обстоятельством стал вынужденный дистанционный режим работы. В данных условиях рядовые сотрудники гораздо чаще администраторов говорят о «самоорганизации» и «самоконтроле». Сюда же можно отнести и большой перевес в сторону рядовых сотрудников объёма упоминаний некоторых «характеристик личности», таких как «аккуратность», «внимательность» и «неловкость». Учитывая тот факт, что по данной категории ответили только рядовые сотрудники, работающие дистанционно, можно говорить именно о необходимости обращаться за помощью к коллегам, работающим в офисе. А просьба о помощи всегда сопровождается некой «неловкостью» и возможно чувством долга, при этом необходимо на расстоянии «аккуратно» и «внимательно» проверить выполнена ли их просьба верно и в полном объёме.

5. Различия в восприятии деловой документации могут заключаться в разных функциональных особенностях работы администраторов и рядовых сотрудников. По нашему мнению, именно поэтому при восприятии приказов администраторами, у них возникают мысли о способах распределения поручений между рядовыми сотрудниками своего подразделения. Возможно поэтому администраторы гораздо чаще думают о «средствах работы»: «телефонах», «интернете», «мессенджере».

6. Мы также предполагаем, что различия в восприятии деловой документации могут основываться на личных амбициях и самоуверенности сотрудников, а в большинстве случаев такими качествами обладают администраторы. Возможно, именно поэтому, отметив из текстов приказов «неопределённость дальнейшей работы организации», администраторы выдают больше «положительных оценочных характеристик» и даже думают о «продвижениях по карьерной лестнице». Рядовые сотрудники наоборот воспринимают такую неопределённость

более эмоционально и их преодолевают «страх», «паника», «переживания», «печаль», «сомнения» и другие, в основном негативные эмоции.

В целом, при работе с документами и сотрудниками Дирекции были обнаружены некоторые недостатки:

- 1) Низкий уровень организационной культуры Дирекции;
- 2) Низкий уровень информативности сотрудников о перспективах Дирекции;
- 3) Отсутствие чёткого представления сотрудниками Дирекции о местонахождении деловой документации и переписки.

На основе выявленных различий и недостатков сформированы рекомендации для Дирекции. Для совершенствования деловых коммуникаций, ведения деловой документации и оптимизации уровня организационной культуры в Дирекции предложены три мероприятия:

1. Наладить устойчивую внутреннюю связь между сотрудниками и структурными подразделениями, а также распределить ответственность за сохранность документов путём создания собственного Архива организации, что позволит сохранить сплочённость коллектива, исключит создание конфликтных ситуаций в части поиска и хранения документов, предотвратит утерю деловой документации и переписки, усовершенствует социально - психологический климат в организации, упростит взаимодействие между структурными подразделениями Дирекции и сторонними организациями.

2. Закрепить единые нормы и ключевые принципы деятельности организации путём разработки Корпоративного кодекса организации, который поможет создать сильную и однородную организационную культуру;

3. Организовать командообразующие мероприятия Дирекции, что способствует сплочённости коллектива, воздействуют на такие нематериальные факторы лояльности, как: отношения с коллегами, отношения с руководством и социально-психологический климат в организации.

Подводя итоги, можно говорить о том, что цель исследования достигнута путём проведения теоретического обоснования и экспериментального исследования психолингвистических методов анализа деловой документации и переписки в организации. Гипотеза исследования доказана, так как выявлены явные различия в восприятии содержания деловых документов, на примере текстов распорядительной документации, различными по должности и режиму работы группами сотрудников.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г.М.Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 378 с.
2. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: «МОДЭК», 2012. – 432 с.
3. Леонтьев А. А. Психология общения : учебное пособие для студентов. - 5-е изд., стереотип. - М. : Смысл : Академия, 2008. - 368 с.
4. Непогода А.В., Семченко П.А. Делопроизводство организации. - 3-е изд. – М: Смысл, 2017. – 480 с.
5. Реньш М.А. Организационная психология: учебное пособие. - Екатеринбург: ЕГУ, 2012. – 255 с.
6. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова/ Т.Ю. Сазонова. – М.: Изд-во ТГУ, 2000. – 46 с.

Сведения об авторах:

Артамошина Юлия Викторовна, кандидат психологических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: artamoshina_yuli@mail.ru

Кузнецова Анастасия Юрьевна, организационный психолог, e-mail: staska.88@mail.ru

ОСНОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И США: РЕАКЦИЯ ПРЕССЫ И ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ СОБЫТИЯ¹

Аннотация: «Потеря Китая» - одно из первых для американской внешней политики кризисных явлений в разгорающейся Холодной войне. Взгляд американской прессы на появление на карте нового коммунистического государства позволит лучше понять не только реакцию общества Соединённых Штатов на произошедшее событие, но и взглянуть на осмысление произошедшего политической элитой, экспертами. Цель статьи проанализировать основные темы и первичные реакции американской печати на это историческое событие, плотно вписанное в общий контекст нового глобального конфликта.

Ключевые слова: Мао Цзэдун, Чан Кайши, КПК, Гоминьдан, КНР, Гражданская война в Китае, Холодная война.

Y.A. Levin. Founding of the People's Republic of China and the United States: press reaction and first assessments of the event¹

Abstract: The "loss of China" is one of the first crisis phenomena for American foreign policy in the flaring Cold War. The view of the American press on the appearance of a new communist state on the map will allow a better understanding not only of the reaction of the United States society to the event, but also of the understanding of what happened by the political elite, experts. The purpose of the article is to analyze the main topics and the initial reactions of the American press to this historical event, which is firmly inscribed in the general context of the new global conflict.

Keywords: Mao Zedong, Chiang Kai-shek, CPC, Kuomintang, PRC, Chinese Civil War, Cold War.

1 октября 1949 г. на карте мира появилось новое коммунистическое государство, которое пройдя через ряд кризисных моментов, существует и сегодня, являясь одним из лидеров глобального рынка и, фактически, основным соперником Соединённых Штатов Америки не только в экономической сфере, но с каждым годом всё больше и в области политики [7, р. 3-15; 4, 2-36; 9, р. 10].

«Потеря Китая» как окрестили это многочисленные эксперты из области политологии, истории, культуры стала определённым шоком для американского общества и властей. Одно из первых, действительно заметных поражений американской внешней политики в ходе разгорающейся Холодной войны с Советским союзом не прошло бесследно и серьёзно повлияло на многое как внутри США, так и во внешних делах этой страны [1, с. 314-315].

Из крупных газет наиболее оперативно среагировала «New York Times». Уже 1 октября 1949 г. на первой странице издания вышла небольшая, но информативная заметка о создании нового государства в Азии. Под заголовком «Мао возглавляет пекинский режим. Программа поддержки Москвы» и не менее красноречивым подзаголовком «Красное» правительство запущено! Чжоу [написано с ошибкой как Чу – Я.Л.] наиболее вероятный премьер. Красный флаг над Китаем, Мао – глава режима «красных» в Китае». Сразу обращает на себя внимание несколько особенностей заголовка и подзаголовка, во-первых, в заголовке акцент сделан на Мао Цзэдуне и Москве, которая его поддерживает. То есть основное внимание читателя должно сфокусироваться на фигуре нового лидера Китая и его «однозначной» связи с Советским союзом. Во-вторых, и в заголовке и в подзаголовке и в статье старательно опускаются любые прямые фразы о появлении нового государства. Тем самым перед лицом очевидного геополитического поражения США пресса пытается «сгладить углы» для наименее просвещённых читателей преподнося события 1 октября не как появление нового государства, а,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003.

¹ The reported study was carried out in the framework of RFBR grant no. 20-39-70003.

скорее, как очень досадное поражение демократических сил. В-третьих, обращает на себя внимание в целом уровень статей [3, р. 1]. Даже в крупных изданиях часто китайские имена даже крупных деятелей транскрибировались с ошибками не по правилам английской грамматики, а «на слух». Это, наверное, самое яркое проявление того, что многие эксперты сочтут одной из основных причин поражения США активно поддерживающих лидера Китайской республики Чан Кайши. Хотя американцы долгие годы занимались китайским вопросом и имели ряд действительно квалифицированных экспертов, в целом, Китай и состояние дел в нём так и остались для широкого круга американских журналистов и ряда государственных деятелей, в том числе и высокого ранга, непонятными [2, р. 123-141].

Обращает на себя и фотография Мао Цзэдуна использованная в статье – немного нечёткое изображение молодого Мао в форме, судя по виду двадцатых годов. Это тоже подчёркивает для исследователей, насколько Китай был малопонятен и не изучен в Штатах в то время.

Из крупных провинциальных газет одной из первых среагировала «The Pittsburgh Press». В статье под заголовком «Китайские места в ООН готовятся для красных» и подзаголовком «Россия готовится выгонять националистов» сообщается, что, именно СССР готовится поставить на голосование вопросы об исключении представителей Китайской республики из состава ООН и включении вместо них представителей КНР, кроме того, подчёркивается, что Москва сразу после провозглашения нового государства начала переговоры по обновлению русско-китайского договора и о мире и торговле. По мнению авторов статьи это грозит серьёзным усилением позиции Советского союза в Азии. Кроме того сообщается, что только американская и британская делегация пытаются заступиться за представителей гоминьдановского правительства. Однако, ООН явно не стремится идти навстречу этим странам. Так в повестке Генеральной ассамблеи ООН обвинения Китайской республики в адрес СССР стоят на пятом месте, то есть, по мнению журналистов, их рассмотрят в лучшем случае в конце ноября. К тому времени, если руководство Организации Объединённых наций не обратит внимания на позицию США и Англии представители правительства Чан Кайши будут уже изгнаны [5, р. 2]. Обращает на себя внимание довольно скептический, если не сказать враждебный тон статьи по отношению к ООН. Это не удивительно, поскольку получив места Китайской республики в Совете безопасности в качестве постоянных членов, КНР, находящаяся в тесных отношениях с Москвой значительно усилит советское влияние в этом органе и будет иметь право «вето». В итоге американские и британские представители будут самыми деятельными противниками включения представителей коммунистического Китая в Совбез вместо Китайской республики, лишь в 1971 г. Пекин с помощью Москвы и других государств Варшавского договора добьётся своего [10, р. 1-12,13].

«Toledo Blade» (шт. Огайо) продолжает тему с вытеснением Китайской республики из ООН в статье с заголовком «Красные маневрируют, чтобы усадить китайских коммунистов в ООН» В основном этот материал от новостного агентства «United Press» копирует предыдущий, основное место уделено тому, что вся затея с образованием КНР нужна Москве, чтобы заместить в ООН, а впоследствии и в Совете безопасности этой организации Китайскую республику. Заметным отличием здесь является внимание ещё к двум вопросам рассматриваемым мировым сообществом в это время. Первый из них о ситуации в Корее, кратко отмечается, что перемены в Китае станут большим подспорьем для корейских коммунистов. Ещё один вопрос на который обратил внимание автор статьи – ситуация в Северной Африке, а именно вопрос нахождения иностранных войск в бывших колониях Италии. Советская делегация предлагала полностью освободить всю Северную Африку, включая Ливию от военных баз и войск других стран. Однако эта позиция вызвала сомнения у Британии и, в меньшей степени, у США. Решение этого вопроса войдёт в более активную стадию после выступления в

ООН графа Сфорцы – министра иностранных дел Италии [8, р. 2]. Общий тон статьи и интерес к другим проблемам международной жизни, в которых СССР заметно заявил свою позицию, должны создать у читателя довольно простую картину: «Русские вытесняют силы демократии по всему миру, в Китае, в ООН, в Корее, а теперь ещё и продвигаются в Африку».

Газета «Reading Eagle» округа Бёрк (шт. Пенсильвания) сообщила о создании КНР лишь 3 октября 1949. На первой полосе расположена заметка под заголовком «Китайские красные могут получить признание от британцев» и подзаголовком «признание нового коммунистического режима зависит от позиции США». Статья является перепечаткой материала агентства «United Press». Сам текст статьи сообщает, что Британия пока не приняла окончательного решения по вопросу признания КНР. Источник автора статьи в Форин-офисе сообщает, что Великобритания выжидает реакции США, чтобы на основе этого выработать свою линию поведения. Кроме того, подчёркивается, что кроме Америки, британское правительство интересуется реакцией и других стран-союзников по Атлантическому договору. В конце статьи сообщается, что Кремль признал КНР буквально на следующий день и тоже самое следует ожидать от стран Восточной Европы [6, р. 1]. В середине текста статьи находится вставка, озаглавленная «Националисты разрывают отношения с Советами». В тексте вставки сообщается, что признание КНР и начало переговоров между правительством КНР и СССР расценивается националистами как акт агрессии, поэтому с Советским союзом разорваны все отношения [6, р. 1].

Обращают на себя внимание сразу несколько моментов: во-первых, акцент на том, что Лондон ждёт реакции Вашингтона. То есть «Великая держава» Англия не смеет ступить и шагу без оглядки на решения Вашингтона. Такой акцент должен был подчеркнуть главенствующую роль Соединённых Штатов в новом, послевоенном мире и сгладить неприятные ощущения читателей от появления нового потенциального противника. Во-вторых, дважды в тексте статьи даются указания на Атлантический договор, то есть, журналисты всячески подчёркивают важность новорождённого НАТО как союза демократий во главе с США. В-третьих, НАТО противопоставляется Коминформу в который входят Советский союз и страны Восточной Европы оказавшиеся в сфере влияния СССР. То есть для простого читателя создаётся очень простая дуалистичная картина мира лежащая в логике разгорающейся Холодной войны: есть «плохие» – Коминформ во главе с СССР и «хорошие» – НАТО во главе с США. В полку «плохих» прибыло и «хорошие» думают, что делать дальше.

Подводя итоги можно сказать, что за период с 1 по 3 октября 1949 г. реакция, тематика и общий тон статей американской прессы о создании КНР несколько раз менялись. Наиболее оперативно среагировали крупные издания преимущественно общенационального значения. Поскольку основание нового китайского государства пришлось на субботу, а также из-за разницы во времени больше всего статей пришлось на понедельник (3 октября). Многие из тех стереотипов восприятия и трендов в освещении китайской темы, которые сложились в этот период станут на долгое время системообразующими в выстраивании образа КНР, а потому, к примеру, не позволят долгое время понять самостоятельность позиции и взглядов нового Китая в отношениях с СССР и остальным миром.

Библиографический список

1. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения. 2018. 618 с.
2. Newman R.P. Owen Lattimore and the “Loss” of China. Berkeley (CA): University of California Press. 1992. 684 p.
3. The New York Times. 1949.10.01.

4. Pauken T.W. US vs. China: From Trade War To Reciprocal Deal. Hackensack (NJ): World Scientific Publishing Co. 2019. 344 p.
5. The Pittsburgh Press. 1949. 10. 01.
6. Reading Eagle. 1949. 10. 03.
7. Seedhouse E. The New Space Race: China vs. USA. Chichester (UK): Springer. 2010. 256 p.
8. The Toledo Blade. 1949. 10. 01.
9. Wong E. U.S. vs. China: Why This Power Struggle Is Different // The New York Times. 06.26. 2019. P. 10.
10. Wuthnow J. Chinese Diplomacy and the UN Security Council: Beyond the Veto. N.Y.: Routledge. 2013. 240 p.

Сведения об авторе

Левин Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры Всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, e-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

Древности и археология

УДК 94(54)

A. A. Semenenko

THE MOTIF OF THE THREE-HEADED BULL IN RIGVEDA AND MATURE HARAPPAN CULTURE

Аннотация: Образы трёхголовых быков в Ригведе и Зрелой Хараппе представляют собой проявления одного и того же древнеарийского культа индоариев, автохтонных на северо-западе Индостана. Постригведийский культ трёхголового быка соотносится с периодом расцвета цивилизации Зрелой Хараппы и дополнительно подтверждает разработанную автором датировку Ригведы между 3300 и 2600 гг. до н.э.

Ключевые слова: Ригведа, Атхарваведа, трёхголовый бык, Зрелая Хараппа

Семененко А.А. Мотив трёхголового быка в Ригведе и культуре Зрелой Хараппы.

The present article deals with one more argument supporting the theory developed by the author in two series of Russian [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18] and English [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28] papers according to which: 1. the locus of the primary Indo-European (hereinafter referred to as IE) dispersal is to be delimited within the border region between Iran, South Asia and Bactria–Margiana; 2. the Rigveda (hereinafter referred to as RV) [29; 30; 31; 32] should be considered as the earliest IE text composed on the Indus – Upper Ganga plain between 3300 and 2600 BCE. All previous arguments proposed by the author are based on the parallel analysis of RV (plus Atharvaveda) hymns and the archaeological evidence obtained through excavations of the Pre-Harappan, Early Harappan and Mature Harappan sites.

While exploring the origin and migrations of IE one can study the core cultural patterns of RV and early Indo-Aryans (hereinafter referred to as IA) in their two main surviving forms — textual and materialized (archaeological). When there is a system of motifs recorded both verbally (in the hymns) and physically (as/on artefacts), mutually confirming each other and coinciding in time (3300–2600 BCE) and space (North-West Hindustan) the inferences made in the course of the research can be estimated as having a high degree of accuracy. It is the aim of this paper to present one more important cultural motif and criterion that makes us date RV to the Early (i.e. Pre-Mature) Harappan era and localize Rigvedic IA at that time in the Indus valley.

The motif of the three-headed bull usually called Vishvarupa or Omni-shaped, Omni-imaged, Omni-formed appears in the main chronological layers of RV: trimūrdhānam saptāraśmim gṛṇīṣe agnīm || ukṣā mahāṁ «The three-headed with seven reins (saptāraśmim) I extoll — Agni... || The great bull» (I.146.1–2); tripājasyo vṛṣabhó viśvárūpa utā triudhā purudhā prajāvān | trianīkāḥ patyate māhināvān sā retodhā vṛṣabhāḥ śāsvatīnām «The bull Vishvarupa with three bellies, also with three udders, rich in progeny. | The three-faced (trianīkāḥ) he reigns, splendid. This bull — the semen-inserter of the endless» (III.56.3); triśrīṣānam saptāraśmim jaghanvān tvāṣṭrāsya cin niḥ sasrje tritō gāḥ || bhūrīd indra udīnakṣantam ójo āvābhinat sātpatir mānyamānam | tvāṣṭrāsya cid viśvárūpasya gónām ācakrānās trīṇi śrīṣā pārā vark «Having killed three-headed with seven rays (saptāraśmim), Trita let go the cows even of Tvashtar's son. || Indra hacked down (the one) who aimed at too much strength, the good lord — (the one) who fancied of himself (as of the good lord). | Having taken for himself the cows of the very Tvashtar's son Vishvarupa, he tore his three heads

off» (X.8.8–9). Though in the last report Tvashtar's son is not called a bull directly he is described in the same terms as the "great bull" (ukṣā mahāṁ) Agni — as having three heads and seven rays (triśīrṣāṇaṁ saptāraśmim — compare trimūrdhāṇaṁ saptāraśmim agnīm); what is more, he has cows (gāḥ, gónām). The name Vishvarupa connects Tvashtar's son outright to the bull Vishvarupa with three faces (vṛṣabhó viśvárūpa | trianīkāḥ vṛṣabhāḥ).

But not only Agni and Tvashtar's son are described as three-headed bulls in RV. Soma is dozens of times called bull only in Mandala IX: vṛṣā (IX.2.1, 2), vṛṣā (IX.2.6; IX.5.1, 7, 9; IX.6.1; IX.7.3; IX.15.4; IX.19.3; IX.25.3; IX.27.3, 6; IX.28.4; IX.37.1, 5; IX.40.2; IX.61.28; IX.62.11; IX.63.20; IX.64.1 — three times at once; IX.64.2, 3; IX.65.4, 10; IX.70.5, 9; IX.71.7; IX.74.3; IX.80.2, 3; IX.81.2; IX.82.1; IX.86.3, 7, 11, 12, 19, 31, 44; IX.87.4; IX.91.3; IX.93.2; IX.97.13, 40; IX.101.16; IX.107.22; IX.108.12), vṛṣaṇaṁ (IX.6.6; IX.34.3; IX.63.21; IX.90.2; IX.106.5), vṛṣṇo (IX.10.6), vṛṣabhāsyādhi rétaṣi (IX.19.4), vṛṣaṇyāntībhiyaḥ (IX.19.5), vṛṣṇaḥ (IX.29.1), vṛṣann (IX.40.6), vṛṣan (IX.51.4; IX.64.2), vṛṣṇas (IX.64.2), vṛṣabhās (IX.70.7); vṛṣabhó (IX.72.7; IX.85.9; IX.96.7; IX.110.9); vṛṣabhāḥ (IX.76.5); vṛṣabhām (IX.80.5; IX.108.8, 11); vṛṣabha (IX.86.38); vṛṣanāma (IX.97.54); ukṣā (IX.69.4; IX.83.3; IX.89.3), ukṣāṇaṁ (IX.85.10; IX.86.43; IX.95.4). In the very same cycle Soma is described in the following words: trīṇ sā mūrdhnó ásuras cakra «This Asura created three heads for himself» (IX.73.1); śobhate vṛṣā || vísvā rūpāṇi āviśān punāno yāti haryatāḥ «The bull is beautifying ... || Taking upon all shapes (vísvā rūpāṇi), purifying, the desirable is moving» (IX.25.3–4). In the other verse, Soma is directly named bull and Vishvarupa: eṣā drapsó vṛṣabhó viśvárūpa sómaḥ «This drop, a variegated (viśvárūpa) bull — Soma» (VI.41.3).

Vishvarupa is also the epithet of the bull Brihaspati (vṛṣabhām carṣaṇīnām viśvárūpam bṛhaspátim) (III.62.6) and of Tvashtar–Savitar (tvāṣṭāram viśvárūpam (I.13.10); devás tvāṣṭā savitā viśvárūpaḥ (III.55.19); devás tvāṣṭā savitā viśvárūpaḥ (X.10.5)).

One more time Vishvarupa is described as the bull of Asura: mahát tát vṛṣṇo ásurasya náma ā viśvárūpo amṛtāni tasthau || ásūta pūrvo vṛṣabhó jiyāyān «That is the great name of the Asura bull: having all shapes he reached immortals. || He, the older bull, started to beget first» (III.38.4–5).

All the above-mentioned Devas (Playing-in-Light), characterized as Vishvarupa – that is Soma (IX.5.1–2; IX.66.19–21; IX.67.23, 24, 26), Brihaspati (III.26.2), Tvashtar (II.1.5; VIII.102.8–9) and Savitar (II.1.7) – function in RV as the aspects of Agni. That is why Agni is very exactly named Vishvarupa or Omni-shaped, Omni-imaged, Omni-formed by the poets of RV. Agni's designation as the great three-headed bull (trimūrdhāṇaṁ agnīm ukṣā mahāṁ) (see above) with all obviousness tells us that the image of the three-headed bull is one of the central in the earliest Samhita.

It appears that the motif of the three-headed animal in the Mature Harappan era was spread throughout the territory of the Sindhu (Indus) – Sarasvati basin and in Gujarat. According to A. Konasukawa (2013), the seals with this pattern make up 0,7% or 11 items out of 1597 seals with recorded parameters (0,7% or 12 items out of 1783 seals obtained through excavations). [33, p.89–91].

Let's consider the seals of Mature Harappa with the tricephalus bull to compare them to RV evidence on the three-headed bull. It should be mentioned also that we estimate the previous attempts of H. Heras and D. M. Srinivasan to interpret Rigvedic and Mature Harappan data on the tricephalus bull as utterly superficial, based on the selective (that is not thorough) analysis of the (textual) evidence and biased conclusions [34, p. 187–195; 35, p. 179–180].

Two seals with the depiction of the tricephalus bull come from Dholavira at Khadirbet in Bhachau Taluka of Kutch district, in the state of Gujarat in Western India (9156, 10057) (Fig. 1–2). [36, p. 266, 268; 37, p. 136]

One seal with the image of the three-headed bull was excavated in Amri-upon-Indus (Ai-6) (Fig. 3–4). [38, p. 54; 39, p. 390]

Three seals depicting the tricephalus bull were discovered in Mohenjodaro-upon-Indus (M-1169–1171) (Fig. 5–7). [39, p. 135–136 & 420; 40, p. 26, Fig. 13; 41, p. 243]

The seal K-43 with the image of the three headed bull comes from Kalibangan-upon-Sarasvati (Fig. 8). [42, p. 306].

Fig. 1. Dholavira seal 9156, Mature Harappa

Fig. 2. Dholavira seal 10057, Mature Harappa

Fig. 3. Amri-upon-Indus seal Ai-6A, Mature Harappa

Fig. 4. Amri-upon-Indus sealing Ai-6a, Mature Harappa

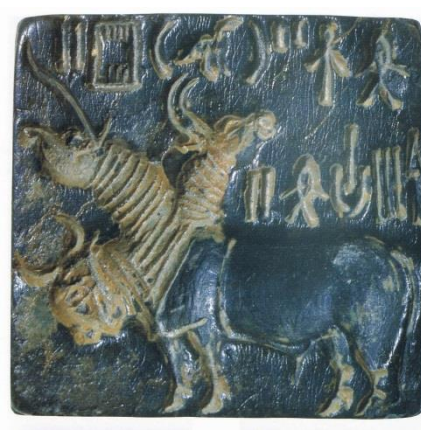

Fig. 5. Mohenjodaro-upon-Indus seal M-1169, Mature Harappa

Fig. 6. Mohenjodaro-upon-Indus seal M-1170, Mature Harappa

Fig. 7. Mohenjodaro-upon-Indus seal M-1171, Mature Harappa

Fig. 8. Kalibangan-upon-Sarasvati sealing K-43a, Mature Harappa

Two seals with the depiction of the tricephalus bull were obtained through the excavation of Bhirrana-upon-Sarasvati (Fatehabad District, Haryana) (Fig. 9–11). [43, p. 4, Fig. 3; 44; 45]

A Late Harappan seal of *Turbinella pyrum* shell with the carving of the three headed bull was dug out in the process of the underwater exploration off the Bet Dwarka island (Gulf of Kutch, Gujarat) (Fig. 12). [46, p. 26; 47, p. 1353; 48, p. 944]

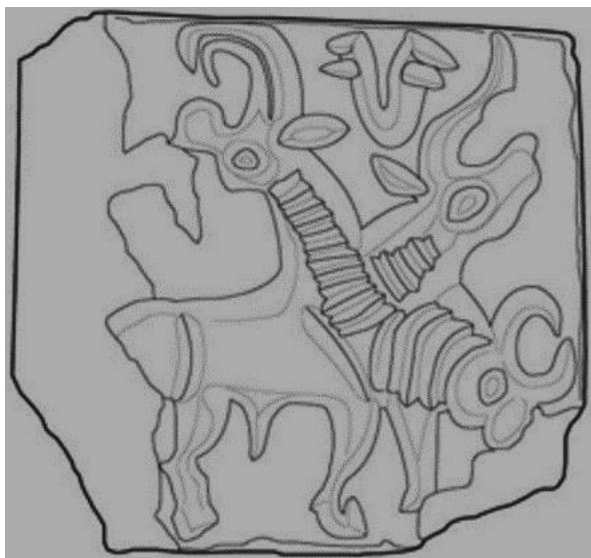

Fig. 9. Bhirrana-upon-Sarasvati seal, Mature Harappa, drawing by A. Uesugi

Fig. 10. Bhirrana-upon-Sarasvati seal, Mature Harappa, ASI

Fig. 11. Bhirrana-upon-Sarasvati seal, Mature Harappa, photo by V.V. Krishnan

Fig. 12. Bet Dwarka seal, Late Harappa, drawing

The very fact that all these seals have different bovine heads' images connects them emphatically to the Rigvedic tricephalus bull — Vishvarupa or Omni-shaped, Omni-imaged, Omni-formed.

Dholavira seal 9156 with the carving of the three-headed bull has an additional anthropomorphic figure standing on the bovine's back (Fig. 1). According to the report of the excavator of Bhirrana-upon-Sarasvati Nandini Bhattacharya-Sahu they have found a Mature Harappan seal of black steatite with a similar carving, but here we have the upper half of the horned anthropomorphic figure "growing" out of the back of the tricephalus bull (unfortunately the quality of the photo is so bad that it is no use to give it in this article). [49, Pl. XIV]

One more terracotta sealing of Mature Harappa from Banawali-upon-Sarasvati with the same depiction is now kept at the National Museum, New Delhi (accession number BNL-8731): it has a representation of a composite creature having one tiger head and a tiger's rear half of the body with the upper half of a horned anthropomorphic figure "growing" out of its back, while the front half of the body is that of a bull with two other heads having two and one horn(s) respectively the same as on usual Mature Harappan seals with the carving of the three-headed bull (Fig. 13) [50].

Fig. 13. Banawali-upon-Sarasvati sealing BNL-8731, Mature Harappa, National Museum, New Delhi

It is just evident that the BNL-8731 sealing is a result of the further mythological development of the Rigvedic tricephalus bull's image symbolizing Agni-Vishvarupa or Omni-shaped, Omni-imaged, Omni-formed. The important moment here is the synchronism of the BNL-8731 sealing and the all above-mentioned seals of Mature Harappa with the depictions of the three-headed bull because the presence of the tiger points at the post-Rigvedic stage of this mythical image history. It corresponds to the epoch of the Atharvaveda Shaunakiya's (hereinafter referred to as AVSh) [51;

52] composition. The date of AVSh is between 2600 and 1900 BCE that is during the Mature Harappa phase [8; 11; 13; 15; 16; 20; 25] with its well-developed tiger cult totally absent from the earlier RV. It is exactly in AVSh where we find the tiger as one of the Agni's personifications: yády agníḥ kravyád yádi vá vyāghrá imám goṣṭhám pravivéśānyokāḥ | tám máśājyaṃ kṛtvá prá hiṇomi dūrám sá gacḥatv apsuśádó 'py agnín «If Agni — the devourer of bloody flesh or if he penetrated this cowshed as a tiger (vyāghrá) being not in his house, | I am sending him off far away having made the beans the sacrificial oil. Let him go to the fires sitting inside the waters!» (XII.2.4); imám kravyád á viveśāyám kravyādam ánv agāt | vyāgráu kṛtvá nānānam tám harāmi śivāparám «The devourer of bloody flesh penetrated him. He followed the devourer of bloody flesh. | Having separated two tigers (vyāgráu), I am taking the one which is the other than the kind one (śivāparám)» (XII.2.43).

Thus we see that the parallel analysis of the textual (RV) and archaeological (seals and sealings of the Mature Harappa) evidence on the three-headed bull again supports our conclusion that the collection of Rigvedic hymns was composed in the Sindhu (Indus) valley in the Pre-Mature-Harappan epoch (that is prior to 2600 BCE) by the indigenous IA population of this region of the North-Western Hindustan.

Библиографический список

1. Семененко А. А. О предполагаемой миграции андроновцев в Индию из Евразийской степи и Средней Азии во II тыс. до нашей эры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — № 13 (132). — 2012. — Выпуск 23. — С. 5–10.
2. Семененко А. А. Предварительные данные об антропологических и археологических следах миграции индоевропейцев из Южной Азии через степную зону в Юго-Восточную Европу // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — № 8 (179). — Выпуск 30. — 2014. — С. 5–12.
3. Семененко А. А. Таримский след исхода индоевропейцев из Индии // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия: материалы Восьмой региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2014 г.) / Под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: Истоки, 2014. — С. 290–294.
4. Семененко А. А. О культе Ригведы и Махабхараты в связи с их датировкой // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.) / Под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: Истоки, 2015. — С. 216–222.
5. Семененко А. А. Об однорогом быке в Ригведе и хараппской культуре // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 257–260.
6. Семененко А. А. О прародине индоиранцев (ариев) // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: "Истоки", 2016. — С. 339–343.
7. Семененко А. А. Ригведийская река Сарасвати и археология Южной Азии // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. — Серия «Социально-гуманитарные науки». — Выпуск №1 (11). — 2017. — С. 73–83.
8. Семененко А. А. О датировке Ригведы и Атхарваведы // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. — Серия «Социально-гуманитарные науки». — Выпуск №2 (12). — 2017. — С. 81–91.
9. Семененко А. А. О (пре)хараппском знаке колеса со спицами // Личность в социуме, государстве, истории: материалы Одиннадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 1 февраля 2017 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. — С. 203–208.

10. Семененко А. А. Образ буйвола в (пре)хараппском искусстве и «Ригведе» как две формы фиксации древнеиндоарийского культа // IX Болховитиновские чтения. Духовный мир искусства. От личности к цивилизации. Материалы всероссийской научной конференции (5–7 октября 2016 года) / Отв. ред. Девуцкий О. В. — Воронеж: «Издательство Алейникова», 2017. — С. 32–41.
11. Семененко А. А. Крепости в Ригведе, Атхарваведе и (Пре)Хараппе и датировка Самхит // Личность, общество, власть: прошлое и современность: материалы Двенадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. — С. 248–253.
12. Семененко А. А. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 7. Исследования Гонур-депе 2014–2015 гг. / Ред. Н. А. Дубова (отв. ред.), Е. В. Антонова, Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин. — Москва: Старый сад, 2018. — С. 202–220.
13. Семененко А. А. О крепостях в Ригведе и Атхарваведе Шаунаки и (Пре)Хараппе и датировке Самхит // Проблемы гуманитарных и социальных наук. Научный журнал / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». — Выпуск № 2 (15). — 2018. — С. 85–95.
14. Семененко А. А. О «нестандартных» ригведийских «колесницах» (ратхах) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 7. Исследования Гонур-депе 2014–2015 гг. / Ред. Н. А. Дубова (отв. ред.), Е. В. Антонова, Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин. — Москва: Старый сад, 2018. — С. 221–239.
15. Семененко А. А. Поклонение Пашупати в Ригведе и Атхарваведе и Господину Животных в (Пре)Хараппе как две формы отражения единого индоарийского культа // Проблемы гуманитарных и социальных наук. Научный журнал / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». — Выпуск № 1 (14). — 2018. — С. 98–108.
16. Семененко А. А. Отсутствие меча в Ригведе и Атхарваведе и датировка Самхит // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 46 (2). — 2019. — С. 203–211.
17. Семененко А. А. Ещё раз о датировке Ригведы и Атхарваведы // Общество и власть: история и современность: материалы Тринадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 1 февраля 2019 г.) / Воронежский государственный университет. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. — С. 246–251.
18. Семененко А. А. Бычьи колесницы Евразии как древнейшая форма колесничного транспорта индоевропейцев // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему. Сб. статей к юбилею Н. А. Дубовой / Сост. и общ. ред.: М. Н. Губогло, В. В. Куфтерин. — Москва: Старый сад, 2020. — С. 134–144.
19. Semenenko A. A. Ploughing in Rigveda // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной заочной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2015 г.). — Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2015. — С. 64–70.
20. Semenenko A. A. Arable Farming of Vedic Indo-Aryans According to Atharvaveda Shaunakiya and Samhitas' Dating // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной заочной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2016 г.). — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2016. — С. 362–366.
21. Semenenko A. A. Cereals as source of food in Rigveda // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2017 г.). — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2017. — С. 254–256.
22. Semenenko A. A. Forests in the oldest cycles of Rigveda // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной научно-практической конференции моло-

- дых ученых и специалистов (на иностранных языках) (Россия, Воронеж, апрель 2018 г.). — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. — С. 331–336.
23. Semenenko A. A. Endemic Cattle of South Asia in Rigveda // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы V международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов (на иностранных языках) (Россия, Воронеж, апрель 2019 г.). — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2019. — С. 295–299.
 24. Semenenko A. A. On the true meaning of Ashva in Rigveda // Диалог языков и культур в современном образовательном пространстве: материалы международной научно-практической конференции (Россия, Воронеж, апрель 2019 г.) / Колл. авторов. — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2019. — С. 131–136.
 25. Semenenko A. A. The absence of the sword from Rigveda and Atharvaveda and the problem of Indo-Aryans' origin // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. — № 1(3). — 2019. — e-ISSN 2658-5561. — P. 83–96;
 26. Semenenko A. A. The spread of zebu cattle from South Asia to the East Mediterranean region as a marker of Indo-European population dispersal // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. — № 2(4). — 2019. — e-ISSN 2658-5561. — P. 3–22.
 27. Semenenko A. A. Watery Humpback Cattle Pattern in Rigveda and Archaeology of the Ancient East // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы VI международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов (на иностранных языках) (Россия, Воронеж, апрель 2020 г.). — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2020. — С. 306–309.
 28. Semenenko A. A. Images of solar bulls in (Early) Harappa, Rigveda and Avesta as manifestations of one and the same ancient Aryan cult // История. Общество. Политика / РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского». — №2(14). — 2020. — С. 56–72.
 29. Ригведа. Мандалы I–IV. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1989. — 767 с.
 30. Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1999. — 744 с.
 31. Ригведа. Мандалы IX–X. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1999. — 560 с.
 32. Rigveda. Metrically Restored Text. Eds. K. Thomson & J. Slocum // URL: <http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/> (дата обращения 10.09.2020).
 33. Konasukawa, Ayumu. Diversity of Harappan Civilization: A Case Study of the Ghaggar Basin (with Special Reference to Seals). A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Archaeology) at the Department of Archaeology Deccan College Post-Graduate & Research Institute. — Pune, Maharashtra, India, 2013. — 322 p.
 34. Heras, H. Three headed animals in Mohenjo Daro // Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. — Vol. 23, No. 1/4. — 1942. — P. 187–195.
 35. Srinivasan, Doris Meth. Many heads, arms, and eyes: origin, meaning, and form of multiplicity in Indian art. — Leiden: Brill, 1997. — 355 p.
 36. Bisht R. S. Excavations at Dholavira (1989-90 to 2004-2005). — New Delhi: Archaeological Survey of India, 2015. — 922 p.
 37. Rajesh S. V. Indus Archaeology in Gujarat: An expedition through space, time, materials and methods // South Asian Archaeology Series 4: Current Research on Indus Archaeology. Edited by A. Uesugi. — Research group for South Asian archaeology, Archaeological Research Institute, Kansai University, 2018. — P. 87–168.
 38. Srinivasan, Doris. The So-Called Proto-Śiva Seal from Mohenjo-Daro: An Iconological Assessment // Archives of Asian Art. — Vol. 29. — 1975. — P. 47–58.
 39. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. 2. Collections in Pakistan. Eds. S. G. M. Shah & A. Parpola. — Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1991. — XXXII+448 p.
 40. Kenoyer J. M. Indus Seals: An overview of Iconography and Style // Ancient Sindh. Annual Journal of Research. Eds. Mallah Q. H., Veesar G. M. — Vol. 9. — 2006-2007. — Khairpur (Sindh): Shah Abdul Latif University, Department of Archaeology. — P. 7–30.

41. Kumar S. Domestication of animals in Harappan culture: a socio-economic study. Thesis submitted to Maharshi Dayanand University, Rohtak for the Degree of Doctor of Philosophy in History. — Rohtak: Department of History, Maharshi Dayanand University, 2012. — 291 p.
42. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. 1. Collections in India. Eds. J. P. Joshi & A. Parpola. — Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1987. — XXXII+392 p.
43. Uesugi A., Jamison G., Dangi V. & Nakayama S. A Study on the Stylistic and Technological Aspects of Indus Seals with a Focus on an Example from Bhirrana // *Heritage: Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology*. — 2016. — P. 1–17.
44. Subramanian T. S. Harappan link // *Frontline: India's National Magazine*. — February 01, 2008 // URL: <https://frontline.thehindu.com/other/article30194287.ece> (дата обращения 10.09.2020).
45. Cover story: Linking the past and the present. Interview with the historian Romila Thapar, Professor Emeritus, Jawaharlal Nehru University // *Frontline: India's National Magazine*. — September 18, 2015 // URL: <https://frontline.thehindu.com/cover-story/linking-the-past-and-the-present/article7599425.ece> (дата обращения 10.09.2020).
46. Rao S. R. Marine Archaeological Explorations Off Dwarka, Northwest Coast of India // *Indian Journal of Marine Sciences*. — Vol. 16. — March 1987. — P. 22–30.
47. Vora, K., Gaur, A., Price, D., & Sundaresh. Cultural Sequence of Bet Dwarka Island Based on Thermoluminescence Dating // *Current Science*. — Vol. 82, No. 11. — 10 June 2002. — P. 1351–1356.
48. Gaur, A. S., Sundaresh & Patankar, Vardhan. Ancient shell industry at Bet Dwarka Island // *Current science*. — Vol. 89, No. 6. — 25 September 2005. — P. 941–946.
49. Bhattacharya-Sahu, Nandini. Excavations at Bhirrana 2003-06 // URL: <https://ru.scribd.com/document/425541821/Nandini-Sahu> (дата обращения 10.09.2020).
50. [Электронный ресурс:] URL: http://www.museumsofindia.gov.in/repository/record/nat_del-BNL-8731-18390 (дата обращения 10.09.2020).
51. Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. — Т. 2: кн. VIII–XII. — М.: Вост. лит., 2007. — 293 с.
52. Atharva-Veda Samhitā. Śaunaka Recension. On the basis of the editions Gli inni dell' Atharvaveda (Saunaka), translit. a cura di Ch. Orlandi, Pisa 1991, and Atharva Veda Sanhita, herausgegeben von R. Roth und W. D. Whitney, Berlin 1856 // URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/av/avs/avs.htm> (дата обращения 10.09.2020).

Сведения об авторе:

Семененко Александр Андреевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Воронеж; Aleksandr A. Semenenko, PhD in History, independent researcher, Voronezh City, Russia, email: 31071976@bk.ru

УДК 904+929.652 "844/990"

E. A. Shinakov

LONG HIKE “RUS” AND THEIR REFLECTION IN NUMISMATICS

Abstract: The article presents the main content of the reports made by the author at a number of international conferences in Athens and Seville. Abstracts of these messages were posted on conference sites, which are currently mostly inaccessible. In the Russian edition, the material is published first. It consists of three sections united by a common theme: 1. Likely Reasons for the Use of Rus Vessels by the Vikings during their Attack on Seville in 844 AD. 2. The Byzantine Coins of the Xth century in Desna-Bryansk Rus. 3. The Economic aspects of Sviatoslaw's military actions in Khazarian and Balcan regions.

Keywords: Money system, Sever, Vyatichi, Radimichi, Starodub, state formation, South-East Rus, separate pre-state, "complex chiefdom", Byzantine prestige coins, Sviatoslaw, economic reasons, Bulgaria, East Europe, trade relations, bridge between regions

Е.А. Шинаков. Дальние походы русов и их отражение в нумизматике.

Аннотация: В статье изложено основное содержание докладов, сделанных автором на ряде международных конференций в Афинах и Севилье. Тезисы данных сообщений вывешивались на сайтах конференций, в настоящее время в основном недоступных. В российском издании материал публикуется впер. Он состоит из трех объединенных общей тематикой разделов: 1. Скрытые причины набега Русов на Севилью в 844 году. 2. Византийские монеты X века на Средней Десне. 3. Экономические аспекты военных действий Святослава в Хазарском и Балканском регионах.

Ключевые слова: Денежная система, Север, Вятичи, Радимичи, Стародуб, государственное образование, Юго-Восточная Русь, отдельное предгосударство, «сложное вождество», византийские престижные монеты, Святослав, экономические причины, Болгария, Восточная Европа, торговые отношения, мост между регионами

1. Underlying reasons for the “Rus” attack to Sevilla at 844.¹

The “theory of conspiracy” or functional interconnection of many events occurred in the different regions of Peace simultaneously without evidential correlation between them is the “straight” opposing tendency of the investigation to the conception of “occasional features”. Partly the question of underlying, conceal causes of warfare belongs to this context. Just the evidential example of this “opposition” between external, “opened” and conceal causes of warfare which are rather different – the first viking’s attack to Andalusia (Sevilla) at 844 year A.C. These Vikings were called by Al – Yakhuby as “Al – Madgus ar – Rus”. As to the “first view” it was the usual norman’s military action with only robbing aims. But... If we put this event to the context of two more first mentions of “Rus, Ros” at the end of the 30th – the middle of the 40th years of the Xth century the causes of this event may see as another thing.

Polish investigator W. Duchka proposed the Byzantine attempt to find the alliances against Abbasids and –may be –Bulgarians among the Normans, including “Ros” at 838/839 years. He appealed to the “Bertin Annals” and Byzantine numismatic materials from Denmark and south Sweden. If we shall add to these sources the information “The Life of Georgios from Amastrida” and Al – Yakhuby’s story about attack of “the ships of Rus” to Sevilla, the whole “picture” becomes more complicated and interesting.

Three probably interconnected acts constructed the logical chain of events: “the embassy”(really - reconnaissance) mission of “hakan rus” at 838-839; the attacks to Amastrida on the Black Sea after the edge of 842-843 years and to Sevilla at 844. Under the complex of archaeological,

¹ Warfare, Environment, Social Inequality, and Pro-Sociability (WESIPS). Biennial Conference to be held on May 23-25, 2019 at the Center for Cross-Cultural Study, in Seville, Spain. Department of Sociology, Criminology and Anthropology.

Fig.1. Miscellany on the life of St. Edmund (MS M.736 fol. 9v). Bury St. Edmunds, England, ca. 1130. Pierpont Morgan Library, New York.

numismatic materials, written sources of different countries, the bases for these “trips” simultaneously may be several points on the north –European part of the “Eastern Way” (Austrweg): Ladoga on the North of Rus, anywhere in Denmark (Hedeby?), the island Walheren in Frisland (the last one –under the opinion of A. Alexandrow). Byzantine proposal to establish the alliance with “hakan Ros” even if it took place had an opposite result: at the beginning of the 40th years the vessels of Rus acted against Byzantine and its ally – state of Omeyyads in Spain, practically in the interest of Abbasids and Bulgaria. As a result the ships of Rus may receive the help from one of these states during the sail along its coast to Amastrida, late –to Konstantinople. Some of the islamic authors wrote that after the robbery of Sevilla the norman vessels sailed to the northern Africa which possessed to the allies of Abbasids –the enemy of “Spanish” Omeyyads. All of these made it possible the proposal that the attack to Sevilla was not an accidental isolated act but the part of strategical plan on all – European scale.

This conception has one “weak circle of chain” –only Al –Yakhuby among about 10th authors of different centuries named the Normans attacked Sevilla as “Ar –Rus”. But just Al –Yakhuby was the only one contemporary of the described event. For later authors the

group “Rus” may was hidden inside the wider term “Normans”.

2. The Byzantine Coins of the Xth century in Desna-Bryansk Rus.¹

The Xth century was very important edge in the process of formation of Old Russian statehood. Under the political (sociocultural) anthropology in that period the transformation of pre-state “complex chiefdoms” stage to early state stage took place. The main event of this change was the external-political and then internal-political crisis, which partly caused it. The letter was the result of Khazarian blockade of the Volga trade route after 914 year – the main traffic of Arabian dirhems to Rus’.

During this crisis specific pre-state formation in the South-East seceded from the Rus. It was based on Romny and Borshevo archaeological culture (tribal alliances or principalities of Sever, partly – Vyatichi and Radimichi). As to the finds of hoards belonged to the different Rus’ territories money system, this polity existed in 930-980-s. In the Desna-Bryansk Region this pre-state unit bordered with the Old Russian state. Just in this period, after the lack since V – VIth centuries, Byzantine gold, silver, copper and gilded copper coins (imitations) began to search into the Desna-Bryansk Region.

As a whole 4 gold “solids” were found in the 2 points near modern Starodub; 2 its imitations were found in two different point of the region. 4 coins of the 6th century belong to the monetary

¹ 15th Annual International Conference on History & Archaeology: From Ancient to Modern, 26-29 June 2017, Athens, Greece, Athens Institute for Education and Research

manufactory of Konstantin VII and Roman II, one – to Basil I Macedonian, one – to John Tzimiskes. The coin of Basil was found near 2 “solids” of Konstantin and Roman and fall, probably, into one hoard. On the both imitations there are holes for hanging or sewing to clothes.

Fig.2. Solid, issue 945–959 [DOC 15; Sear 1751]. Weight 4.37 g. Obverse. Breast image of Jesus Christ. Reverse. Bust images of emperors. Both coins were found in May 2005 near the village. Ostroglyadovo, Starodubsky district, Bryansk region.

Silver “milliarissiums” are discovered clearly in two points on the opposite sites of the region, probably – in 3 more points, everywhere – by one example. These coins are also presented in 2 hoards of dirhems, the pure points of finding of which are not clear. In one of them 470 dirhems are accompanied by only 1 milliarisium of Nikephoros II Phokas, in another one 18 Byzantine silver coins were found together with several tens of dirhems. Also 2 silver temporal rings of “Volin type” were found in the same hoard.

The main quantity of copper coins (above 10) relates to poured coins of Kherson and “follises” from Basil I to Basil II and Konstantin VIII were found in 9 places of different “corners” of the region, everywhere – by one sample. Only in one place (fortified settlement) 3 coins of different types were found. 4 samples from different places have holes or eyelets for handing or sewing on clothes. This fact and also the rarity of the Byzantine coins of all metals make evident that these coins were not used as money. The key moment in clarifying their functions is their location on the borders of “Russian Land” – “Rosia” with the “South-East” pre-state unit with its proper money system.

Golden coins and their imitations were discovered near the main base of Rus in this region - Starodub, in the so called “fortified district”, mainly in the castles in the center and on its borders. They are also in “stations” on the way from Kiev and Chernigov to Starodub. They mark the “fortified yard” of the military head of district (“voevoda”) in Ostroglyadovo, and residential points of the heads of garrison fortresses on the 3 sides of borders in Xth century. Silver and copper Byzantine coins are found also in fortresses and “fortified yards” on the frontiers, but on the territories with another money system, differing from Rus’ one. They also may mark the presence of military-political elite but of regional level, the “Severians”.

The presence of the Kherson coins are very characteristic – these lands were connected with this Byzantine “enclave” in Crimea since the VIth century (the hoard in Lemeschovka near Sevska).

These relations with Crimea were not connected with the Kievan power and were retained in the Xth century.

3. The Economic aspects of Sviatoslaw's military actions in Khazarian and Balcan regions¹

In historiography several reasons for the “worldwide” military actions of prince (‘catarhont’) Sviatoslaw in 960-s were advanced. The set of them extends from the support of the Bulgarian – Slavic “brothers” against the Byzantine expansion (A. Saharov), for example, to the attempt of creating the so-called “Circum –Pontic empire” with the political centre in former Bulgarian kingdom as “new Rus”(M.Pogodin, E.Shinakov and others).

The issue of this paper partly prepared by the regional grant of the Russian fund of fundamental investigation is the financial-economic component of Sviatoslaw expansion to both East and West Black Sea coasts. Many investigators had confirmed as the main aim and economic significance of Sviatoslaw's attacks against Khazaria

And its Slavic allies – to crush Khazarian blockade of Volga-Don path way of supplying of Arabian silver coins to Rus and Europe. The concrete (immediate) occasion for the military invasion to Bulgaria was indicated by Lev Diakon and have a financial character – “huge treasures” promised by the plenipotentiary of the Byzantine aristocracy.

But further economic plans of Sviatoslaw were more fundamental. The economic aim of the conquest of Bulgaria and attempt to join some Byzantine territories was reflected in the speech of Sviatoslaw to princess Olga in 969. The main content of his ideas – to transform the new centre of his “empire” – the North –East Danube Bulgaria to the all – European trading key–point.

The prince declared: ”This is the Middle of my Lands. Many goods and treasures are delivered to it: the reach clothes, wine, different fruits (“vegetables”), gold – from Greeks, silver and horses-from Czechs and Hungarians, furriery, wax, honey, slaves (“cheliad”) – from Rus. It seems to the project of “Common market” for the East and Central Europe if added the Caucasians, former Khazarian ownership of Sviatoslaw, his “empire” became the most short (and the most safe, considering almost permanent wars between Byzantium and Arab Caliphate) - “bridge” between Europe and the Middle East.

Сведения об авторах:

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, проф. каф. Отечественной истории, директор научно-образовательного Центра Археолого-этнологических исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. Shinakov@mail.ru.

¹ 17th Annual International Conference on History & Archaeology: From Ancient to Modern 3-6 June 2019, Athens, Greece. Athens Institute for Education and Research

УДК 902.67+551.79(282.247.412.15)

А.А. Чубур

ВЕРХНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ МЕГАФАУНА БАССЕЙНА УГРЫ

Аннотация: с целью облегчения дальнейших поисков палеолитических памятников в бассейне реки Угра (левый приток Оки) анализируется геоморфология и распространение находок плейстоценовой фауны в регионе. Приводится свод находок.

Ключевые слова: плейстоцен, река Угра, геоморфология, мамонт, шерстистый носорог, лошадь

A.A. Chubur. Upper playstocene megafauna of the catchment area of the Ugra River

Annotation: in order to facilitate further searches for Paleolithic landmarks in the basin of the Ugra River (left tributary of the Oka), the geomorphology and distribution of finds of the Pleistocene fauna in the region are analyzed. A set of finds is presented.

Keywords: Pleistocene, Ugra River, geomorphology, mammoth, woolly rhinoceros, horse

С давних времен людей привлекали огромные кости, вымываемые из берегов оврагов и рек – остатки древней мегафауны (крупных млекопитающих). Простой необразованный люд, а нередко и священнослужители, видели в них останки «допотопных» великанов-вологов или чудовищных порождений «врага рода людского». Так в Тульской губернии, крестьяне, найдя скелет мамонта, приняли его за остов гигантской дьявольской коровы и, разбив кости и показавшиеся рогами бивни кузнечным молотом вдребезги, отправили их на дно реки [13].

Более пытливые образованные умы тилились объяснить иными способами: так Петр Великий считал найденные в Воронежской губернии мамонтовые кости останками боевых слонов армии Александра Македонского, забредшей зачем-то далеко на север, в скифские земли. Соратник Петра Великого, дипломат, естествоиспытатель и историк В.Н. Татищев отверг мнение государя, кик и наивные народные поверья, придя к выводу, что кости принадлежат вымершему зверю, подобному слону. Невзирая на позитивный отзыв Академии наук, его труд, впервые в мире давший научные сведения о мамонтах, не был издан в Российской Империи. Его опубликовали на латыни в 1729 г. в Швеции и в 1743 г. в Лондоне. В переводе на русский язык работа была издана только в 1974 г. в Киеве усилиями академика АН УССР археолога и палеонтолога И.Г. Пидопличко [19], а затем, в 1979 г., в сборнике избранных произведений Татищева в Москве. К концу XVIII века, усилиями естествоиспытателей огромные кости были окончательно признаны останками вымершей фауны. Об этом писали и раскопавший в 1769 г. в г. Костенск на Дону мамонтовые кости российский академик Самуэль Готлиб Гмелин [6, с.53-54], впоследствии погибший в заточении у кавказских горцев, и профессор Геттингенского университета и российский академик Иоганн Фридрих Blumenбах, придавший в 1799 г. мамонту и шерстистому носорогу статус полноправных биологических видов.

Калужская область, как и верхнее Поочье в целом, в отличие от своих соседей с юга и востока, относительно небогата на находки ископаемой фауны ледникового периода. Всего до начала третьего тысячелетия на её территории научно зафиксировано лишь три десятка таких пунктов [23]. Связана эта немногочисленность, видимо, с тем, что значительную часть плейстоцена территория региона была покрыта ледниковыми образованиями и огромными приледниковыми озерами, которые, как и бескрайние заболоченные пространства, сохранились долгое время и после деградации ледниковых щитов Днепровского и Московского времени (средний плейстоцен). Однако, даже при малочисленности, обращает на себя внимание тот факт, что более половины известных находок мамонтовой фауны в Калужской области связана с бассейном реки Угра – одного из крупных левых притоков Оки.

Угра впадает в Оку возле Калуги. Высота ее устья над уровнем моря – 117,3 м. Протяженность реки составляет 399 км. Из них 257 км верхнего течения приходится на Смоленскую область (Верхний Угранский бассейн) и около 142 км – на Калужскую область. Общая площадь водосбора составляет 15700 кв. км (из них на Смоленскую область – верховья – несмотря на в полтора раза бóльшую протяженность долины приходится лишь две пятых площади – 6070 кв. км.). Долина реки с шириной всего 1-2 км, в нижнем течении до 3,5 км. При этом пойма лишь в одном месте имеет максимальную ширину 400 м, (у пос. Восток в Смоленской области, где долина пересекает локальную тектоническую депрессию, образуя самое значительное на всем протяжении озеровидное расширение [5]). Обычно же она не превышает 50-100 м. Ширина русла в нижнем течении достигает 70-80 м. Глубины в межень на перекатах всего 0,4-0,6 м, а на плёсах достигают 4 м. Средняя скорость течения 0,4-0,6 м/с [16]. Главные притоки Угры: Воря, Ресса, Теча, Шаня, Изверь, Жижала. Бассейн Угры в основном лежит в Угро-Протвинской низине – седловине между Смоленско-Московской возвышенностью и северными отрогами Среднерусской возвышенности (Спас-Деменская гряда, которая на севере круто обрывается в долину Угры), в её склон глубоко (до 60 м) врезаются притоки р. Рессы: Пополта, Свотица и Перекша.

Историю реки, важную для понимания условий накопления остатков древней фауны и первичного заселения человеком, раскрывает нам геолого-геоморфологическое строение ее долины. Угра несет свои воды преимущественно по плоским и слабоволнистым зандровым, моренно-зандровым, моренным и озерно-ледниковым равнинам.

В эоплейстоцене-раннем плейстоцене нижний субмеридиональный участок долины Угры был частью долины Пра-Оки: сток по ней шел с юга на север по участку долины Оки Чекалин – Калуга, затем по Пра-Угре, Пра-Суходреву и по Пра-Протве [21]. В период Окского оледенения долины Угры и Оки целиком заполнили ледниковые и флювиогляциальные (водноледниковые) осадки. При отступании ледника произошло врезание рек до прежнего уровня, удалившее из долин большую часть раннечетвертичных отложений. Во время наступившего Лихвинского межледниковья произошел новый цикл врезания-аккумуляции, окончательно переработавший аллювиальные и ледниковые осадки раннего плейстоцена, а местами и подстилающие их слои неогена. Уровень отложений лихвинской аккумуляции достигает абсолютных высот около 140 м [18]. В среднем плейстоцене, в днепровско-московский ледниковый этап происходит формирование основ современного ледникового рельефа междуречий. Перекрытие московским ледниковым щитом долины Пра-Оки на Угро-Суходревском участке привело к прорыву Окских вод вдоль южного края ледника и формированию новой долины в Калужско-Алексинском каньоне. Гляциоизостатические поднятия земной коры в период деградации Днепровского ледникового щита приводят к очередному врезанию долин и новому размыву доднепровских отложений. В конце московской ледниковой эпохи начинается новый этап врезания, когда окончательно сформировались очертания современных долин. В позднем плейстоцене в долине Угры зафиксировано два крупных цикла врезания-аккумуляции. Один сформировал II надпойменную террасу с базальным горизонтом на 15 м ниже современного уреза реки, выполненную отложениями микулинского и ранневалдайского возраста. Еще один позднеплейстоценовый врез зафиксирован на глубинах 5 м ниже современного уреза реки (основание I надпойменной террасы, сформированной в среднем и позднем Валдае). Во время этих двух циклов врезания закладывается современная овражно-балочная сеть и происходит развитие малых долин, глубоко врезавшихся в ледниковые и водноледниковые поверхности. Таким образом, для плейстоценовых фаунистических остатков древнее конца среднего плейстоцена шансов сохраниться в бассейне Угры остается критически мало.

В районе Юхнова и в нижнем течении Угры наблюдаются локальные озеровидные расширения долины, в которых сохранились сегменты третьей надпойменной террасы, сложенной флювиогляциальными отложениями [4]. Оба эти расширения, вероятно, имеют связь с тектоникой и строением подстилающей дочетвертичной толщи. Именно в этих местах зафиксированы кольцевые структуры, в которых большинство геологов видит следы древних вулканических образований девонского времени, а некоторые исследователи полагают, что это астроблемы – остатки метеоритных кратеров [15]. Ниже Юхнова долина Угры огибает и частично пересекает край неотектонического поднятия, создавшего подпруживающий эффект. Значительная часть находок фауны связана с краевыми зонами этих структур и, соответственно, с устьями указанных озеровидных расширений. Именно в таких местах создавались оптимальные условия для аккумуляции фаунистических остатков.

В приведенном ниже списке (Рис.1) учтены все, известные на настоящий момент находки. В него не включены некоторые экспонаты, имеющиеся в экспозициях местных музеев в тех случаях, когда место находки вовсе не установлено и есть существенные сомнения в ее местном происхождении, или же когда экспонаты переданы в экспозицию из фондов главного областного музея (КОКМ). Так, например, в экспозиции отдела природы Мосальского музейного центра «Дом Богдановых» имеются зуб мамонта (предпоследняя смена, верхний левый коренной (M2/), частично стертый, сохранилось 14 эмалевых карманов), два фрагмента бивня, а также два фрагмента черепов шерстистого носорога (лобно-теменная часть). Все находки происходят с территории Калужской области, но точное время и место их обретения, увы, неизвестно.

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Дорогобужский район

1. Мархоткинская волость Ельнинского уезда, ныне – юг Дорогобужского района – найден обломок кости шерстистого носорога [12].

Угранский район

2. Арсеньевская мельница – в 6 км от д. Кислово найдена кость мамонта [17, С.320].

3. Баскаковка железнодорожная станция - при рытье колодца в 12 км к северу-северо-востоку от станции в 44-м квартале Угранского лесничества (восточная часть урочища Дача Станкевича, недалеко от торфяника Байков Мох с остаточным ледниковым озером Бездонное) Г.Ф. Казанцевым на глубине 4 м встречены кости и бивни мамонта (вероятно остатки скелета). Разрез на месте находки: 1. Почва – 1 м. 2. Глина бурая и красно-бурая с валунами (морена) – 1 м. 3. Супесь темно-серая, гумусированная, с прослойками торфа и фрагментами дерева – 1,2 м. 4. Супесь серая – видимая мощность 1 м. (водоносный горизонт). [17, С.329]. По мнению смоленского геолога проф. И.Н. Салова найденные кости по условиям залегания могут быть датированы одинцовским интерстадиалом (потеплением между Днепровской и Московской фазами среднеплейстоценового оледенения) и относятся к останкам так называемого мамонта раннего типа [1].

Тёмкинский район

4. Горбы, д. – в 1891 г. во время земляных работ у мельницы найдены зубы, челюсть и другие кости мамонта (вероятно, неполный скелет) [12].

5. Кобелево, д. – близ деревни в надморенных флювиогляциальных песках найдены коренной зуб и бивень мамонта [12].

6. Шибнево с., - к востоку от села в песчаном карьере у железнодорожного моста через р. Воря в 1932-1933 гг. найдены крупные кости (вероятно, мамонт). [17].

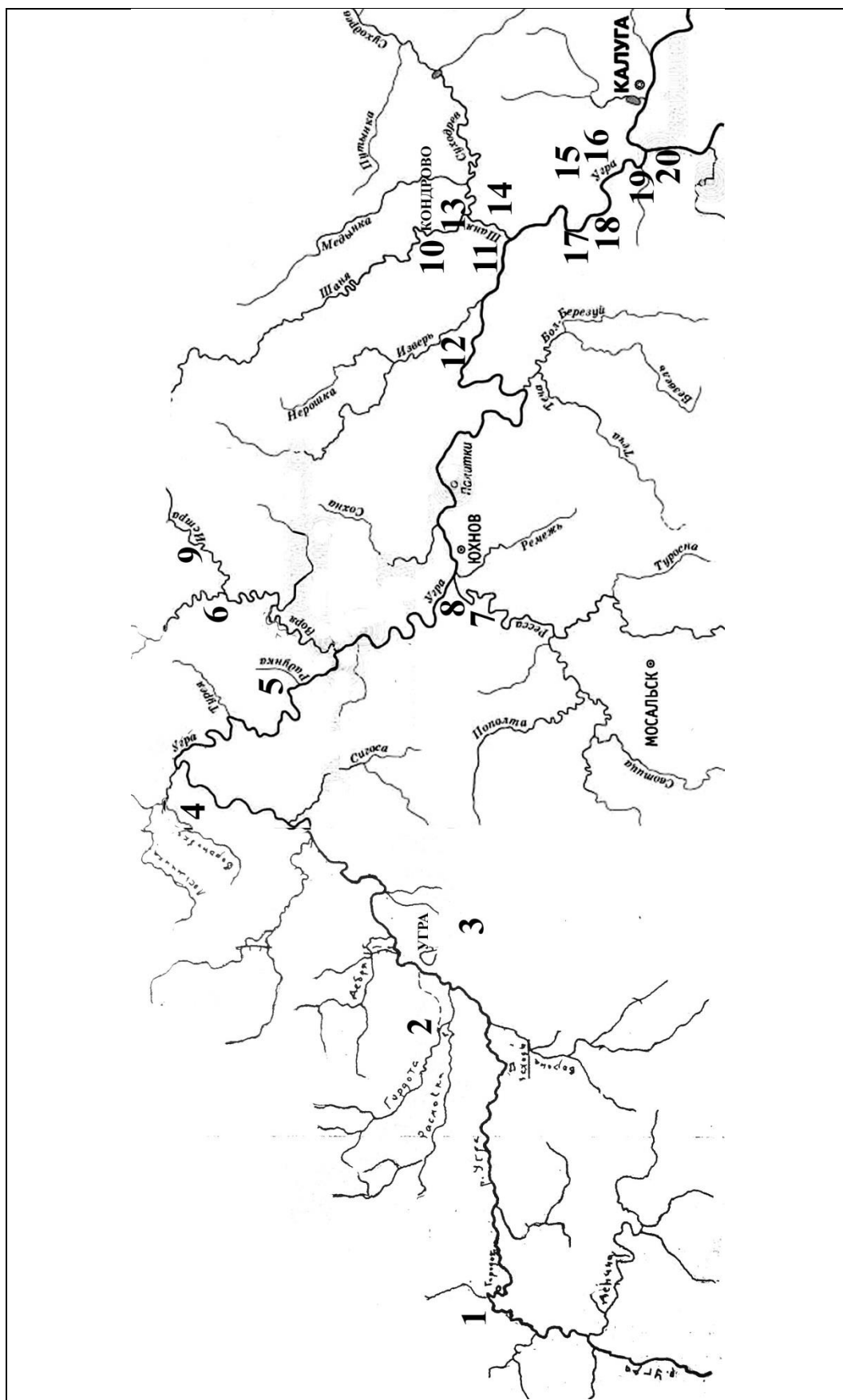

Рис.1. Карта-схема находок плейстоценовой фауны в бассейне Угры. Нумерация соответствует пунктам в тексте.

1. Мархоткинская волость. 2. Арсеньевская мельница. 3. Баскаковка. 4. Горбы. 5. Кобелево. 6. Шибнево. 7. Рыляки. 8. Ресва. 9. Истра. 10. Кондрово. 11. Никольское. 12. Николо-Ленивец. 13. Полотняный Завод. 14. Пятковский. 15-16. Мостовое. 17-18. Колышево. 19. Росва. 20. Спас.

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Юхновский район

Рис.2. Зуб мамонта из карьера в д. Рыляки.

Юхновский музей. Фото В. Новикова

7. Рыляки д., - из песчаного карьера близ деревни происходит найденный в 2018 г. зуб мамонта [10; 14] (Рис.2). Это правый нижний последний коренной зуб (M/3 sin) (в упомянутых публикациях он ошибочно указан как левый – но боковая выпуклая поверхность нижних зубов всегда обращена к языку), имеющий следующие морфометрические характеристики: уцелело 17 эмалевых карманов (часто их называют пластинами), но в передней и в задней части зуба по несколько «пластин» утрачено, можно предположить, что изначально их было не менее 20. Ширина коронки – 98 мм. Стиранием затронуты 10 эмалевых карманов («пластин»). Средняя длина «пластины» равна 11 мм. Эмаль среднескладчатая, тол-

стая – ее средняя толщина достигает 2 мм. Это свидетельствует о том, что животное питалось преимущественно влажными растительными кормами, не требовавшими сильного перемалывания. Приведенные параметры позволяют отнести животное к средневалдайской адаптации позднеплейстоценового шерстистого мамонта *Mammuthus primigenius*, сходной с мамонтами из Хотылёво 2, Авдеево и ранних горизонтов Зарайской стоянки. Можно предположить, что возраст находки лежит между 21000 и 30000 лет назад. Хранится зуб в Юхновском краеведческом музее.

8. Ресса, река. – находки большого количества костей мамонта на берегу реки Ресса в ее низовьях в 1980-х гг. Кости выставлены в экспозиции Юхновского краеведческого музея. Среди них обломок бивня, диафиз большой берцовой кости и два верхних зуба мамонта – предпоследней смены – правый второй коренной (M2/) (сохранилось 14 пластин) и первый левый коренной (M1/) (сохранилось 16 пластин). Зубы принадлежат толстоэмалевой адаптации так называемого «мамонта позднего типа» - типичным позднеплейстоценовым формам этого ископаемого слона.

Износковский район

9. Истра, р. бивень мамонта с берега р. Истра в Медынском уезде Калужской губернии, ныне территория Износковского района, найден в 1826 г. г-ном Маховым, представившим этот бивень с ярко выраженными конусами нарастания Московскому Императорскому обществу естествоиспытателей [24, р.287; 20, с.152]. Отметим, что в этом же районе, у пос. Шатрище, известном живописными конечноморенными ледниковыми образованиями, краеведом В.В. Егоровым, а затем археологом Б.В. Грудинкиным в 1999-2000 гг. были собраны невыразительные расщепленные кремни палеолитического облика [7, С.100], однако точная их датировка пока не ясна.

Кондровский (Дзержинский) район

10. Кондрово, г. – из песчаных карьеров на р. Шаня (левый приток Угры) на окраине города происходит серия разновременных находок, экспонирующихся в Кондровском музее. В их числе бивень, зуб мамонта (крупный фрагмент верхнего левого коренного, видимо последней смены, сохранилось 13 эмалевых карманов), фрагмент ребра мамонта. Отметим, что в окрестностях и на территории Кондрово четкой археологами Ефимовыми выявлены и находки, предварительно связываемые исследователями как с поздним палеолитом, так и с финалом эпохи мустье [9], но совместного залегания фауны и артефактов пока не обнаружено.

Рис. 3 Эстамп зубов верхней челюсти мамонта из с.Никольское.

нтам максимума валдайского похолодания и позднеледниковья, таким, как на палеолитических стоянках Юдиново, Елисеевичи 1 и 2, Быки 1.

12. Николо-Ленивец с. – старая находка зубов шерстистого носорога на левом берегу Угры. Неподалеку в галечнике археологом Б.В. Грудинкиным в 2014 г. были обнаружены отщепы палеолитического облика [8].

13. Полотняный Завод, пос. – случайная находка зуба мамонта при разработке карьера. Сообщения Б.В. Грудинкина, И.В. Болдина, 2013 г.

14. Пятовский, пос. Пятовский известняковый карьер. При вскрышных работах в моренных отложениях найдены два бивня мамонта, впоследствии рассыпавшихся на открытом воздухе. и обломок зуба.

15. Мостовое с., Сосновый Бор, урочище. Мостовской карьер - два искусственных водоёма восточнее моста через Угру трассы М-3 «Украина» (Рис.4). Западное озеро (старый карьер), используется как зона отдыха. Сейчас песок начали добывать уже из третьего котлована, а второй тоже постепенно закрывают. Нередко здесь при гидронамыве попадают зубы и кости мамонта и других плейстоценовых животных. В размывах песчаного карьера на

11. Никольское, с. – обломки черепа мамонта и два верхних коренных зуба (Рис.3) вымыты из берега р. Угра и найдены в 1953 г. гр. Поповым. Фонды Калужского музея-заповедника (головной музей) КОКМ № 7277. Оба зуба – последняя смена коренных Правый зуб состоит из 21 эмалевого кармана, ширина коронки около 80 мм, средняя длина пластины (эмалевого кармана с цементом) 10,5 мм, средняя толщина складчатой эмали – 1,2 мм. Левый зуб сохранил 17 эмалевых карманов и имеет почти аналогичные показатели. (МЗ/). Данный экземпляр *Mammuthus primigenius* по параметрам зубной системы с режущей тонкой зубной эмалью наиболее соответствует мамон

р. Угра краеведом К. Сальниковым в 2014 г. найдены обломки костей, фрагмент средней части бивня и зуб мамонта, зуб и кости лошади. Все они происходят из речного аллювия.

Рис.4. Мостовской карьер (фото Кирилла Сальникова), 2019 г.

16. Мостовое с., Сосновый Бор, урочище – в размывах песка на берегу р.Угры найден местными дачниками фрагмент средней части бивня мамонта. Сообщение А. Перепелицына.

17. Колышево с. – череп взрослого самца шерстистого носорога из экспозиции отдела природы Калужского краеведческого музея (КОКМ № 5017), найденный на правом берегу р. Угры в русловом аллювии, скорее всего I надпойменной террасы. Череп крупный, близкий к верхнедеснинской популяции, это говорит о благоприятных условиях обитания. К востоку – в междуречье Дона и Оки, и к югу – на Сейме и верхнем Псле черепа мельче. Сохранность неполная, повреждены максиллярные и небные кости, их передняя часть, располагающаяся под носовым отверстием, отсутствует. Предчелюстные кости утрачены. В частично сохранившихся левых альвеолярах присутствуют зубы Р2-3, в правых – лишь полуразрушенный Р4. Стирание зубов на стадиях VI-VII согласно схеме Н.В. Гарутт (долинки Р2-3 замкнуты, средняя долька Р4 разомкнута), что соответствует возрасту старше 15-20 лет [2]. О возрасте свидетельствует и полное срастание черепных швов. На половую принадлежность указывают характерные для самцов крутоизогнутые вниз и трапециевидные в плане большие по площади носовые кости (что обеспечивает крепление крупного переднего рога), крыловидные разрастания носовой перегородки выраженный переход от лобных костей к носовым, довольно массивные скуловые дуги, а также развитый рельефный затылочный гребень и углубленная выйная поверхность. Сагиттально-затылочный угол 117° , лобно-теменной 156° , что позволяет отнести череп к выраженному долихокранному морфотипу [3]. Морфометрия черепа опубликована [22].

18. Колышево с. - зуб мамонта, найден на берегу р. Угры в 1993 г. Сообщение С.И. Мелехина.

Городской округ г. Калуга

19. Росва с. - зуб мамонта с берега р. Угра, Калужский краеведческий музей, КОКМ № 5025. Правый последний коренной зуб очень плохой сохранности.

20. Спас, с. – три зуба ископаемой лошади из торфяника на р. Угре, найдены И.И. Раковым из д. Плетневка в 1939 г. Калужский краеведческий музей. Кл. 6503/1164.

Итак, мегафауна бассейна Угры в настоящее время представлена тремя видами крупных млекопитающих: мамонтом (в основном позднеплейстоценовыми адаптациями), шерстистым носорогом и лошадью (Рис.5).

Рис.5. Так мог выглядеть и плейстоценовый ландшафт бассейна р. Угра.

Шерстистый мамонт, шерстистый носорог, широкопалая лошадь, (no: Antón Mauricio).

Представляется важной задачей региональных археологических исследований поиск в регионе палеолитических культурных слоев, содержащих остатки фауны. Вероятность наличия таких памятников весьма высока. Кроме того, важно фиксировать все находки ископаемых костей, о которых становится известно, уточняя и дополняя предложенный свод. При возможности необходимо производить хотя бы минимальные морфометрические исследования остатков – в особенности это касается зубов мамонта, а также зубов и черепов шерстистого носорога.

Автор благодарит за информационную помощь Елену Гуренкову (Мосальский музейный центр «Дом Богдановых») и Алексея Ефимова (Кондровский историко-краеведческий музей).

Библиографический список:

1. Атлас Смоленской области. – М: ГУГК, 1964. – 40 с.
2. Гарутт Н.В. Онтогенез зубной системы шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach 1799 // История крупных млекопитающих и птиц Северной Евразии. Труды Зоологического ин-та РАН, Т.246. – СПб, 1992. С.81-102.
3. Гарутт Н.В. Морфология, эволюция и стратиграфия носорогов рода *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) из коллекции геолого-минералогического музея Казанского университета. // Волжская фауна плейстоценовых млекопитающих в геолого-минералогическом музее Казанского университета. Казань, 1994, с.76-107.
4. Геологическая карта четвертичных отложений Калужской области. Масштаб 1 : 500 000. М., 1998.
5. Геологическая карта четвертичных отложений Смоленской области. Масштаб 1 : 500 000. М., 1998.
6. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах. - Пер. с нем. - 2-е изд. – СПб: Императорская Академия наук, 1806. – 318 с.

7. Грудинкин Б.В. Проблемы и перспективы в изучении палеолита Верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы IX конференции 21-23 марта 2001 г. Т.1. – Калуга, 2001. С. 90-103.
8. Грудинкин Б.В. Изучение палеолита на р. Угра // От села Кондырево до города Кондрово. Материалы 3-й районной краеведческой конференции 6-7 ноября 2014 г. – Калуга: Эйдос, 2016. С. 6-10.
9. Ефимова Е.Е., Ефимов А.Е. Новые памятники каменного века в г. Кондрово // Природа и история Поугорья. Выпуск 8. Калуга, 2016. С. 151-158.
10. Коротаева Т. Привет от мамонта // Юхновские вести. № 30 от 1 августа 2019.
11. Левин А.В. Геоэкологический анализ территории водосбора малой реки: на примере бассейна Угры. Автореф. дис. канд. географических наук. – М., 2007. – 24 с.
12. Лявданский А.Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Общественно-гуманитарные науки. Т. IV. Вып.3. – Смоленск, 1927. С.219-259.
13. Наумов А.Н., Чубур А.А. Плейстоценовая мегафауна Тульской области // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Т.1. – Тула, 2007. С.59-78
14. Новиков В. Где находят мамонтов? // Угра. Журнал национального парка. 2019. №1 (14), июнь. С.18-19.
15. Петров В.Г. Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. – Калуга: Эйдос, 2003. – 440с.
16. Ресурсы поверхностных вод СССР: Гидрологическая изученность. Т. 10. Верхне-Волжский район / под ред. В.П. Шабан. – Л.: Гидрометеиздат, 1966. – 528 с.
17. Салов И.Н. Находки ископаемой четвертичной фауны в Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск, 1957. С.311-350.
18. Строение и история развития долины р.Протвы /под редакцией Г.И. Рычагова, С.И. Антонова / З.В. Алешинская, Э.Г. Ананьева, С.И. Антонов и др. – М.: МГУ. 1996. – 129 с.
19. Татищев В.Н. Сказание о звере мамонте, о котором обыватели сибирские сказуют якобы живет под землею, с их о том доказательствы и другие о том различные мнения // Природная обстановка и фауны прошлого. Вып. 8. – Киев: Наукова думка, 1974. С. 11-28.
20. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т.1. – М.: Синодальная типография. 1881. – 490 с.
21. Федосеев И.И. Палеогеоморфологические условия формирования попутных месторождений россыпного золота бассейна Верхней Оки. Автореф. дис. канд. географических наук. – М., 2014.
22. Чубур А.А. Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach (1799) из Калужского краеведческого музея (к зооархеологии палеолитической эпохи Поочья) // «Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области». Материалы научного симпозиума – Калуга, 2010. С.18-21.
23. Чубур А.А., Буланкин В.М., Грудинкин Б.В. Сведения о находках верхнеплейстоценовой фауны на территории Орловской, Калужской, Тульской и Рязанской областей России // Труды Рязанского исторического общества, вып.1. – Рязань, 1997. С.10-26.
24. Nouveaux mémoires de la Société impériale des naturalistes de Moscou. Tome I. – Moscou, 1829. – 590 p.

Сведения об авторах

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

Историческое краеведение

УДК 908/94(430)"1889/1919"

Ю. П. Соловьев

БОЛЬШЕВИК АФАНАСИЙ РЕМНЁВ И ЕГО ВООРУЖЕННАЯ ГРУППИРОВКА В ОКТЯБРЕ 1917 – АПРЕЛЕ 1918 ГОДА

Аннотация: Исследование посвящено судьбе одного из первых красных командующих армиями Афанасия Иосифовича Ремнёва (1889 или 1890-1919). В первой части речь идет о начальном периоде биографии Ремнёва, его службе в Русской Армии, участии в подрывной работе на фронте 1-й мировой войны, в жизни революционного Кронштадта, в первой попытке большевиков захватить власть (3-4 июля 1917 г.). Отдельно освещена история 703-го пехотного Сурамского полка, в котором служил А.И.Ремнёв и положил начало тотальному разложению этой воинской части.

Ключевые слова: Россия. 1-я мировая война. 1917. Афанасий Иосифович Ремнёв. 2-й Кавказский корпус. 2-я Кавказская гренадерская дивизия. 703-й пехотный Сурамский полк. Сморгонь. Кронштадт. Петроград. Большевицкий путч 3-4 июля 1917. Разложение Русской Армии в 1917.

Solovjev Yu.P. Bolshevik Afanasy Remnirov and its armed group in october 1917 - april 1918

Abstract: The study is devoted to the fate of one of the first Red army commanders, Afanasy Iosifovich Remnev (1889 or 1890-1919). The first part deals with the initial period of Remnev's biography, his service in the Russian Army, participation in subversive work on the front of World War I, in the life of revolutionary Kronstadt, in the first attempt of the Bolsheviks to seize power (July 3-4, 1917). Separately, the history of the 703rd Surami Infantry Regiment, in which A.I. Remnev served, is dedicated and laid the foundation for the total decay of this military unit.

Keywords: Russia. 1st World War. 1917. Afanasy Iosifovich Remnev. 2nd Caucasian Corps. 2nd Caucasian Grenadier Division. 703rd Suram Infantry Regiment. Smorgon. Kronstadt. Petrograd. Bolshevik putsch on July 3-4, 1917. Decomposition of the Russian Army in 1917.

1. «ИВАН ИВАНОВИЧ»

Судьба Афанасия Иосифовича Ремнёва (1889 или 1890-1919) представляет собой интереснейший пример того, как радикально могла измениться жизнь человека в революционную эпоху. Лицо абсолютно частное, занимавшееся мирной торговой деятельностью – то есть не революционизированный пролетарий, не бунтующий с 1905 года крестьянин, не так называемый «профессиональный революционер» – Ремнёв сначала более или менее случайно стал офицером, потом – большевиком, а там в течение года оказался причиной разложения значительных сил Русской Армии, одной из ключевых фигур неудавшегося большевистского путча 3-5 июля 1917 г., в конце октября того же года Ремнёв уже командовал сформированным из военных преступников полком, а в январе 1918 г. принял под свое начало революционную армию. Но вскоре качели дали «обратный ход», в апреле 1918 г. Ремнёв был арестован его же товарищами большевиками, в 1919 г. бежал из тюрьмы, предпринял попытку вновь стать частным лицом. Но это ему не удалось – и Ремнёва те же красные, вооруженные силы которых он создавал, расстреляли после короткого следствия, но без суда. Что же, обычный «калиф на час», только закончивший трагически. Но это далеко не вся правда.

Значительную часть настоящего исследования занимает рассказ о событиях довольно темного периода в истории большевистского государственного переворота в России. Период этот глава большевиков Владимир Ильич Ульянов по прозвищу «Ленин» (1870-1924) назвал «триумфальным шествием революции» или «триумфальным шествием диктатуры пролетариата и Советской власти» [113, с.5, 95] и установил ему временные рамки (по старому стилю) с 25 октября 1917 г. по 11 февраля 1918 г. [113, с.540] Позднейшая коммунистическая пропаганда пользовалась формулой «триумфальное шествие советской власти». Самому Ленину термин

этот нравился необыкновенно. Скажем, 7 марта 1918 г. в политическом отчете центрального комитета на 7-м экстренном съезде российской коммунистической партии (большевиков) – РКП(б) – Ленин упоминал это самое «триумфальное шествие» аж 16 раз [113, с. 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 16, 17, 20]. На 4-м чрезвычайном всероссийском съезде советов, работавшем с 14 по 16 марта 1918 г., Ленин вообще связал с этим термином большевистскую правоверность, но также встретил и возражения. Когда завязалась полемика по его докладу о ратификации Брестского мирного договора с Германией и ее союзниками, Ленин в очередной раз помянул «в упор поставленный исторический вопрос, правда это или нет, что мы с октября шли триумфальным шествием». Из аудитории в ответ внятно прозвучало: «Нет». Ленин парировал в манере базарного торговца: «Вы скажете, что ”нет”, а эти все скажут, что ”да”» [113, с.119] ...

Ясно, что советская историография формулу «триумфального шествия» приняла более или менее беспрекословно. К тому же и официальная дата создания прокоммунистической Рабоче-крестьянской красной армии (РККА) – 23 февраля 1918 г. – словно бы намекала на то, что до этого дня «триумфаторам»-большевикам вооруженная поддержка вообще не требовалась. Но те, кто возражал Ленину на 4-м съезде советов, прекрасно помнили, как большевики уже в 1917 г. за большие деньги и под разрешение грабежей вербовали себе наемников из числа военнослужащих Русских Армии и Флота, из числа военнопленных немцев, австрийцев, венгров, чехов, хорватов, а также из числа китайских «гастарбайтеров», приглашенных на русские заводы в разгар 1-й мировой войны. Помнили они и о полномасштабных боевых действиях, и о жесточайших репрессиях, развернутых большевиками против политических противников и мирного населения на Украине, на Дону, в Крыму, в Черкессии и т.д. И, конечно же, понимали оппоненты Ленина, что в период пресловутого «триумфального шествия» основными противниками большевиков были вовсе не «соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков», лишенные «всякой опоры в населении» [113, с.5], как заявлял Ленин на 7-м экстренном съезде РКП(б), а, во-первых, представители небольшевистских социалистических партий, и, во-вторых, как раз в значительной степени то самое «население». Таким образом, краткая история вооруженной группировки большевика Афанасия Ремнёва и ей подобных формирований, подавлявших конкурентов Ленина по социалистическому движению и терроризировавших несговорчивое население бывшей Российской Империи, как бы противоречила ленинскому псевдо-канону интерпретации событий. Поэтому о Ремнёве с его армией постарались забыть.

В конце концов, такое положение вещей даже лишило Афанасия Иосифовича Ремнёва имени-отчества. Дело в том, что в мемуарной литературе 1920-х – начала 1930-х годов, равно как и в издававшихся тогда сборниках документов, Ремнёв время от времени упоминался, но только по фамилии. Надо сказать, что в это время, помимо мелких мемуарных свидетельств, характеристика которых будет дана в основном тексте, вышли два значительных источника, касающихся ремнёвской биографии. Это, во-первых, изданные в 1925 г. мемуары коммунистического функционера Ф.Ф.Ильина по прозвищу «Раскольников» «Кронштадт и Питер в 1917 году», осветившие участие Ремнёва в попытке пробольшевистского переворота 3-5 июля 1917 г. и содержащие ряд важных психологических характеристик Ремнёва [176, с.20, 16-17]. И, во-вторых, первые два тома «Записок о гражданской войне» другого коммунистического функционера, В.А.Антонова-Овсенко [6; 7], которому Ремнёв был в военном отношении подчинен на рубеже 1917-18 гг. Книги Антонова-Овсенко, изданные соответственно в 1924 и 1928 г., содержат, помимо личных воспоминаний, богатейший свод разного рода оперативных документов, героями которых частенько становятся Ремнёв и его вооруженная группировка. Однако, расстрел Антонова-Овсенко в 1938 г. органами НКВД и отказ Раскольникова возвращаться тогда же в СССР из дипломатической командировки выбросили названные книги на несколько десятилетий из научного оборота.

Но и в относительно благополучную пору 1920-х только раз, в 1928 году, лично знавший Ремнёва и даже обязанный ему мемуарист отважился назвать Ремнёва Афанасием [77, с.233]. А позже сам факт существования Ремнёва, кажется, замалчивался. В изданном в 1957 г. в Минске сборнике документов «Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии» (два тома по тысяче страниц) он, возглавлявший с 26 октября 1917 г. основную вооруженную силу минских большевиков, упомянут один раз. В тысячестраничном томе собрания документов «Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине», посвященном как раз событиям начала 1918 года [25], в которых Ремнёв играл первую скрипку, имя его не упомянуто ни разу. Более того, там ни разу не упомянуто имя ремнёвского начальника, главнокомандующего красными войсками на Украине – «большевицкого генералиссимуса» (по образному выражению первого президента Чехословакии Томаша Масарика [117, с.199, 238]) – Михаила Артемьевича Муравьева.

Вместе с тем, в том же 1957 г. вышел сборник документов «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», включавший, среди прочего, фрагмент постановления следственной подкомиссии по делу об участии частей и команд Балтийского флота в большевистском путче 3-5 июля 1917 г. В этом документе Ремнёв был назван по имени, Афанасием, и приведен его служебный статус – прапорщик 703-го пехотного Сурамского полка [11, с.162-174]. В 1959 г. названный документ переиздали в сборнике документов «Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис», причем верно указали здесь также инициалы Ремнёва и его партийную принадлежность (большевик) [22, с.90-101, 587]. В 1964 г., в книге О.Н.Знаменского «Июльский кризис 1917 года» достаточно говорилось об участии Ремнёва в качестве одного из предводителей кронштадтских моряков в июльском путче [84, с.83, 96 104]. Но в вышедшей спустя два года монографии В.В.Петраша «Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября» [148] Ремнёв не упомянут ни разу, хотя отдельная глава книги посвящена событиям июля 1917 г.

В 1967 году в судьбе ремнёвского имени произошла и вовсе знаменательная метаморфоза. Тогда в Киеве вышла под редакцией И.К.Рыбалки первая книга первого тома замечательно-го, до сих пор не утратившего своей ценности сборника документов и материалов «Гражданская война на Украине 1918 – 1920». И вот здесь, в именном указателе, Ремнёва, что называется, «перекрестили» и сделали «Иваном Ивановичем» [58, с.793]. Новшество, как ни странно, прижилось. Когда в 1994 г. петербургские историки Р.Г. Красюков и Б.И. Колоницкий издавали воспоминания В.В.Шульгина «1917-1919», они не только сделали большевика прапорщика Афанасия Иосифовича Ремнёва «Иваном Ивановичем», но еще и «поручиком, левым эсером» [233, с.309]. Когда Р.Г.Красюков уже единолично переиздавал в 2012 те же шульгинские мемуары, то повторил в них комментарий 1994 г. [234, с.663]. В очередной раз Ремнёв был упомянут как «Иван Иванович – левый эсер, сподвижник Муравьева в борьбе с Центральной Радой» в 2014 г., в комментариях к сборнику документов «Гетман П.П.Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год» [42, с.1042, 1072]. Самое курьезное в этом последнем случае то, что названный сборник издан Государственным архивом Российской Федерации (ГАРФ), где, как мы вскоре увидим, хранятся важнейшие документальные свидетельства о деяниях и Ремнёва, и, к слову сказать, Муравьева.

Тем не менее, в вышедшей в 1976 г. основной, вероятно, советской монографии, посвященной боевым действиям периода «триумфального шествия советской власти» – книге В.Д. Поликарпова «Пролог гражданской войны в России» – Ремнёв упомянут только раз, в связи с курьезным эпизодом, в подлинности которого исследователь сомневается. Якобы Ленин передал 10 ноября старого стиля 1917 г. минским большевикам через Ремнёва распоряжения о немедленном захвате Ставки верховного главнокомандующего, а Ремнёв два дня не желал пока-

зывать ленинское письмо товарищам по партии [159, с.274]. Интересно, что в книге В.Д. Поликарпова январскому походу 1918 г. красных армий М.А.Муравьева на Киев и взятию города, что стало в итоге главным боевым деянием как Муравьева, так и Ремнёва, посвящено только пол абзаца [159, с.390]. В том же 1976 г. в книге американского историка А.Рабиновича «Большевики приходят к власти» в очередной раз Ремнёв поминался среди июльских путчей 1917 г. [173, с.57, 72]

Провинциальная – а, точнее, не московская и не петербургская – историография приближалась к раскрытию ремнёвского образа своим путем. В 1985 г. вышел в свет очерк истории управления КГБ по Брянской области, упоминавший, среди прочего, и Ремнёва. Правда, здесь история Ремнёва была отнесена к 1919 году и представлена перевернутой с ног на голову: в 1919, будто бы, «году на юге Брянщины объявились отдельные группы Ремнёва, бывшего командира особой армии, царского офицера. Под видом формирования партизанского полка он создал большую банду из деклассированных элементов и, вооружившись, выехал якобы на фронт. В Шостке разграбил казначейство, похитив около четырех миллионов золотом, после чего занялся кутежами и бандитизмом, наводя ужас на население. Он был пойман чекистами и по указанию ВЧК 3 августа 1919 года расстрелян» [215, с.24]. Никто не мог предположить, что это лишь «начало хорошей дружбы» карательного ведомства с его былой жертвой.

Не прошло и десяти лет со дня издания помянутой истории УКГБ по Брянской области, как это учреждение, переименованное в ФСК (Федеральную службу контрразведки), подготовило материалы для реабилитации Ремнёва. Более того, один из авторов книги 1985 г., полковник госбезопасности Феликс Павлович Дунаев (1926-2009), печатно сообщил в 2000 г.: «Знаменательным фактом... явилось принятие законов от 18 октября 1991 года и от 3 сентября 1993 года "О реабилитации жертв политических репрессий". Выполняя их, прокуратура Брянской области инициативно пересмотрела материалы архивного уголовного дела № 15447-П на А.О. Ремнёва и 6 декабря 1993 года вынесла свой вердикт: "Ремнёв Афанасий Осипович был арестован 9 июля 1919 года, осужден по приказу начальника особого отдела Восточного фронта 2 августа 1919 года к высшей мере наказания как подозрительная личность. В материалах дела никаких доказательств преступной деятельности Ремнёва нет. На А.О.Ремнёва распространяется действие ст.3 и 5 Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года". Таким образом, А.О. Ремнёв полностью реабилитирован» [73].

Вообще-то даже такое, с опозданием на семь лет, сообщение о реабилитации жертвы политических репрессий, явление для Брянской области уникальное. Дело в том, что в названной области реабилитация жертв коммунистических репрессий мероприятие не менее секретное, чем сами эти репрессии. Здесь, в отличие от подавляющего большинства регионов Российской Федерации, нет даже книги памяти таких жертв¹. Более того, в Государственном архиве Брянской области до сих пор отказываются выдавать исследователям дела о реабилитации даже хрущевского времени. И вдруг такая фантастическая публичность...

Но события продолжали развиваться. В 1998 г. ведущий палеограф Государственного архива Брянской области (ГАБО) Людмила Федоровна Осипенко опубликовала в нескольких номерах газеты «Брянский рабочий» статью «Анархия – мать порядка, или конец "особой" армии Ремнёва» [137; 138; 139]. В основу статьи были положены материалы дела о разграблении Шостенского казначейства, хранящиеся в фонде брянского революционного трибунала (ГАБО. Ф. Р-594). В частности, протоколы допросов военнослужащих брянского красногвардейского отряда и брянской батареи, направленных в армию Ремнёва в последние дни ее суще-

¹ «В Брянской и Волгоградской областях, Дагестане, Карачаево-Черкесии к подготовке Книг памяти пока и не приступали» [80, с.10].

ствования. Тем не менее, исследовательница попыталась восстановить этапы существования группировки Ремнёва, начиная с 1-го революционного полка имени Минского Совета, а также контекст событий, используя, например, мемуары генерала В.Н.Егорьева о войсках так называемой Западной завесы [235, с.138-150], к которой на последнем этапе своего существования относилась армия Ремнёва. По другим брянским архивным фондам Л.Ф.Осипенко отыскивала отрывочные сведения о довоенной жизни Ремнёва в Брянске. Вместе с тем, главные события, создавшие Ремнёву и его красногвардейцам печальную репутацию (разгром Ставки верховного главнокомандующего Русской Армией в Могилеве, Киевская резня января 1918 г., еврейские погромы в Черниговской губернии), остались за пределами этой публикации. Кроме того, Л.Ф.Осипенко не сохранила номера использованных дел, которые и теперь, по причине не совсем удачной формы регистрации этих дел в описях, почти не поддаются восстановлению.

Через два года после публикации Л.Ф.Осипенко на страницах того же «Брянского рабочего» выступил с еще более объемной статьей «Судьба командарма», посвященной А.И.Ремнёву, уже знакомый нам полковник ГБ Ф.П.Дунаев [72; 73; 74]. В основу этой публикации было положено хранящееся в Архиве управления Федеральной службы безопасности по Брянской области (АУФСББО) прекращенное уголовное дело №15447-П и материалы, подготовленные в 1993 г. к реабилитации Ремнёва (например, справка из Российского государственного военно-исторического архива в Москве об устроенных Ремнёвым 28 марта 1917 г. на фронте саботаже и смене командования во 2-м Кавказском корпусе Русской Армии). Несмотря на то, что следствие по делу Ремнёва и расстрел бывшего командарма свершались в Поволжье, материалы его дела – вероятно, по причине того, что Ремнёв назван в нем гражданином Брянска – были в какой-то момент переданы в архив УКГБ по Брянской области. Ценность публикации Ф.П.Дунаева трудно переоценить: он привел обширные цитаты из протоколов допросов Ремнёва, из доносов на Ремнёва сокамерников, из сопутствующих делу бумаг местной милиции и особого отдела 4-й советской армии.

Отвлекаясь, следует вообще отдать должное своеобразному, но весьма и весьма важному краеведческому наследию Феликса Павловича Дунаева, разбросанному, к сожалению, по брянским газетам разных лет и до сей поры не собранному. Симпатии и антипатии этого автора, полагаем, понятны из его служебного статуса. Более того, каждую свою статью Ф.П.Дунаев сознательно стремился превратить в обвинительное или оправдательное (например, в случае Ремнёва) следственное заключение. Но вместе с тем, он был на протяжении, по крайней мере, двух десятилетий единственным человеком, делавшим достоянием заинтересованных читателей содержимое исторической части ведомственного архива брянского КГБ, ФСК и ФСБ. О почти полной закрытости этого архива для исследователей писали еще в 2007 году [90, с.109, 114]. С тех пор ситуация несколько не поменялась. За десятилетия работы в области региональной истории автор этих строк встречал ссылки на архив УФСБ по Брянской области лишь у двух исследователей: в работах 2004 и 2011 г. новгородца Бориса Николаевича Ковалева [103; 104. – См. сноски и указатели] (ныне доктор исторических наук) и в книге 2005 г. брянского краеведа Эльвиры Степановны Голубевой [45, с.49-50, 65-66]. При таком положении вещей публикации Ф.П.Дунаева на разные темы приобретают статус едва ли не первоисточника.

Помимо уже сказанного, Ф.П.Дунаев в своей статье о Ремнёве, кажется, первым довольно много цитировал мемуары Ф.Ф.Раскольниковца, посвященные участию будущего командарма в большевистском путче 3-5 июля 1917 г. Вместе с тем, у Ф.П. Дунаева, также, как у Л.Ф. Осипенко, обойдены молчанием воинские преступления Ремнёва и ремнёвцев в Белоруссии и Украине.

И вот в 2001 г. в Киеве два старших научных сотрудника Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины Владислав Анатольевич Гриневич и Людмила Владимировна Гриневич издали материалы следственного отдела комиссариата публичного обвинения РСФСР по заведенному весной 1918 г. делу главноко-

мандующего советскими войсками на Украине М.А.Муравьева [61]. Эти материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф.1029. Оп.1. Дд.15, 16, 17, 18) и содержат массу свидетельств людей из красного лагеря, подтверждающих воинские преступления на Украине и Муравьева, и в значительной степени Ремнёва с ремнёвцами. Эта публикация, помимо, конечно, важнейшего своего самостоятельного значения, подтвердила правоту эмигрантских мемуаристов, с ужасом вспоминая первое большевистское нашествие на Украину в январе-апреле 1918 г. К сожалению, небольшой тираж (200 экземпляров) и, возможно, место издания сделало этот замечательный исторический источник практически неизвестным современным российским историкам.

Но вернемся в Брянск. Здесь в 2005 г. в региональном приложении к столичной газете «Аргументы и факты» журналист Александр Алексеевич Федосов опубликовал очередную статью о Ремнёве под странным названием «Яд платиновой чаши. Жизнь и похождения брянского друга Троцкого» [223; 223а]. Сомнительно, чтобы Ремнёв не то что дружил, но вообще был знаком с Троцким лично – ну, да ладно. А.А. Федосов на тот момент, когда в газете «Брянский рабочий» Ф.П. Дунаев печатал свою «Судьбу командарма», был заместителем главного редактора названной газеты. Надо полагать, замредактора сохранил предоставленные газете Ф.П. Дунаевым фото и ксерокопии документов из дела Ремнёва, которые и стали основой федосовской статьи. По содержанию эта последняя представляет собой краткий эмоциональный пересказ текста Дунаева с включением небольших цитат из документов, в статье Дунаева опущенных. 15 октября 2017 г. в интернет-издании «Брянские новости» А.А.Федосов (почему-то анонимно) опубликовал немного расширенный вариант своей статьи 12-летней давности под названием «Яд платиновой чаши. Брянская трагедия революционного командарма Ремнёва», снабдив публикацию более точными, нежели в газетной версии Ф.П.Дунаева, цитатами некоторых бумаг из ремнёвского дела и даже фотокопиями трех документов [224]. Учитывая сказанное выше о «непроницаемости» архива УФСБ по Брянской области, эти три фотокопии стали существенным вкладом в копилку информации по интересующему нас вопросу.

Интересно, что за полгода до переиздания статьи А.А.Федосова, 3 апреля 2017 г. некто Вячеслав Бондаренко, рекомендовавший себя писателем и ведущим 2-го национального телеканала ОНТ, выступая в интернете с пересказом в залихватской манере газетной версии федосовской статьи, провозгласил Ремнёва «первым красным офицером Беларуси» и предложил включить незадачливого командарма в первую сотню героев национальной белорусской истории [16]...

Очередной пересказ на сей раз интернет-версии федосовской статьи увидел свет в сентябре 2018 г. в периодическом издании «Международный мемориал. Мемориальские хроники. Сеть региональных организаций». Как можно понять по логотипу, это издание выпускается обществом памяти жертв политических репрессий «Мемориал». Опубликованная здесь статья о Ремнёве «Охота на командарма» подписана неким Николаем Поляковым, представляющим никому неведомый в Брянске и области «Брянский Мемориал» [163, с.7-9]. Как на самом деле помнят жертв политических репрессий в Брянской области, говорилось уже выше. Показательно при этом, что примерно раз в 15-20 лет в качестве главной такой жертвы предьявляется именно Ремнёв. Наконец, забавно, что пересказ федосовской статьи Н.Поляков начинает с «завлекательной» фразы: «Об Афанасии Иосифовиче (Осиповиче) Ремнёве (1890 – 03.08.1919) мне впервые поведал мой отец, лично знавший его по службе в Красной армии. При Сталине могли расстрелять за связь с ним, но отец никому – ни словечка, остался в живых» [163, с.7]. Словом, перед нами текст, призванный имитировать работу общества «Мемориал» в Брянске...

* * *

Теперь стоит немного поговорить о типичном и индивидуальном в судьбе Афанасия Ремнёва. Несмотря на очевидную «головокружительность» его скоротечной карьеры, именно в

этом и заключалась ее типичность для революционного времени. Свидетельством тому многочисленные литературные произведения ремнёвских современников, отражавших почти мгновенные преобразования заурядных представителей социальных низов – и не только – в полноценных «вершителей судеб» тысяч людей. Вот почему время от времени будут появляться на страницах этой книги имена В.В. Розанова, М.А. Волошина, Н.С. Гумилева, М.М. Зощенко, И.Э. Бабеля, И.И. Савина – не только как поэтов и писателей, но как свидетелей эпохи, позволяющих восстановить контекст событий и объяснить содержание происходившего.

Действительно, виртуальный склад социальных масок грабили в революционные дни столь же увлеченно, как винные и прочие склады. И постоянно примеряли наворованные маски, которые частенько прирастали к лицам. Случалось, даже, что такие «примерки» происходили буквально, а не метафорически. Например, в феврале 1905 г. в Севском уезде Орловской губернии во время так называемых «аграрных беспорядков» произошло любопытное действие: в село Поздняшовка «явились три крестьянина из деревни Холзовки Дмитриевского уезда, привезли с собой награбленное; двое из них называли себя "Куропаткиным" и "Стесселем" и показывали свои ордена и ленты. (Тогда шла Русско-японская война, генерал от инфантерии и военный министр Алексей Николаевич Куропаткин командовал русскими сухопутными силами на Дальнем Востоке, а генерал-лейтенант Анатолий Михайлович Стессель оборонял от японцев Порт-Артур. Имена этих генералов были известны всей России. – Ю.С.) <...> В той же Позднышевке 20-го числа [февраля 1905 г.] местный земский начальник собрал полный сход и пытался своими уговорами и убеждениями воздействовать на крестьян, удержать их от насильственных действий. Крестьяне покорно выслушали слова земского начальника Новикова и обещали ему ни в каких беспорядках не участвовать, а между тем, под влиянием явившихся после его отъезда "Стесселя" и "Куропаткина", в ту же ночь, т.е. [на] 21 февраля, крестьяне этого селения, совместно с окрестными селениями... разграбили экономию Подлинева при Позднышовке... В это время выдающимся руководителем движения в Севском уезде является крестьянин с[ела] Троебортное Косых, называвший себя "Стесселем"» [179, с.636] . О случаях в годы Гражданской войны массового переодевания красноармейцев в белых или надевания убийцей на себя одежды убитого с невольной примеркой и чужой социальной роли (как в знаменитой балладе Уланда – Жуковского «Мщение»: «Изменой слуга паладина убил: / Убийце завиден сан рыцаря был. <...> И шпоры, и латы убийца надел / И в них на коня паладина сел» [81, с.146]), много говорится у нас в основном тексте.

Выше мы оговорили использование в настоящем исследовании термина «карнавал» по отношению к революционному действу. В действительности можно прямо говорить, как видим, и о революционной театральности – с костюмами, декорациями, даже со своего рода «пьесами». При этом «вживание в роль» несло за собой не только психологические, но и метафизические издержки: часто потерю имени (псевдонимы-прозвища), вообще лица или даже индивидуальной сущности. О том ужасе, который могла вызвать такая «перемена участи» у духовно-чуткого наблюдателя, можно судить по замечательному очерку великого русского философа Василия Васильевича Розанова (1856 – 1919) «Актер» (1909). Причем тот самый «Иван Иванович», в которого «перекрестили» советские историки Афанасия Иосифовича Ремнёва, стал у Розанова символом зловещего метафизического перерождения актерствующего человека: «Иван-то Иванович? — Уже не Иван Иванович, а кто-то!.. Он сделался кем-то другим: сперва рука кого-то другого, потом ноги опять чьи-то иные, бедра — совсем не Ивана Ивановича; туловище, такая трудная массивная часть,— и оно сделалось новое. И, наконец... Он приделал себе голову!!! Черт возьми... Я был смущен, но это — второе. Больше всего я был испуган какой-то метафизической тайной, мне вдруг замигавшей из-под обыкновенного зрелища "переодевающегося актера". Правда, я впервые видел такого...

— Сущность человека в том, что "делается человек". Ах, черт возьми, черт возьми!

”Делать человека” смеет только Бог. Кошунство заключается в том, что он ”сам приделал себе голову”. Свою снял и поставил в угол, а из угла взял другую... и приставил себе. <...> Это вполне ”черт знает что такое”. Но я бы не был испуган и ”заинтересован тайной”, если бы он не делал это... охотно! С этого начинался мой психологический ужас. Когда я в детстве переодевался раз ”для чего-то” и ”в кого-то”, то, я помню, до чего это было неудобно, неприятно, физически ощутимо — неприятно. <...> Он потому так охотно переодевается, что в сущности и метафизически он вовсе никак не одет. Он голый. Но это — тайна, неизвестная и ему самому. Оттого он и хватается чужие одежды, а они к нему идут, льнут. Тут страшное дело. Актер — страшный человек, страшное существо. Актера никто не знает, и он сам себя не знает. Непременно перед тем, как ”нашел поприще”, он страшно томится, томится ему самому непонятным томлением. Он хочет кого-нибудь играть... Играть? — Ему нужно играть, без этого он задыхается, как пустое место без содержания; как платье, которое ни на кого не одето. Страшная сущность актера в том, что он на кого-то должен быть ”одет”, — на короля, героя, мудреца, на Агамемнона или коллежского секретаря. Это вполне дьявольская вещь, и существо актера глубоко дьявольское. Он, видите ли, ”играет роли”. Недаром старушки крестятся, встречаясь с актером: это вполне точно и правильно! Нужно креститься, ибо актер до такой степени мало похож на человека, ”на всех нас”, как этого нельзя понять умом. ”Ему хочется играть роли”, ”он любит играть роли”, без них он как неживой. Но ведь тайна в том и заключается, что он действительно неживой до ”роли Ивана Ивановича или Ивана Поликарповича”; а как ”надевает роль” — оживает, становится кем-то!» [182, с.312, 313, 314]

Действительно, как еще понимать судьбу Ремнёва, до 1-й мировой войны являвшего собой вопиющую заурядность, о которой не наскребешь и пяти строк информации, но в первый революционный год вершившего судьбы фронта, политического режима в столице и, наконец, едва ли не «игравшего бога» в Киеве и в Черниговской губернии? И томление Ремнёва в отсутствие такой роли очевидно. Вот почему не удалось ему вернуться к частному образу жизни, а очутившись в камере провинциального отделения милиции, он снова принялся фантазировать о предстоящем ему высоком положении уже у белых... Но такие роли в большей или меньшей степени играло тогда множество людей.

Строго говоря, даже сюжет двух последних лет жизни Ремнёва очень типичен для красногвардейской среды. Недаром он почти дословно совпадает с судьбой красногвардейца из одноименного стихотворения Максимилиана Александровича Волошина (1877 – 1932), написанного 16 июня 1919 г., за полтора месяца до расстрела Ремнёва: «Скакать на красном параде / С кокардой на голове / В расплавленном Петрограде, / В революционной Москве. / В бреду и в хмельном азарте / Отдаться лихой игре, / Стоять за Родзянку в марте, / За большевиков в октябре. / Толпиться по коридорам / Таврического дворца, / Не видя буржуиным спорам / Ни выхода, ни конца. <...> И, показавшись толковым, / Ввиду особых заслуг / Быть посланным с Муравьевым / Для пропаганды на юг. <...> Слоняться буйной оравой. / Стать всем своим невтерпеж. / И умереть под канавой / Расстрелянным за грабеж» [38, с.318-319]. Только положение Ремнёва и последствия деятельности одного из первых красных командармов были иные, нежели у простого красногвардейца.

А что же с индивидуальным в ремнёвской биографии? Дело в том, что положительного опыта в этой биографии нет вообще. Она включает в себя разложение боевых частей, участие в вооруженных государственных переворотах, насилия, грабежи, убийства пленных и мирного населения, ложь и демагогию. Причем в такой степени, что даже соратники по большевистскому движению и красным вооруженным группировкам совершенно не желали хоть в какой-то мере Ремнёва оправдывать. Также отличает Ремнёва от схожих с ним персонажей какая-то запредельная трусость, сделавшаяся еще на фронте 1-й мировой войны главным мотиватором ремнёвских поступков. Свойственно Ремнёву было и нечто вроде мании преследования. До

какого-то момента эти черты характера, как ни странно, способствовали военной карьере Ремнёва у большевиков – но потом разрушили ее, да и привели Ремнёва к насильственной смерти от рук прежних товарищей. И ведь он был не единственным трусом на военном олимпе Совдепии – достаточно вспомнить матроса Дыбенко, бросившего в феврале-марте 1918 г. позиции под Нарвой и судимого за это. Но у Дыбенко был порыв исправить репутацию делом, что в итоге и произошло. Ремнёв же в буквальном и переносном значении бежал без оглядки, не останавливаясь... Впрочем, и в высшем коммунистическом руководстве того времени можно найти патологических трусов и параноиков, заразивших своими фобиями страну на десятилетия вперед. Однако судьба оградила этих последних от тех испытаний, которым подвергла такого нестойкого своего подопечного, каким был Ремнёв.

Филолог-германист и писатель Лев Зиновьевич Копелев (1912 – 1997), человек, проживший очень нелегкую жизнь, в которой, помимо плодотворной творческой деятельности, были фронт 2-й мировой войны, заключение в сталинском концлагере, диссидентство и эмиграция, на основе своего богатейшего опыта весьма интересно классифицировал трусов: «Жестокие трусы – очень страшная порода. Трусость рождает множество пороков. Но добрый трус не бывает хотя бы зачинщиком подлостей, не набивается в палачи. Добрый трус боится смерти и боли не только для себя, но и для других. А трус жестокий обязательно подл, он мстит за свой страх, едва лишь убеждается, что может безнаказанно мучить, унижать, убивать... Инстинкты, которые побуждают мальчишек драться, истязать животных, – жестокие инстинкты, присущие детенышам... — мы наследуем от дочеловеческих, животных и от самых древних первобытных отношений с миром. Сильнее всего эти инстинкты проявляются в жестоких трусах. Но особенно гнусно, когда их принаряжают идеологическим покровом. Тогда трусливые убийцы и сладострастные палачи орудуют, не таясь и не стыдясь, а даже гордятся, хвастаются, уверяют, что их жестокость необходима государству, отечеству, закону, истинной вере или Революции...» [108, с.97-98] Кажется, под описанный здесь типаж «жестокотого труса» подходит не только Ремнёв, но и еще несколько персонажей нашего исследования.

Типичность скоротечных революционных карьер, подобных ремнёвской, отметил уже в конце 1917 г. все тот же В.В.Розанов в своей последней книге «Апокалипсис нашего времени»: «Уж если чем мы упились восторженно, то это революцией. "Полное исполнение желаний". Нет, в самом деле: чем мы не сыты. "Уж сам жаждущий когда утолился, и голодный — насытился, то это в революцию". И вот еще не износил революционер первых сапогов — как трупом валится в могилу. Не актер ли? Не фанфарон ли? И где же наши молитвы? и где же наши кресты? "Ни один поп не отпел бы такого покойника".

Это колдун, оборотень, а не живой. В нем живой души нет и не было.

— Нигилист.

О нигилистах панихид не правят. Ограничиваются: "Ну его к черту". Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть» [183, с.9].

2. ИЗ ПРИКАЗЧИКОВ В ПРАПОРЩИКИ

Афанасий Иосифович (Осипович) Ремнёв (1889 – 1919) был крестьянином села Лапина Козловского уезда Тамбовской губернии. На допросе в 1919 г. Ремнёв заявил, что стал большевиком, то есть присоединился к экстремистскому крылу Российской социал-демократической рабочей партии, в 1905 году [72], 16-ти лет от роду. Что окончил 6 классов гимназии, служил конторщиком на железнодорожной станции Брянск Полесской железной дороги. В 1906 г. «за участие в революционном движении» Ремнёва, якобы, уволили со службы и в административном порядке выслали в Сибирь. В Сибири он, вроде бы, находился до 1911 г. и дважды там арестовывался «за агитационную работу» [72]. По другой версии Ремнёва в Сибирь не высылали, но в 1908 г. он подозревался полицией в связи с орудовавшим тогда на территории Брянского края бандитом-анархистом дворянином Александром Ивановичем

Савицким (1883 – 1909), уроженцем г. Новозыбкова Черниговской губернии (ныне райцентр Брянской области) [137; 199; 197] . Однако материалы хранящегося в Государственном архиве Брянской области фонда помощника начальника Орловского губернского жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах (1890 – 1917 гг.) [50] ни революционную юность, ни преследования Ремнёва из-за политической неблагонадежности не подтверждают. Товарищ же Ремнёва по революционной работе в 1917 г. большевик Федор Федорович Ильин по кличке «Раскольников» (1892 – 1939) в своих мемуарах 1925 г. рассказывал, что Ремнёв «примкнул к большевикам» только во время 1-й мировой войны [176, с.161] . Правда, Раскольников там же неверно назвал чин и полк Ремнёва...

Рис.1. Мануфактурная лавка в Брянске, на Московской улице (современный адрес – ул. Калинина, 76).
Открытка начала XX века.

Как бы то ни было, но 4 января 1912 г. крестьянину Афанасию Осиповичу Ремнёву выдали в Брянской городской управе свидетельство №820 приказчика 7 разряда 2 класса при торговле товарищества Я. и А.Винницких [49, л.53об, №820] . Товарищество Винницких торговало тканями (мануфактурой) и одеждой [138]. Вероятно, трудоустройство Ремнёва состоялось в период расширения предприятия Винницких. Дело в том, что в марте 1911 г. той же городской управой брянскому купцу Александру Лейбову Леонову Винницкому было выдано гильдейское свидетельство купца 2-й гильдии [47, л.57, №934] . Такое свидетельство давало право общероссийской торговли. Через несколько месяцев брянцы начали массово получать в своей городской управе свидетельства, аналогичные ремнёвскому, как раз для торговли у Винницких. Например, вместе с Ремнёвым такое свидетельство получил еще один человек, а в один из декабрьских дней 1912 г. сразу выдали семь свидетельств будущим приказчикам Винницких [48, л.60об, №255-261]. Вскоре после устройства к Винницким Ремнёв женился на Клавдии Андреевне Кремнёвой, в 1913 г. у супругов родилась дочь Тамара [224; 226] .

18 июля 1914 г. А.И.Ремнёва призвали в Императорскую Русскую Армию [72] . Он служил телефонистом в 285-й пешей Пермской дружине государственного ополчения. За отличие в боях у крепости Перемышль (сентябрь-октябрь 1914 г.) был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (крест № 236283, пожалован командующим 11-й армией генералом от инфантерии Дмитрием Григорьевичем Щербачевым). Однако большую часть военного времени Ремнёв провел в тылу: сначала в качестве унтер-офицера (сержанта) 8-го пехотного запасного полка

в Рославле [2] , уездном городе Смоленской губернии, потом учился в 1-й Ораниенбаумской школе прапорщиков. 10 июля 1916 г. унтер-офицер 8-го пехотного запасного полка Ремнёв главным начальником Петроградского военного округа был произведен в прапорщики армейской пехоты. Высочайшим приказом это производство утверждено 1 октября 1916 г. [180].

Рис.2. Прапорщик А.И.Ремнев с женой и дочерью. Декабрь 1916 г. Частное собрание.

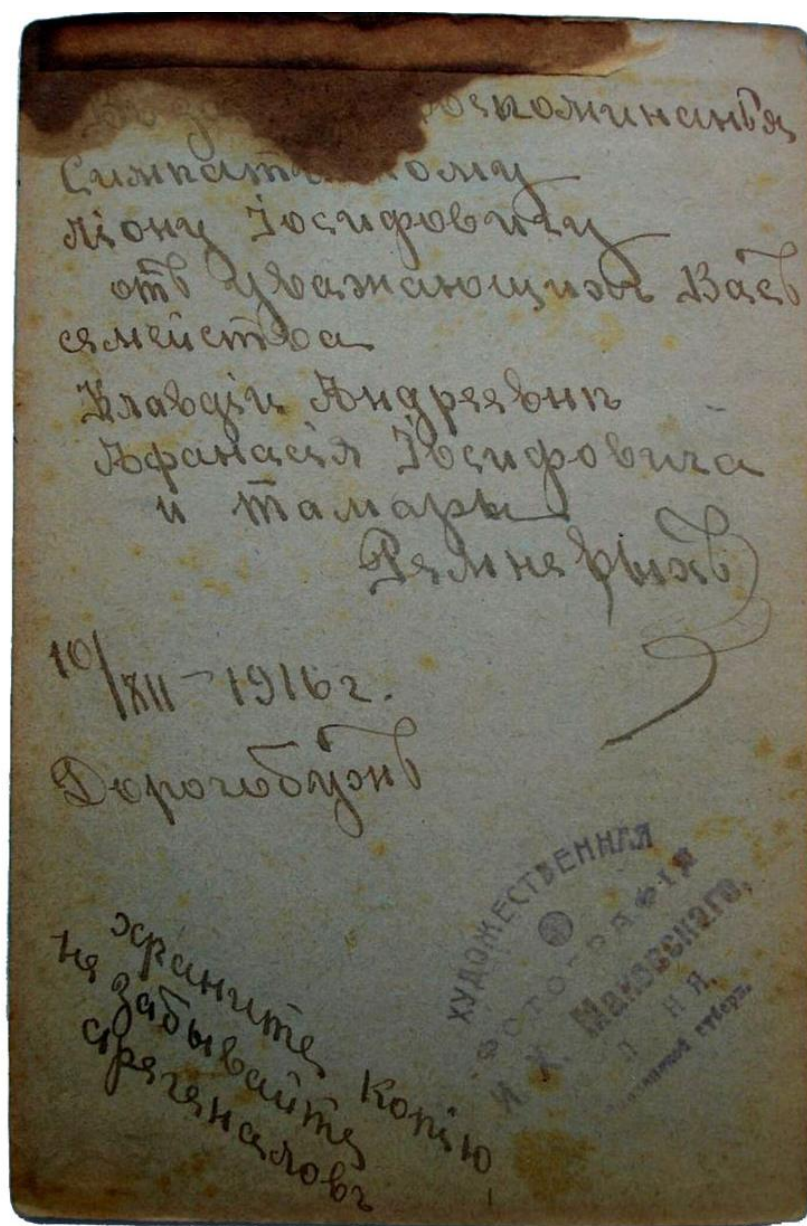

Рис.3. Обратная сторона предыдущего фото.

Рис.4. Фрагмент предыдущего фото (Рис.2).

Какое-то время назад в Интернете было опубликовано фото Ремнёва в кругу семьи, надписанное 10 декабря 1916 г. в Дорогобуже [226]. Таким же, как и Рославль, уездном городе Смоленской губернии, в котором также находился значительный тыловой гарнизон. К слову, в указанное время в Дорогобужский гарнизон входил 121-й запасный пехотный полк, в котором с 1915 г. служил прапорщик большевик Александр Федорович Мясников (Мясникьян, 1886 – 1925) [227, с.11]. Как вспоминал позже сам Мясников, он «в своей части создает маленький кружок социал-демократов, настроенных пораженчески (т.е. желавших поражения России в 1-й мировой войне. – Ю.С.)» [124]. К лету 1917г. 121-й запасный полк был уже так распропагандирован, что его пришлось выводить из Дорогобужа [171, с.105-106]. Возможно, Ремнёв примыкал к мясниковскому «пораженческому» кружку. Возможно даже, что именно в Дорогобуже Афанасий Иосифович и «примкнул к большевикам», которые, собственно, пораженчество и пропагандировали. Во всяком случае, когда после большевистского переворота 25 октября 1917г. Мясников возглавил в Минске военно - революционный комитет, Ремнёв командовал главной вооруженной силой этого комитета – 1-м революционным имени Минского Совета полком...

Тем не менее, на ремнёвской фотографии декабря 1916 г. перед нами вполне упитанный тыловой прапорщик с угодливым, именно что приказчиным лицом, в офицерском кителе довоенного образца – характерном одеянии тыловиков. Дело в том, что еще с 1915 г. не только офицеры-фронтовики, но даже выезжавшие на фронт чиновники Комитета Земского и Городского союзов (Земгора) предпочитали носить френчи (за что земгоровские чиновники получили прозвище «земгусаров»). Фронтовики часто носили также гимнастерки солдатского фасона. На тыловом кителе Ремнёва даже как-то неестественно смотрится солдатский Георгиевский крест. При этом Афанасий Иосифович изображен в погонах прапорщика с эмблемой пулеметной команды и полковым шифром «24СП» [180]. Предполагается, что в это время Ремнёв совсем недолго служил в 24-м стрелковом [180] либо в 24-м Сибирском запасном полку [224].

Впрочем, если судить по дальнейшим приключениям Ремнёва, он вполне мог навесить себе «пулеметные» погоны произвольно, следуя своеобразной околофронтной моде. На подобные явления во флотской среде 1917 года обратил в свое время внимание петербургский историк Б.И.Колоницкий: «Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота, высший выборный орган всех флотских комитетов, существовавший с апреля 1917 по март 1918 г. – Ю.С.) требовал, чтобы матросы не носили на бескозырках ленточки с названиями чужих кораблей, обращение было оглашено приказами по соединениям Балтийского флота. Можно предположить, что матросы либо не желали быть опознанными во время увольнений (особенно самовольных), либо хотели разделить славу команд судов, известных своей боевой или революционной историей. Известный пример подавал и сам большевик П.Е.Дыбенко, матрос транспорта "Ща", ставший председателем Центрального комитета Балтийского флота. Он носил бескозырку с лентой, на которой красовалась надпись "Петропавлоск" (!) — этот головной убор хранится в Центральном военно-морском музее. Ошибка в написании свидетельствовала о том, что лента была приготовлена кустарным способом. Однако мода на ленточки с популярными названиями сохранялась и в последующие годы. Так, И.Д. Сладков, большевистский комиссар Петроградского военного порта, носил на бескозырке Георгиевскую ленточку с надписью "Олег", хотя сам никогда не служил на этом крейсере» [107, с.180-181]. Пулеметные эмблемы Ремнёв мог нацепить и в честь 1-го пулеметного запасного полка, квартировавшего в Ораниенбауме, по соседству со школой прапорщиков, в которой учился Афанасий Иосифович, и ставшего одним из центров революционной пропаганды, а позже и движущей силой двух переворотов 1917 г. (удачного февральского и неудачного июльского). Впрочем, Ремнёв мог просто позаимствовать красивый воинский аксессуар у кого-либо из знакомых.

На фотографическом портрете Ремнёва 1916 г. есть еще две приметы приближающегося революционного карнавала: вновь испеченный прапорщик намеренно подставляет под объектив свою левую кисть, на одном из пальцев которой виден перстень с черепом – «мертвой» или «Адамовой головой». Подобные украшения были в большой моде еще в елизаветинской Англии, на рубеже XVI – XVII вв. Там кольца с «Адамовой головой», снабженные надписями вроде «memento mori» (помни смерть), «умри, чтобы жить» или «узри свою смерть», должны были напоминать владельцам «о скоротечности жизни и тщете богатства» и о том, что возлагать все свои надежды и упования следует на Господа и «будущую жизнь во Христе» [85, с.202]. Вряд ли, правда, Ремнёв вкладывал подобные смыслы в свое украшение, ведь ни религиозностью, ни любопытством к посмертной участи человека он не отличался. А вот поистине животный страх смерти демонстрировал неоднократно...

Весьма популярна «Адамова голова» была и в масонской среде. Скажем, русские масоны носили кольца, украшенные черепом и костями на розовом венке еще на рубеже XVIII–XIX вв. [170, с.119, №70] У масонов череп символизировал, во-первых, то же, что и в елизаветинской Англии, во-вторых, «презрение к смерти и печаль об исчезновении истины» [204, с.99, 98]; в-третьих, жертву «ради процветания Ордена Вольных каменщиков»; в-четвертых, «быстротеч-

ность жизни и постижение тайны смерти» [170, с.13, 466] . Кроме того, в шведской и шотландской масонских системах изображение «Адамовой головы» снабжалось латинским девизом «Vincere aut mori» – «Победа или смерть», «Победить или умереть» [170, с.14, 201] .

Вероятно, в последнем значении символ «мертвой головы» – который в России начала XX века именовали «эмблемой бессмертных» [93] – приглянулся военным. В России в период 1-й мировой войны в 5-м гусарском Александрийском и 17-м Донском казачьем Баклановском полках Императорской Русской Армии «мертвая голова» использовалась как эмблема бессмертия, бесстрашия, «верности до смерти» [167, с.671-672] . Служивший в 1-ю мировую войну в Александрийских гусарах русский поэт Николай Степанович Гумилев (1886 – 1921) писал: «Где-то там змеинный шелест страха, / Но душа клялась забыть про страх / И была украшена папах / Черепом на скрещенных костях» [63, с.193] . Последнее точно не про Ремнёва, который, как мы вскоре неоднократно убедимся, был катастрофически труслив.

В 1917-18 гг. «мертвую голову» начнут активно использовать революционеры: летом 1917 г. в качестве «эмблемы бессмертия» череп присвоили так называемым «батальонам смерти» [107, с.190, 244] , ударным революционным частям (4-й ударной пехотной дивизии, 19 и 31-му корпусным авиационным отрядам) Временного правительства, потом эмблему подхватили наследовавшие этим частям Корниловские полк и дивизия в Белом движении. Большевики и анархисты (по крайней мере, махновцы [76, с.100]) использовали череп как символ неотвратимости классового террора (возможно, подражая сербской террористической организацией «Черная рука» [158]). Уже летом 1917 г. на улицы Гельсингфорса (ныне Хельсинки, Финляндия) русские матросы «сильно обольшевистившегося дредноута» «Петропавловск» [60, с.323] вышли на улицу под транспарантом с надписью «Смерть буржуям». Здесь же, на транспаранте, был изображен череп с перекрещенными крестом и пикой [107, с.8 вклейки; 185] ... Позже в некоторых красных формированиях мертвая голова использовалась в качестве кокарды. Например, в 1920 г. в Сибири командир красного партизанского отряда (позже писатель и киносценарист) Иван Михайлович Новокшенов (1896 – 1943) носил барсучью шапку «со звездой и черепом» [129, с.17; 217, с.282] . Что демонстрировал Ремнёв своей устрашающей бижутерией наверняка сказать нельзя, но, видимо, что-то аналогичное большевистскому и анархистскому толкованию. Возможно, также, что кольцо было знаком былой причастности к банде Савицкого.

И еще одна деталь предреволюционного карнавала: офицерская кокарда с романовскими династическими цветами (черный, желтый и белый) на фуражке Ремнёва на том же фото 1916 г. демонстративно закрыта ремешком... Интересно, что встреча с такими же, как он сам, революционными ряженными (переодетыми в белоказаков красноармейцами) приведет Ремнёва в 1919 г. к смерти...

1917 год прапорщик Ремнёв встретил в рядах 201-го пехотного Потийского полка – первого полка 51-й пехотной дивизии, входившей в состав 2-го Кавказского армейского корпуса 10-й армии Западного фронта. К началу 1917 г. базой для дислокации 2-го Кавказского корпуса стали окрестности железнодорожной станции Залесье – Михневичи, верстах в 10 от местечка Виленской губернии Молодечно (с 1940 г. Молодечно – город, райцентр Минской области Белоруссии), а также село Оленец (Олинец) и ближайшие к нему деревни. Именно отсюда части корпуса уходили (каждая в свою очередь, сменяя предыдущую) на передовую и сюда возвращались отдыхать и пополняться личным составом и боеприпасами [164, с.180] . Линия противостояния русских и немцев в тех краях была неизменной уже много месяцев. Называлось это позиционной войной.

Будущий писатель Валентин Петрович Катаев (1897 – 1986) провел в этих местах первую половину 1916 г. в качестве вольноопределяющегося 1-го разряда 1-й батареи 64-й артиллерийской бригады [232, с.50] . На склоне лет он так вспоминал места своей первой боевой

службы: «На пять или восемь верст в окружности между развалинами Сморгони, деревней Бялы, железнодорожной станцией Залесье и деревянным мостом через синюю реку Вилию, на который немецкие аэропланы постоянно сбрасывали бомбы, и всегда версты на две мимо, лежала лесистая местность, казавшаяся такой мирной, даже безлюдной, а на самом деле набитая войсками всех видов оружия, особенно артиллерией. Бродя в свободное время по окрестностям, я то и дело натыкался на хорошо замаскированные батареи разных систем и калибров. На одну версту фронта я насчитал сто пять, как принято говорить, стволов: несколько батарей полевых трехдюймовок, гаубичные дивизионы, тяжелые орудия и даже две железнодорожные платформы с чудовищными виккерсовскими дальнобойными пушками: их наблюдатели находились в корзинах привозных аэростатов и постоянно висели высоко в небе. Я уж не говорю о морских двухдюймовках системы Гочкиса, размещенных в пехотных окопах. Вся эта могучая убойная сила была нацелена на одну сравнительно небольшую высотку, занятую немцами» [98, с.152]. И еще из В.П.Катаева: «А война себе идет да идет, позиционная, нудная, все на одном месте — против дальнего леса, за которым где-то, невидимые, тоже окопались немцы со своими гаубицами, пулеметами, газовыми командами. Между нами и немцами "ничейная земля" — разбитый вдребезги город Сморгонь с рыбьей косточкой разрушенного костела. Зимой Сморгонь занесена глубокими снегами, летом — сплошь лиловая от разросшейся, местами одичавшей махровой сирени...» [97, с.107-108].

Рис.5. Линия обороны под Сморгонью. Немецкое фото 1917 г.

В январе-феврале 1917 г. Ремнёв служил в команде связи Потийского полка [188, л.2, 50б] — и «пулеметчиком», получается, не был. Хотя воинские специальности возможно было и совмещать. Так, прикомандированный в 1915 г. к пулеметной команде входившего в тот же 2-й Кавказский армейский корпус 16-го гренадерского Мингрельского полка 21-летний прапорщик Михаил Михайлович Зоценко (1894-1958), также будущий писатель, одно время исполнял «должности начальника пулеметной команды и начальника команды связи» [219, с.74] ...

Главным военным страхом для чинов 2-го Кавказского корпуса были газовые атаки, предпринимавшиеся немцами в районе местечка Сморгонь на протяжении довольно долгого времени с разной интенсивностью. Удушливый газ был на ту пору единственным оружием массового поражения, к тому же очень коварным, не обозначающим каким-то громким звуком своего присутствия. Достаточно было одного короткого вдоха, чтобы погибнуть или стать до

конца своих дней инвалидом. Вдобавок немцы пускали газ по ночам, чтобы нельзя было различить плывущие над землей ядовитые волны. В журнале боевых действий 201-го пехотного Потийского полка рефреном следуют отметки об отработке навыков противогазовой защиты. Как бы то ни было, но в последнюю ночь своей службы в Потийском полку прапорщик Ремнёв попал под немецкую газовую атаку и даже, несмотря на противогаз и прочие меры безопасности, получил отравление.

Рис.6. Немцы во время химической атаки под Сморгонью. Фото 1917 г.

Рис.7. Группа русских обер-офицеров в противогазах. Фото 1916-17 гг.

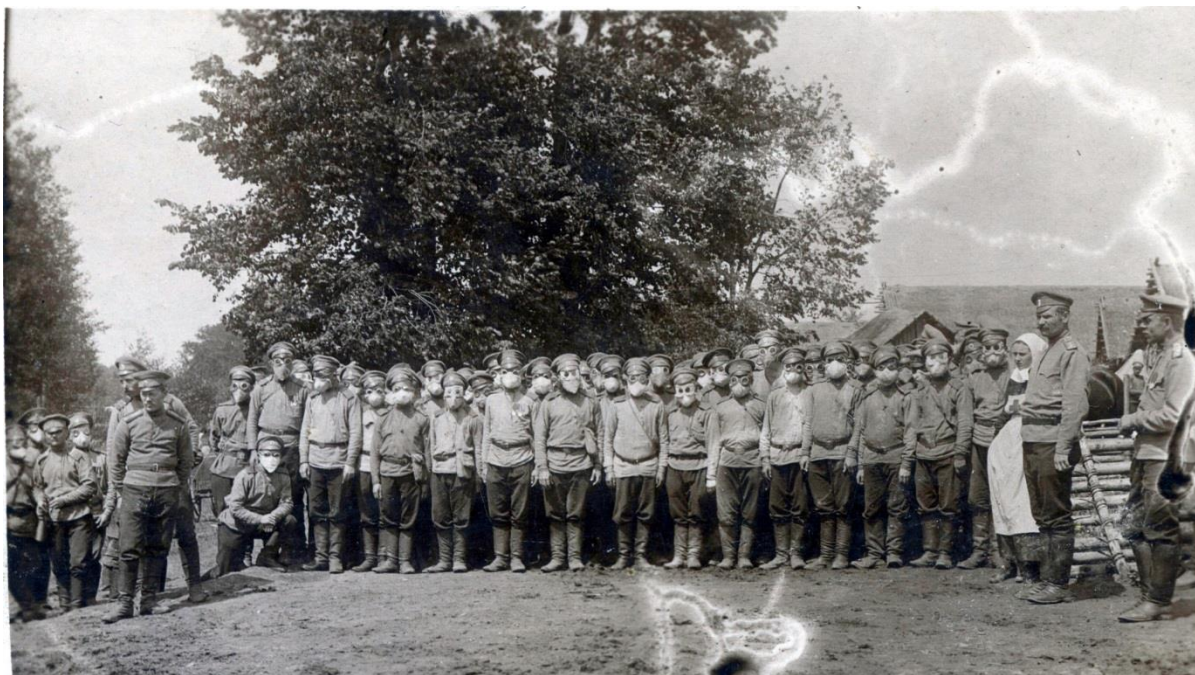

Рис.8. Группа русских нижних чинов в противогазных масках. Юго-Западный фронт, июнь 1916 г. Фото военного врача эпидемиологического отряда 23-й пехотной дивизии Владимира Васильевича Усанова.

Произошло это так. Уже не первый день Потийский полк находился на боевых позициях у местечка Сморгонь. Ночь с 11 на 12 февраля 1917 г. была спокойной. В 11 часов утра 12 февраля русские слышали на немецких позициях «шум сбрасываемого железа». Прошел вечер, приближалась ночь. И вот после 23 часов немцы открыли по окопам Потийского полка «сильнейший пулеметный и минометный огонь», а также забили «в трещотку, видимо для того, чтобы замаскировать шипение газа». «В 23 ч[аса] 25 мин[ут] неприятель выпустил сильное облако газа по участку №13 и м[естечку] Сморгонь...» [187, л.77-77об] Химический пост потийцев «в секрете впереди проволоочных заграждений поднял тревогу красной ракетой. Наблюдатели в окопах ударили в колокола и металлические подвески, вследствие чего люди своевременно одели маски. Вслед за этим противник открыл по нашим окопам и м[естечку] Сморгонь огонь легких и тяжелых батарей, при этом некоторые снаряды были начинены синильной кислотой. Спустя 1-1 ½ мин[уты] наши тяжелые и легкие батареи и пулеметы открыли огонь по неприятельским минометам и бомбометам и по тому участку, откуда был пущен газ, после чего противник прекратил свой минометный, пулеметный и артиллерийский огонь. В 23 часа 55 минут неприятель выпустил второе облако газа по участкам №14 и 15, продолжая вести интенсивный огонь по этим участкам и м[естечку] Сморгонь. В 24 ч[аса] 10 мин[ут] немец выпустил третью волну газа, не менее сильную, по уч[астку] №17 и вел тот же беглый артиллерийский огонь по участку 2 б[атальо]на и м[естечку] Сморгонь. В 3 час[аса] 5 мин[ут] уже 13 февраля – выпустил легкую, как бы пробную струю по уч[астку] №16, т[ак] к[ак] ветер стал менять свою силу. Подобно этой последней волне противник выпустил еще 4: в 3 час[а] 20 мин[ут] по уч[асткам] №14-15, в 3 часа 25 мин[ут] по уч[астку] №17, в 6 часов по уч[астку] 16 и в 6 час[сов] 30 мин[ут] по уч[астку] №17. Ротами и командирами как в боевой линии, так и в резерве, были своевременно приняты меры к отражению атаки, а также об атаке по телефону сообщено во все соединения, части и тыловые учреждения. Были зажжены костры из дров и хвороста по всему 2-х верстному фронту. У входов в блиндажи и землянки, а также на дне окопов в местах сосредоточения дежурных отделений, пулеметов и наблюдателей зажжены газорассеиватели (пакли с мазутом и смолой), которые рассеивали волны, давали возмож-

ность вблизи их горения людям, задыхающимся в масках, на короткое время снять их и отдышаться. После последней (8-й) волны [в] 6 час[асов] 30 мин[ут], противник больше не пытался выпускать... удушливый газ. Воздух очищался дымовыми шашками и газорассеивателями, в блиндажах и землянках зажжена солома» [187, л.77об-80] .

Согласно полковому журналу боевых действий, во время газовой атаки в ночь с 12 на 13 февраля 1917 г. в 201-м пехотном Потийском полку были тяжело отравлены штабс-капитаны Давид Дидрихович Скриба и Андрей Семенович Борисов, а также 34 нижних чина. Легко отравились газами: «Капитан Антон Степанович Людоговский, штабс-капитан Михаил Иванович Дмитриевский, поручик Петр Васильевич Подрезов, поручик Василий Гаврилович Золотарев, прапорщик Афанасий Иванович (так!) Ремнёв, прапорщик Иван Степанович Фролов, прапорщик Николай Александрович Винтер», а также 24 нижних чина. Кроме того, в полку за время атаки были убиты два солдата, ранены четверо и двое контужены [187, л.80об-81] . То, что полковой адъютант неправильно записал отчество Афанасия Иосифовича Ремнёва, говорит, скорее всего, о том, что прапорщик не так давно прибыл в полк и офицеры его еще не очень хорошо знали. К слову, из перечисленных здесь офицеров, помимо Ремнёва, свой след в истории оставил Георгиевский кавалер капитан (позже полковник) Антоний Степанович Людоговский, активно участвовавший в Белом движении¹.

То, что испытывал человек во время газовой атаки, очень ярко описал в своей знаменитой повести «Перед восходом солнца» (1943) уже знакомый нам М.М.Зощенко, отравленный газами 20 июля 1916 г. на позициях 16-го гренадерского Мингрельского полка, на том же самом, что и Ремнёв, месте: «Я стою в окопах и с любопытством посматриваю на развалины местечка. Это – Сморгонь. Правое крыло нашего полка упирается в огороды Сморгони. Это знаменитое местечко, откуда бежал Наполеон, передав командование Мюрату. Темнеет. Я возвращаюсь в свою землянку. Душная июльская ночь. Сняв френч, я пишу письмо. Уже около часа. Надо ложиться. Я хочу позвать вестового. Но вдруг слышу какой-то шум. Шум нарастает. Я слышу топот ног. И звяканье котлов. Но криков нет. И нет выстрелов. Я выбегаю из землянки. И вдруг сладкая удушливая волна охватывает меня. Я кричу: "Газы!.. Маски!.." И бросаюсь в землянку. Там у меня на гвозде висит противогаз. Свеча погасла, когда я стремительно вбежал в землянку. Рукой я нащупал противогаз и стал надевать его. Забыл открыть нижнюю пробку. Задыхаюсь. Открыв пробку, выбегаю в окопы. Вокруг меня бегают солдаты, заматывая свои лица марлевыми масками. Нашарив в кармане спички, я зажигаю хворост, лежащий перед окопами. Этот хворост приготовлен заранее. На случай газовой атаки. Теперь огонь освещает наши позиции. Я вижу, что все гренадеры вышли из окопов и лежат у костров. Я тоже ложусь у костра. Мне нехорошо. Голова кружится. Я проглотил много газа, когда крикнул: "Маски!" У костра становится легче. Даже совсем хорошо. Огонь поднимает газы, и они проходят, не задевая нас. Я снимаю маску. Мы лежим четыре часа. Начинает светать. Теперь видно, как идут газы. Это не сплошная стена. Это клуб дыма шириной в десять саженей. Он медленно надвигается на нас, подгоняемый тихим ветром. Можно отойти вправо или влево — и тогда газ проходит мимо, не задевая. Теперь не страшно. Уже кое-где я слышу смех и шуточки. Это гренадеры толкают друг друга в клубы газа. Хохот. Возня. Я в бинокль гляжу в сторону

¹ Людоговский Антоний Степанович, 1877-78 г.р. В 1916 штабс-капитан 203-го пехотного Сухумского полка. Высочайшим приказом от 26 марта 1916 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 1918 в белых Вооруженных силах Юга России, полковник, в Сводном полку 15-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода из-под Одессы в Польшу. В мае-июне 1920 в польском лагере Пикулицы. Потом в Русской Армии генерала барона П.Н.Врангеля. В феврале-марте 1921 снова в Польше, офицер 2-го стрелкового полка 3-й (русской) армии. На 10 сентября 1923 в польском лагере Щалково, 19 мая 1924 убыл из лагеря Стржалково во Францию, к 1931 возглавлял группу Русского общевойскового союза в Монтаржи. Умер 3 января 1960 в Германии, в г. Дорнштадт [33, с.618; 35]

немцев. Теперь я вижу, как они из баллонов выпускают газ. Это зрелище отвратительно. Бешенство охватывает меня, когда я вижу, как методически они это делают. Я приказываю открыть огонь по этим мерзавцам. Я приказываю стрелять из всех пулеметов и ружей, хотя понимаю, что вреда мы принесем мало — расстояние полторы тысячи шагов. Гренадеры стреляют вяло. И стрелков немного. Я вдруг вижу, что многие солдаты лежат мертвые. Их — большинство. Иные же стонут и не могут подняться. Я слышу звуки рожка в немецких окопах. Это отравители играют отбой. Газовая атака окончена. Опираясь на палку, я бреду в лазарет. На моем платке кровь от ужасающей рвоты. Я иду по шоссе. Я вижу пожелтевшую траву и сотню дохлых воробьев, упавших на дорогу» [86, с.62-64]¹. Описанной газовой атакой 20 июля 1916 г. немцы вывели из строя в Мингрельском гренадерском полку 460 солдат и 4 офицеров. Подпоручик Зоценко заработал в результате отравления порок сердца, «был отнесен к больным первой категории и подлежал отправке» в тыл. Однако будучи человеком выдающейся храбрости и чувства долга, Зоценко сделал в октябре 1916 г. попытку вернуться в строй. Но через неделю болезнь окончательно взяла верх и молодого офицера эвакуировали в тыл навсегда [86, с.64-65; 219, с.75]².

А вот у трусоватого по природе Ремнёва газовая атака и отравление должны были вызвать настоящий животный ужас. В самом деле, только два месяца назад Афанасий Иосифович благополучно пребывал в тыловом Дорогобуже, в окружении семьи, будучи, несмотря на погоны с пулеметами и кольцо с черепом, мирным, в сущности, человеком. И вот теперь зима, ночь, окопы, невидимый глазу смертоносный газ, дохлые воробьи сотнями... Вероятно, Ремнёв дал себе тогда зарок не возвращаться на боевые позиции ни в коем случае. И, надо сказать, вскоре исполнил задуманное...

В 1-й половине февраля 1917 г. началось формирование 176-й пехотной дивизии (четвертой очереди), которой предстояло стать третьей дивизией в составе 2-го Кавказского армейского корпуса. Для создания третьего из четырех полков новой дивизии, 703-го пехотного, трехбатальонного состава, были назначены третьи батальоны 201-го Потийского и 202-го Горийского пехотных полков (изначально четырехбатальонных) из 51-й дивизии. Таким образом получались 1-й и 2-й батальоны нового полка. 3-й батальон формировался из двух 17-х и двух 14-х рот соответственно Потийского и Горийского полков. Местом для формирования 703-го полка были определены окрестности уже упоминавшейся деревни Михневичи, в которой расположился штаб полка. В ночь на 13 февраля 1917 г. сюда прямо с позиций, практически во время немецкой газовой атаки, пришли и разместились в землянках корпусного резерва шесть назначенных в состав нового полка рот 201-го Потийского, то есть 1432 солдата и 23 офицера. Среди последних был и легко отравленный газами прапорщик Ремнёв [188, л.2-2об] .

14 февраля в Михневичи прибыл назначенный командиром нового 703-го полка 44-летний полковник Давид Константинович Сагинов [188, л.3] . Коренной офицер 14-го гренадерского Грузинского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка – второго полка Кавказской гренадерской дивизии 2-го Кавказского корпуса, – полковник Сагинов был опытный боевой офицер. Он участвовал еще в Русско-японской войне и заслужил там орден Св. Анны 4-й степени «За храбрость», а также чин штабс-капитана, полученный за боевое отличие. В полковничьем чине Сагинов пребывал более года [207, с.1366; 209, с.382] .

¹ О своем опыте немецкой газовой атаки, в которую он попал под Сморгонью 22 июня 1916 г., был отравлен фосгеном, от чего приобрел характерную хрипотцу голоса, вспоминал и В.П.Катаев [98, с.121-122, 139-140, 141; 232, с.54]

² Интересно, что при знакомстве в 1920-х годах М.М.Зоценко и В.П.Катаев быстро выяснили, что «воевали на одном и том же участке западного фронта, под Сморгонью, рядом с деревней Крево... Мы оба, – вспоминал в 1970-х В.П.Катаев, – были в одно и то же время отравлены газами, пущенными немцами летом 1916 года, и оба с той поры покашливали» [96, с.193-194].

16 февраля имевшиеся в наличии роты 703-го пехотного полка приступили к регулярным занятиям. Вскоре к этому процессу присоединились прибывшие в Михневичи в ночь на 18 февраля 20 офицеров и 1441 солдат Горийского полка, назначенные для службы в новой части [188, л.4об] . 19 февраля 1917 г. была сформирована команда связи 703-го пехотного полка, начальником которой назначили прапорщика 201-го пехотного Потийского полка Ремнёва [188, л.5об] . Отражена эта ремнёвская должность и в мемуарной литературе. Сослуживец Афанасия Иосифовича по дивизии, наблюдавший его первые революционные подвиги капитан (позже подполковник 13-го гренадерского Эриванского полка) Владимир Иванович Гранитов (1883 – 1968) вспоминал: «В 703 полку н[ачальни]ком службы связи был некто Ремнёв, произведенный в прапорщики из нижних чинов» [164, с.183] . Как видим, Ремнёв своей изначальной воинской специальности не сменил – просто из телефонистов досрочно до начальника службы связи полка. И, надо признаться, дело знал: уже в день назначения ремнёвские подчиненные установили телефонную связь штаба 703-го полка с полковыми батальонами и штабом дивизии. 22 февраля ремнёвская команда связи получила «телефонное имущество» [188, л.5об, 6об] .

27 февраля 703-й полк переместился в землянки ушедшего на боевые позиции 14-го Грузинского гренадерского полка. Тогда же штаб 703-го полка переехал в деревню Оленец [188, л.8] . 2 марта 1917 г., как известно, отрекся от Престола в пользу своего брата Государь Император Николай Александрович. На следующий день брат Государя Великий Князь Михаил Александрович подписал акт об отказе от восприятия верховной власти и призвал народ к повиновению назначенному Государственной Думой Временному правительству [5] . 4 марта 176-я пехотная дивизия была переименована во 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию, а 703-му пехотному полку было присвоено название Сурамского [188, л.9об] .

Интересно, что в появившейся таким образом 2-й Кавказской гренадерской дивизии два первых полка действительно были гренадерскими – 23-й Манглисский и 24-й Навтлугский. Третий же и четвертый полки (703-й Сурамский и 704-й Рионский пехотные) не то что не получили «гренадерских» номеров, а, как мы только что видели, одновременно с переименованием дивизии сподобились окончательно оформить пехотный свой статус через традиционное в Русской Армии «городское» наименование. Во многом благодаря Ремнёву 2-я Кавказская гренадерская дивизия приобрела в войсках, по словам военного писателя А.А.Керсновского, «особенно печальную славу» [99, с.207, 213, 310] . О том же весной 1917 г. говорил подпоручик 704-го пехотного Рионского полка А. Золотухин: «Виной позора 2-й Кавказской гренадерской дивизии является прапорщик 703-го полка Ремнёв...» [224] Более того, к лету 1917 г. командование считало «ремнёвский» 703-й пехотный Сурамский полк худшей частью всего Западного фронта [68, с.157] . В полк даже экскурсии водили для высокопоставленных, так сказать, «экстремалов». Некоторые такого рода экскурсии кончались печально...

3. БУНТ КАВКАЗСКОГО КОРПУСА. Март – май 1917 года

1 марта 1917 г. никем не избранный и не уполномоченный петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял, а 2 марта опубликовал и распространил в армии так называемый «приказ номер первый»: «По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения». Этот приказ, прежде всего, предписывал: «Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей». Далее, таким, состоящим из простых солдат, советам воинских частей буквально приказывали ограничить полномочия офицеров – и прежде всего доступ к оружию: «Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее — должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям».

Но, самое главное, 3-й и 4-й пункты «Приказа №1» практически отменяли принцип воинского единоначалия, провозглашая: «3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и своим комитетам. 4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]» [156, с.56-57]. Вот эти два пункта очень быстро привели к обсуждению солдатами приказов начальства – и отказам, при отрицательном результате обсуждения, от исполнения этих приказов. Кроме того, «Приказом №1» вне строя и службы солдаты уравнивались в правах с офицерами, а также облегчались формулы воинского этикета и субординации. Несмотря на территориальное ограничение действия «Приказа №1» Петроградским военным округом, к исполнению положений этого документа приступили повсеместно. Между тем, 11 марта 1917 г. 703-й пехотный Сурамский полк был «приведен к присяге Российскому государству и Временному Правительству» [188, л.10об].

Вскоре прапорщик Ремнёв стал председателем комитета своего 703-го пехотного Сурамского полка и распространил также влияние на соседний 704-й Рионский полк [164, с.183]. Интересно, что 20 июня 1917 г. солдаты взбунтовавшегося в очередной раз «ремнёвского» 703-го пехотного Сурамского полка избили одного из составителей «Приказа №1», социал-демократа (меньшевика), присяжного поверенного, члена исполкома петроградского совета и уже к тому времени сенатора Николая Дмитриевича Соколова (1870 – 1928), приехавшего с товарищами от имени совета уговаривать 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию выйти на боевые позиции [178, с.186, 575] (позже мы подробнее поговорим об этом)... Но в марте 1917 г. в «приказе номер первый» Ремнёв, человек с одной стороны трусливый, вовсе не желавший оказаться на боевых позициях, под пулями (что видно хотя бы по его стремлению пересидеть войну в тыловых частях), а с другой – властолюбивый, увидел шанс удовлетворить разом обе эти черты своей натуры. Как вспоминал ремнёвский сослуживец капитан Гранитов, Ремнёву «революция вскружила голову, и он решил стать, не больше не меньше, как корпусным командиром, пользуясь непопулярностью ген[ерала] Мехмандарова» [164, с.183]. Точность слов капитана Гранитова подтвердил сам Ремнёв, бахвалившийся в 1919 г. перед следователем особого отдела 4-й советской армии на предмет того, что в марте 1917 г. «устранил трех генералов, временно командовал II Кавказским корпусом» [224; 72].

Чтобы понять, чего стоила популярность времен февральского переворота 1917 года, посмотрим, кем был «непопулярный генерал Мехмандаров». 62-летний азербайджанец (закавказский татарин) и мусульманин, генерал от артиллерии Самед-Бек Садык-Бек-оглы Мехмандаров (1855 – 1931) с 18 лет верой и правдой служил Русским Государям. Он участвовал в среднеазиатских походах 1875-76 гг., совершил поход в Китай в 1900-01 гг., за что был награжден Золотым (Георгиевским) оружием с надписью «За храбрость», участвовал в обороне Порт-Артура от японцев, заслужив там орден Св. Георгия 4-й степени. Все чины от полковника до генерал-лейтенанта Самед-Бек Садык-Бек-оглы Мехмандаров получил за отличие [205, с.236; 88, с.353]. Генерал-лейтенант Мехмандаров вступил в 1-ю мировую войну в должности начальника 21-й пехотной дивизии, которая под его командованием в первых же боях против австрийцев и немцев на Юго-Западном фронте заслужила славу одной из лучших в Императорской Русской Армии [82, с.407]. За бои 29 сентября – 9 октября 1914 г. под крепостью Ивангород [87, с.61, 63, 66-67, 69, 92] генерал Мехмандаров был награжден 20 января 1915 г. орденом Св. Георгия 3-й степени с такой формулировкой: «За то, что в период Козеницких боев, под сильным огнем противника, переправился со 2-й бригадой вверенной ему дивизии через реку Висла и в течение трех дней, отделенный от всякой поддержки рекой без всяких переправ, удержался с названной бригадой на левом берегу реки, отбивая ряд атак гвардейского германского корпуса, нанося своими частями могучие штыковые удары и сам

переходя в наступление, несмотря на то, что бригада буквально со всех сторон расстреливалась жестоким огнем» [33, с.165]. 14 февраля 1915 г. за отличное начальствование 21-й пехотной дивизией генерал Мехмандаров был награжден Георгиевским оружием, бриллиантами украшенным [33, с.640], а вскоре произведен в генералы от артиллерии со старшинством с 22 марта 1915 г. Командовал 2-м Кавказским армейским корпусом генерал Мехмандаров с 11 декабря 1914 г. [206, с.17] По словам А.А.Керсновского: «На долю II Кавказского корпуса генералов Мищенко и Бека Мехмандарова выпали самые трудные бои германского фронта — Сувалки, Сохачев, Бзура, Прасныш, Любачев на Сане, Холм, Влодава, Вильна. И во всех этих сражениях, как и вообще за всю войну, II Кавказский корпус не оставил неприятелю ни одного трофея, не потерял ни одного орудия. Явление, неслыханное ни в одной армии, ни союзной, ни неприятельской. С первых же своих боев в Августовских лесах кавказские гренандеры получили от восточнопрусских гренандер прозвание "желтых дьяволов"» [99, с.191]. Что же касается «популярного» Ремнёва, то его товарищ по революционной работе в 1917 г. большевик Раскольников так охарактеризовал позднее Афанасия Иосифовича: «Ремнёв был горячий и увлекающийся человек, но у него отчетливо проглядывали черты авантюризма и страха за свою личную безопасность. Мне лично он всегда казался неуравновешенным, нервно-расшатанным человеком. Как член партии, он был лишен всякой теоретической подготовки...» [176, с.162]¹.

Так или иначе, но Ремнёв решил свой шанс использовать. В канун Пасхи, 28 марта 1917 г. 2-я Кавказская гренандерская дивизия должна была выступать на позиции, чтобы сменить там 51-ю пехотную дивизию. В частности, «ремнёвский» 703-й пехотный Сурамский полк, согласно приказу №53 начальника 2-й Кавказской гренандерской дивизии от 26 марта, подтвержденному приказом по полку №1-3 от 28 марта, должен был сменить 203-й пехотный Сухумский полк [188, л.12]. И вот Ремнёв у села Оленец, где находился штаб 703-го полка и, следовательно, место ремнёвской службы в качестве начальника полковой команды связи, устроил митинг, парализовавший действия 2-го Кавказского армейского корпуса Западного фронта. Капитан Гранитов об этом рассказывал так: Ремнёву «удалось через комитеты своего 703 полка, где он был председателем, и 704 полка, собрать на митинг почти весь корпус. Слабее всех была представлена старая [1-я Кавказская] гренандерская дивизия, за дальностью расстояния; зато 51 дивизия и наша 2 Кавказская гренандерская присутствовали со своими начальниками дивизий, начальниками штабов корпуса и дивизий; словом, митинг был грандиозный. На митинге, с места же, Ремнёв в горячей речи доложил солдатам "все вины" командира корпуса, не жалевшего, дескать, солдатской крови. Его демагогия и провокация имели успех; неудачная попытка оправдаться растерявшегося генерала Мехмандарова еще более ему повредила и Ремнёв быстро добился бурного выражения недоверия. Горячо протестовавший начальник нашей [2-й Кавказской гренандерской] дивизии генерал Никольский тоже получил вотум недоверия, усилиями того же Ремнёва. Когда же он поставил вопрос о немедленном избрании нового "комкора", то неожиданно для него раздались очень дружные голоса в пользу генерала Бенескула, очень популярного генерала, начальника 51 пехотной дивизии, который категорически отказался от предлагаемой ему чести. Тогда офицеры, при содействии комитетов нашего Манглисского и Навтлугского полков, добились перенесения этого вопроса с площади на объединенное заседание председателей полковых комитетов и командиров полков. На этом собрании удалось убедить генерала Бенескула принять корпус, чтобы спасти жизнь генерала Мехмандарова, так как разозленный своей неудачей Ремнёв продолжал разжигать толпу. В ре-

¹ Надо сказать, что и сам Раскольников, одно время занимавший при большевиках должность заместителя народного комиссара по морским делам, производил не лучшее впечатление. Как писал о нем генерал-майор Эдуард Александрович Верцинский (1873 – 1940): «Мичман Раскольников, довольно тщедушного вида, несомненный невзрачный и истерик...» [27, с.48]

зультате ген[ерал] Бенескул громогласно заявил о своем согласии, а когда раздались бурные приветствия, он потребовал безусловного подчинения его командирскому приказу и буквально вырвал ген[ерала] Мехмандарова из рук Ремнёва, который уже нарядил конвой для сопровождения в Минск арестованного Мехмандарова, чем несомненно спас его от смерти» [164, с.183].

А вот что докладывал военному министру Временного правительства А. И. Гучкову об этих событиях сам генерал-лейтенант В.О.Бенескул: «28-го сего марта во 2-й Кавказской гренадерской дивизии произошли непорядки, в результате которых комитет офицерских и солдатских депутатов постановил выразить недоверие находившимся в то время в дивизии командиру корпуса генералу от артиллерии Мехмандарову, командующему дивизией генерал-майору Никольскому и начальнику штаба дивизии подполковнику Войцеховскому и предложил им оставить свои должности, на что эти лица выразили свое согласие. Обстоятельства дела следующие: явившиеся к командиру корпуса около 10 час[ов] утра два офицера-депутата доложили, что дивизия, построенная у д. Оленец, выражает различные недовольства и желает выслушать компетентные объяснения командира корпуса. Командир корпуса с начальником штаба корпуса отправился в дивизию, куда приказал прибыть и мне, по телефону, дабы на месте увидеть, возможна ли смена 2-й Кавказской гренадерской дивизией полков 51-й пехотной дивизии. Туда же были вызваны командующий 2-й Кавказской гренадерской дивизией и начальник штаба. Приехав раньше командира корпуса, я увидел на площадке возле д. Оленец собранными, как мне казалось, полка два 2-й Кавказской гренадерской дивизии. Мне говорили, что там были собраны два полка и депутаты от остальных двух. Все были с винтовками. Люди стояли покоем (т.е. буквой «П». – Ю.С.), кое-где офицеры и солдаты сидели; посреди, стоя на столе, какой-то офицер с резкой жестикуляцией говорил речь. Слова были плохо слышны, но говорилось о том, что полки не готовы стать на позицию, ибо команды не готовы. Командиры 703-го и 704-го полков были в стороне, оба с отчаянием говорили, что с людьми нельзя управиться и что всем ворочает прапорщик Ремнёв, который и говорил речь. Командир 704-го полка полковник Кирилович сказал мне, что, не имея возможности управиться с полком и не желая оставлять службу во время войны, он подал рапорт, в котором просит остальную часть войны продолжать рядовым. Вид у людей был крайне возбужденный. Прислушиваясь к речи прапорщика Ремнёва, я услышал примерно следующие слова: "Совет рабочих и солдатских депутатов ведь дал нам, товарищи, право устранять тех начальников, которым мы не доверяем". В ответ на это слышались возбужденные и громкие крики: "Верно, верно". Потом один из офицеров-депутатов на мой вопрос, как же им известно такое распоряжение этого Совета, ответил, что приказ об этом указанного Совета был объявлен в листках этого Совета, которые раздаются бесплатно, причем обещал мне прислать экземпляр листка. Командиру корпуса, прибывшему в штаб 703-го полка, депутатами дивизии было предложено дать объяснения перед собранными полками и депутатами, почему назначена к постановке на позицию дивизия, когда полки не готовы к этому, а именно не готовы пулеметная команда, команда траншейных орудий, связи и проч., и почему для этого не была назначена 1-я гренадерская дивизия, которая находится давно в резерве, тогда как 2-я гренадерская дивизия всего немного месяцев, как сформирована. К этому времени приехал генерал-майор Никольский и подполковник Войцеховский, по ошибке прибывшие сперва в штаб корпуса и потому опоздавшие. Командир корпуса, придя к полкам, дал свои объяснения, которые, видимо, однако депутатов не удовлетворили. Затем после этого командир корпуса в сопровождении депутатов возвратился в штаб 703-го пех[отного] полка, причем он сопровождался все время вооруженной ротой, а полки, по приказанию прапорщика Ремнёва, разошлись на обед. После продолжительного совещания депутаты сообщили через своего представителя - прапорщика Ремнёва - указанное выше постановление, добавив, что они избирают для принятия должности командира корпуса начальника штаба корпуса генерал-майора Федорова, начальника дивизии – командира брига-

ды генерал-майора князя Гедеванова и начальника штаба дивизии — старшего адъютанта штабс-капитана Тонкошкура. Когда генерал-майор Федоров отказался, заявив, что в корпусе есть старше его, то депутаты после совещания заявили, что избирают меня, на что я сказал, что могу только в том случае принять, если командир корпуса мне это прикажет, на что командир корпуса ответил утвердительно. Командиру корпуса, начальнику дивизии и начальнику штаба дивизии было объявлено, что они "под караулом" будут отправлены в свои штабы, где должны сдать должности. На вопрос генерала Никольского, что ему вменяется в вину, депутаты не дали ответа. Назначение конвоя мотивировалось желанием уберечь от возможного нападения. Тогда я спросил депутатов, доверяют ли они мне, и на утвердительный ответ просил их поручить мне отвезти лично командира корпуса в штаб, но депутаты не согласились. После этого депутаты ушли в особую хату на совещание, по-видимому, по вопросу о том, как осуществить арест. На этот раз их удалось уговорить не назначать никакого конвоя к командиру корпуса, начальнику дивизии и начальнику штаба, причем меня поддержали сперва прибывшие туда депутаты 51-й дивизии... затем и прапорщик Ремнёв, сказав: "Вот, говорил я вам, товарищи, что не нужно штыков", и сделал рукой жест, как бы подставляя штык к лицу. Сперва решили лишь назначить по одному конному офицеру для сопровождения, но на деле и это не было осуществлено, и все указанные начальники беспрепятственно возвратились в свои штабы. Восстановить порядок в полках дивизии было поручено мною командиру бригады генерал-майору князю Гедеванову, который 29-го [марта] просил меня предоставить исключительно ему работать в этом отношении, а 30-го просил и меня приехать» [178, с.49-51].

Обращает на себя внимание то, что среди неподготовленных к боям служб 2-й Кавказской гренадерской дивизии Ремнёв на митинге назвал как раз свою команду связи... По показаниям штабс-капитана Г.В.Михеева, Ремнёв, трусливое ничтожество, обвинил старого боевого генерала Мехмандарова в том, что командующий корпусом, якобы, «хотел поставить нас на позицию неподготовленными для того, чтобы открыть немцам ворота и погубить свободу. Он (Ремнёв. — Ю.С.) доказывал солдатам, что все офицеры, в особенности широкие погоны, так он называл штаб-офицеров и генералов, враги народа и свободы...» [73] «Возражать против таких незаслуженных обвинений офицеры не могли, потому что солдаты угрожали побоями», — признавался штабс-капитан Михеев [224]. Последнее замечание очень показательное. О том, что дисциплина нижних чинов стала портиться еще летом-осенью 1916 г. в сравнительно благополучной по части исполнения приказов и воинского поведения 1-й Кавказской гренадерской дивизии, вспоминал М.М.Зощенко, тогда — поручик 16-го гренадерского Мингрельского полка: «Я командир батальона. Я обеспокоен тем, что дисциплина у меня падает. Мои гренадеры с улыбкой отдают мне честь. Они почти подмигивают мне. <...> Около моей землянки целый день толкутся люди. Некоторым нужно написать письма. Другие приходят за советом. Какие могут быть советы, если я за спиной слышу, что они меня называют "внучек". Дошло до того, что из моей землянки стали пропадать вещи. Исчезла трубка. Зеркало для бритья. Исчезают конфеты, бумага. <...> Мы на отдыхе. Я сплю в избе на кровати. Сквозь сон я вдруг чувствую, что чья-то рука тянется через меня к столу. Я вздрагиваю от ужаса и просыпаюсь. Какой-то солдатик стремительно выскакивает из избы. Я бегу за ним с наганом в руках. Я взбешен так, как никогда в жизни. Я кричу: "Стой!" И если б он не остановился, я бы в него выстрелил. Но он остановился. Я подхожу к нему. И он вдруг падает на колени. В руках у него моя безопасная бритва в никелированной коробочке.

— Зачем же ты взял? — спрашиваю я его.

— Для махорки, ваше благородие, — бормочет он» [86, с.61].

Что касается Ремнёва, то подпоручик 704-го пехотного Рионского полка А.Золотухин дополняет показания старшего товарища, штабс-капитана Г.В.Михеева: «Прапорщик 703-го полка Ремнёв... гнусно и подло подчинил себе темную массу, и первый его шаг был выполнен

на генерале Мехмандарове и агитации против начальников, как и о войне (”она нужна лишь буржуям и генералам”)» [224]. Как бы то ни было, но 703-й пехотный Сурамский полк 28 марта 1917 г. на боевые позиции так и не вышел [188, л.12-12об].

31 марта прибывший в распоряжение 2-го Кавказского корпуса генерал для поручений при командующем 10-й армией Сергей Леонидович Марков (1878 – 1918), будущий герой Белого движения, сделал внушение генералу В.О.Бенескулу «о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнёва». После этого Марков «отправился в Залесье, где был собран корпусный комитет 2 кавк[азского] к[орпу]са». От корпусного комитета Марков «получил... полное осуждение роли Ремнёва и 2-ой кавк[азской] грен[адерской] дивизии». «Ушел при криках овации по моему адресу», – записал тогда в своем дневнике Марков [67, с.100] , страдавший недугом самолюбования, пожалуй, не меньше Ремнёва.

А 2 апреля 1917 г., во время Пасхальной Заутрени, командующий 2-м Кавказским армейским корпусом 53-летний генерал-лейтенант Владимир Онуфриевич Бенескул застрелился, будучи не в силах пережить случившееся [67, с.100]¹. Командир 704-го пехотного Рионского полка 47-летний полковник Николай Васильевич Кирилович, еще недавно служивший в той самой 51-й пехотной дивизии [207, с.979; 209, с.420] , которую должна была сменить 28 марта 2-я Кавказская гренадерская, говорил тогда: «Поведение прапорщика Ремнёва носило характер, недостойный офицера, изобличало в нем отсутствие всякой нравственной порядочности и чистоплотности, напоминал он своим поведением скорее тюремщика, погромщика, зарвавшегося провокатора, но только не офицера и гражданина» [74] .

Тем не менее, полковое (а также, надо думать, что и дивизионное, и корпусное начальство) почло за благо избавиться о Ремнёва под благовидным предлогом. 7 апреля в надежде, видимо, на то, что таким образом удастся остановить падение дисциплины в полку, бунтовщика-прапорщика отправили в месячный отпуск. Полковой журнал боевых действий сообщает об этом: «Убыл в разрешенный четырехнедельн[ый] отпуск прапорщик Ремнёв, во временное исполнение должности начальника команды связи вступил прапорщик Буксеев» [188, л.12об-13] . Казалось бы, Ремнёв должен был радоваться – как минимум на месяц ему посчастливилось оказаться в гарантированном безопасном удалении от фронта с его стрельбой и газовыми атаками. Но как же прав был цитировавшийся выше капитан Гранитов – Ремнёву действительно всерьез «революция вскружила голову».

Вместо того чтобы провести месяц возле семьи, «известный демагог прапорщик Ремнёв», как охарактеризовал его в своих «Очерках Русской Смуты» генерал Антон Иванович Деникин [67, с.100] , поехал в Петроград. Сам Ремнёв на допросе в 1919 г. рассказывал, что после митинга 28 марта «были виды на арест меня Главкозапом генералом Гурко, чему препятствовали товарищи всего корпуса. В дни пасхи 1917 года членами дивизионного комитета был раскрыт заговор и покушение на мою жизнь, что исходило из офицерства всего корпуса. Во избежание эксцессов я был делегирован от дивизии в Петроград, где я организовал совещание съезда фронтовиков, на котором первые дни был председателем» [224; 72] . Действительно, Ремнёв мог получить отпуск именно для того, чтобы принять участие в собравшемся в начале апреля в Таврической дворце, в котором заседала не только Государственная Дума, но также исполнительный комитет петроградского совета, совещании представителей армий и частей

¹ Начальник штаба 2-го Кавказского армейского корпуса генерал-майор Дмитрий Яковлевич Федоров (1869 – 1954) вспоминал, что «ген[ерал] Бенескул застрелился под влиянием упреков штаба армии, вернее ген[ерала] Маркова» (о чем говорится и в дневнике самого Маркова). Капитан же Гранитов, почему-то недовольный генералом Мехмандаровым, сочинил на сей счет такую историю: «Ген[ерал] Мехмандаров, по приезде в штаб армии, всю вину своего смещения с должности приписал проискам ген[ерала] Бенескула, который, узнав об этом по телефону, в ту же ночь застрелился» [164, с.181, 183].

фронта. Интересно, что перед 7 апреля делегаты этого совещания посетили Кронштадт, который считался неофициальным «штабом революции», «Кронштадтской республикой» [8]. Вероятно, тогда Ремнёв во время митинга на кронштадтской Якорной площади сделал доклад о своих политических успехах на Западном фронте [176, с.161-162].

7 мая истек срок Ремнёвского «разрешенного» отпуска и мятежному прапорщику следовало возвращаться в полк. Однако по прибытии на станцию Молодечно Ремнёва опознали и арестовали офицеры штабов 10-й армии и 51-й пехотной дивизии, пытались устроить самосуд, но Афанасия Иосифовича отбили солдаты (делегаты «ремнёвского» 2-го Кавказского корпуса) и доставили его под конвоем к командующему армиями Западного фронта генералу от кавалерии Василию Иосифовичу Гурко. Генерал приказал посадить Ремнёва в минскую тюрьму. 22 мая генерала Гурко сместило с должности Временное правительство [82, с.182]. Нового командующего Западным фронтом (генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, 1872—1947) назначили только 31 мая [82, с.201]. Вероятно, воспользовавшись десятью днями безвластия на фронте, Ремнёва после двухнедельного заключения освободили солдаты, делегированные его же 2-м Кавказским корпусом [72].

4. «МЫ ИЗ КРОНШТАДТА». Июнь – август 1917 года

Рис. 9. Кронштадт, Якорная площадь в начале марта 1917 г. РГАВМФ.

Ремнёв бежал из Минска в Кронштадт, где, по словам Ф.Ф.Раскольниковца, «нашел временное убежище от преследований Временного правительства» [176, с.162]. Вероятно, побег состоялся около 24 мая, когда в 703-м Сурамском полку окончательно смирились с отсутствием начальника команды связи и назначили для исполнения этой должности нового офицера [188, л.18об-19]. Ф.П.Дунаев по материалам, надо полагать, ремнёвского дела, хранящегося в архиве управления ФСБ по Брянской области, пишет, что после бегства в Кронштадт Ремнёв подал прошение на имя морского министра с просьбой о переводе из армии на флот. Прошение, якобы, удовлетворили, назначив Ремнёва в кронштадтскую машинную школу [72]. Однако в постановлении следственной подкомиссии по делу об участии частей и команд Балтий-

ского флота в попытке государственного переворота 3-5 июля 1917 г., составленном 5 сентября 1917 г., Афанасий Ремнёв, один из обвиняемых, назван прапорщиком 703-го пехотного Сурамского полка [22, с.99] . Притом, что Сурамский полк к 5 сентября 1917 г. был почти уже два месяца как расформирован (о чем ниже). Следовательно, пребывая в Кронштадте, Ремнёв продолжал числиться в списках своего пехотного полка. И мог считаться либо прикомандированным к машинной школе, либо просто дезертиром.

* * *

Чтобы понять, почему именно в Кронштадте решил Ремнёв искать убежища, следует объяснить статус этого места в 1917 году. Кронштадт – это город и крепость на острове Котлин в Финском заливе, недалеко от устья реки Невы, напротив города Ораниенбаума. Укрепленный мощными фортификационными сооружениями и снабженный дальнобойными артиллерийскими орудиями больших калибров, Кронштадт должен был прикрывать с моря столицу Российской Империи, Петербург – Петроград. Вместе с тем, Кронштадт был главной тыловой базой русского Балтийского флота. Здесь находился целый ряд военных заводов, судовых мастерских, складов, учебных заведений. Помимо постоянных жителей, в Кронштадтском гарнизоне в 1917 г. состояли 10512 моряков и 20111 солдат и офицеров воинских частей крепости. На заводах и в мастерских трудились около 20 тысяч рабочих [23, с.258] .

1 марта 1917 г. мятежными матросами было перебито или арестовано все начальство Кронштадтских военно-морской базы и крепости. В частности, были убиты главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта 61-летний адмирал Роберт Николаевич Вирен, герой Русско-японской войны; начальник штаба Кронштадтского порта 55-летний контр-адмирал Александр Григорьевич Бутаков, командир 1-го Балтийского флотского экипажа 54-летний генерал-майор по флоту Николай Васильевич Стронский, командир 2-го Балтийского флотского экипажа 58-летний генерал-майор по флоту Александр Константинович Гирс, командир кронштадтской крепостной артиллерии 58-летний генерал-майор Александр Васильевич Волков, начальник учебно-артиллерийского отряда 54-летний контр-адмирал Евгений Николаевич Одинцов, начальник Кронштадтской школы юнг 50-летний капитан 1 ранга Константин Иванович Степанов [231, с.48-49; 176, с.39-40; 59, с.210, 73, 165, 247] ... Арестованы и томились по несколько месяцев в тюрьме комендант Кронштадтской крепости 55-летний вице-адмирал Александр Парфентьевич Курош, командир Кронштадтского флотского полуэкипажа 57-летний генерал-майор флота Константин Александрович Панферов [59, с.65; 64] и т.д. Всего по официальным данным в ходе февральско-мартовского переворота 1917 г. в Кронштадте было убито 39 офицеров, «большинство из которых флотские». Арестовано было по тем же официальным данным 206 офицеров [131] , а по подсчетам советского историка П.З.Сивкова – 500 человек [198, с.88]. Единственными, кто оказал вооруженное сопротивление мятежу в Кронштадте, стали полицейские из участка на Козьем Болоте. Они держали оборону в доме Голубева до тех пор, пока здание не обстреляли из 6-дюймовой пушки и не снесли верхний этаж. Шестерых сдавшихся после этого полицейских матросня тут же убила, восьмерых арестовали. Со стороны мятежников тогда погибло семь человек, с большой помпой похороненных вскоре на кронштадтской Якорной площади, рядом с Морским собором [176, с.41; 231, с.48-49] .

«Утром 2 марта на Якорной площади состоялся митинг, – вспоминал спустя десятилетия кронштадтский старожила. – Решали вопрос о создании новой местной власти. Избрали "Комитет движения" в составе семи человек... С этого дня Якорная площадь стала играть большую роль в жизни города, являясь местом своеобразного революционного вече. Десятками тысяч голосов откликалась площадь на всякое событие в городе. 1917 год стал годом сплошных митингов и собраний. Шли на них охотно и собирались быстро. Пустовала Якорная площадь редко, задавая тон политической жизни города и определяя погоду на заседаниях совета» [231, с.49] . Вскоре в результате митинговой деятельности Кронштадт превратился в «семейное

предприятие» братьев Ламановых, сыновей отставного генерал-майора по адмиралтейству: бывший студент-технолог Анатолий Николаевич Ламанов (1889 – 1921, расстрелян большевиками), член партии социалистов-революционеров (максималистов), возглавил пришедший на смену «комитету движения» кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов, а старшего лейтенанта флота Петра Николаевича Ламанова (1884 – 1932) матросы избрали «начальником всех морских частей Кронштадта» [56; 44, с.495; 110; 111] .

Рис. 10. Президиум исполнительного комитета кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. Второй справа – председатель исполкома А.Н.Ламанов, крайний справа – его заместитель (товарищ) Ф.Н.Покровский. Фото М.П.Антокольского. «Петроградская газета». 1917. №42. 8 июня.

Остров стали покидать в большом количестве морские и сухопутные офицеры, желавшие служить России, а не советам, «братве» или «пацанам». В обратном направлении, чувствуя, что «из Кронштадта выдачи нет», потянулись сюда дезертиры и левые экстремисты, вроде большевиков Раскольников и Ремнёва. Царивший в Кронштадте произвол создал городу среди петроградских обывателей совершенно неприглядную репутацию. Как писала 1 июня 1917 г. «Петроградская газета»: «В последнее время [о] Кронштадте говорят и пишут очень много, а всевозможных слухов о нем ходит еще больше. Одни говорят, что на "вольном острове Котлине" уже официально провозглашена Кронштадтская республика, другие уверяют, что там полная анархия и люди режут друг друга, третьи рассказывают еще более страшные вещи. Такую жуть нагнали все эти слухи, что на людей, отправляющихся в Кронштадт, смотрят чуть ли не как на самоубийц» [64].

Так в разгар мировой войны свои же русские матросы, солдаты и рабочие обезглавили и дезорганизовали главную тыловую базу Балтийского флота. А ведь Балтийское море было главным театром военного противостояния русского и германского флотов. 30-тысячный Кронштадтский гарнизон оказался практически вырван из рядов Русской Армии. Скажем, 4 апреля 1917 г. в Кронштадте «общее собрание рабочих и солдатских депутатов при обсуждении вопроса о перемещении воинских частей постановило: – кадровые части не отправлять, дабы не распылять боевое значение крепости и революционной армии. Учебные части могут быть отправляемы при условии пополнения. Вновь пребывающих дезертиров из действующей армии не принимать, а прибывших дезертиров отправить в действующую армию» [166] . Но, видимо, дезертиров принимать продолжали (в том числе, возможно, и Ремнёва), поскольку уже 1 июня 1917 г. потребовалось вновь убеждать публику через газеты, что «борются в Кронштадте очень решительно с дезертирством. На о. Котлине таковых почти нет, а приезжих

дезертиров задерживают и отправляют назад в свои части. Въезд дезертирам в Кронштадт запрещен раз навсегда» [64] .

Пушки Кронштадта, не исполнявшего теперь распоряжений военных властей, не столько Петроград прикрывали, сколько угрожали ему. Вот что рассказывал об этом занявший во второй половине мая 1917 г. пост командующего Петроградским военным округом генерал-майор Петр Александрович Половцов (1874-1964): «Морская оборона находилась в ведении Морского Генерального штаба, имевшего две оборонительные позиции, - одну, передовую, где-то на линии Свеаборга, другую, тыловую, впереди Кронштадта. Последняя была в зачаточном состоянии и, хотя в техническом отношении она зависела от Морского штаба, но снабжение касалось меня, и тут-то политика оказала свое вредное влияние на стратегию: "Автономная Кронштадтская Республика" категорически отказалась выдать что бы то ни было из своих запасов для морской позиции, заявив, что даже 10-дюймовые орудия нужны для защиты самого Кронштадта от контрреволюции... Даже получился отказ давать провиант из Кронштадтских магазинов для рабочих на позиции, ибо эти запасы опять-таки могут понадобиться республиканцам в случае осады со стороны реакционной гидры» [161, с.84] .

Наконец, в мае 1917 г. местный совет изгнал назначенного в Кронштадт Временным правительством комиссара, вместо которого избрал комиссаром прапорщика Ф.Я. Парчевского. А 13 мая исполнительный комитет кронштадтского совета принял резолюцию о единовластии совета в Кронштадте, одобренную, само собой, через три дня собранием того же самого совета. С этого момента остров фактически отделился от России в политическом отношении и его стали неофициально называть «Кронштадтской автономной республикой» [56] . Генерал-майор Половцов вспоминал, что когда он 18 мая 1917 г. вступал в должность командующего Петроградским военным округом, его окружили газетные репортеры и устроили импровизированную пресс-конференцию. Первым же вопросом прозвучало: что генерал намерен делать с Кронштадтом? Половцов ответил шуткой, в которой была доля правды: «Насколько мне известно, Кронштадт теперь самостоятельная республика, вполне самоопределившаяся, и ...завоевывать ее я не намерен, так как я враг аннексий и контрибуций» [161, с.71] .

* * *

Рис.11. Большевик Ф.Ф.Ильин по портрету «Раскольников». Рисунок с натуры Ю.К.Арцыбушева. Декабрь 1917 г.

Теперь патологический трус Ремнёв, вследствие описанных выше приключений, оказался довольно далеко от фронта. Причем, как писал Раскольников, мичман учебного судна «Освободитель» [22, с.99; 176, с.57] , с марта 1917 г. являвшийся товарищем (заместителем) председателя кронштадтского совета и с 31 мая – председателем кронштадтского комитета партии большевиков, Ремнёв, «как единственный офицер-большевик» в кронштадтской машинной школе, «пользовался известной популярностью» [176, с.162] (ведь большевики агитировали за прекращение войны). Кроме того, уже в мае Ремнёв стал членом кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов, а также членом кронштадтского комитета РСДРП(б) [22, с.587; 72; 74].

3-5 июля 1917 г. Ремнёв участвовал в первой неудавшейся попытке большевиков совершить в Петрограде государственный переворот. Формально переворот совершали с целью передать власть в стране из рук Временного правительства в руки того самого пе-

троградского совета, который выпустил 1 марта пресловутый «приказ номер первый», послуживший прапорщику Ремнёву своеобразным «социальным лифтом». Для Кронштадта все началось с того, что 3 июля, около 4 часов дня, «в заседание Кронштадтского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов явились два делегата от 1-го запасного пулеметного полка и с ними неизвестный матрос. <...> Названные делегаты произвели на исполнительный комитет впечатление "диких", малосознательных и безграмотных в политическом отношении людей» [22, с.90-91]. На самом деле одним из этих «диких» был ефрейтор 16-й роты 1-го пулеметного запасного полка Павел Андреевич Кошелев, а вторым – солдат 8-й роты того же полка Иван Казаков, который «принадлежа к коллективу большевиков в полку и состоя членом Военной организации партии большевиков, выступал в полку как до 3 июля, так и в этот день на полковом собрании; призывал полк к вооруженному выступлению против Временного правительства и свержению его, а равно "бить буржуев"...» [22, с.84] Сопровождавший «диких» депутатов матрос был с судна «Рында».

Трое ходоков «предъявили [кронштадтскому] исполнительному комитету свой мандат, написанный безграмотно на листе почтовой бумаги, на всех троих. На мандате имелась подпись членов комитета пулеметного полка и оттиск комитетской печати. Тогда же эти делегаты заявили, что 1-й пулеметный полк совместно с другими частями гарнизона и рабочими выступает в тот же день в Петроград, вооруженным, с лозунгом "Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!", причем делегаты говорили о необходимости вооруженной поддержки Петроградского гарнизона и со стороны кронштадтцев. Председатель Совета, унтер-офицер Покровский, ответил делегатам, что кронштадтцы не выступят впредь до получения соответствующих директив из Центрального Исполнительного Комитета Советов..., на что делегаты, упрекнув Покровского в поддержке им буржуазии, возразили, что для них мнение исполнительного комитета не важно и они лично обратятся к массам» [22, с.90-91].

Пока исполком кронштадтского совета решал, что не мешало бы «диких» делегатов задержать, последние незаметно из помещения исполкома выскользнули, направившись на поиски «масс». «Массы» в это время сидели в сухопутном манеже и слушали лекцию анархиста Хаима Ярчука, скромно названную последним «Война и мир». «Дикие» вошли в аудиторию и попросили слово. Они рассказали матросам, что 1-й пулеметный полк «выступил на улицах Петрограда, что, быть может, там уже льется кровь, а кронштадтцы сидят и занимаются чтением лекций», и потребовали «вооруженной поддержки своему полку». Морячки, что называется, «завелись с пол-оборота», позабыли о Хаиме Ярчуке – и вскоре уже «толпа хлынула на Якорную площадь», где затеяла митинг.

Первым выступал один из «диких» делегатов от пулеметного полка. Он повторил то, что уже говорил на лекции – и закончил свою речь так: «Мы решили лечь костями на улицах Петрограда, но добиться своей цели» [22, с.91]. Вслед за «диким» выступали большевики – уже знакомый нам мичман Раскольников и студент Семен Григорьевич Рошаль (1896-1917), а также вездесущий анархист Хаим Ярчук. Все трое заявили «о необходимости поддержать вооруженное выступление Петроградского гарнизона с целью свержения Временного правительства и передачи всей власти Советам». Потом выступил Иосиф Гурвич по кличке «Веник», настаивавший, «чтобы кронштадтцы немедленно взяли оружие и шли в Петроград на поддержку гарнизона в его выступлении. За Веником выступал матрос команды машинной школы (той самой, к которой «прибился» Ремнёв. – Ю.С.) [Федор] Громов. Обращаясь с трибуны к толпе, Громов говорил: "Товарищи! Довольно нас кормили завтраками, пойдемте по казармам, возьмем оружие и отправимся в Петроград"». Ну, в след за товарищем-машинистом на трибуну полез прапорщик Ремнёв. Он «тоже выступил с речью о необходимости немедленного вооруженного выступления с целью свержения Временного правительства и передачи власти Совету». После ремнёвской речи Рошаль и Громов поставили вопрос о десанте в Петроград на го-

лосование: «Раздавшиеся одобрителные крики присутствующих на митинге решили этот вопрос в положительном смысле, после чего те же лица объявили, что можно расходиться, но пусть все будут готовы к выступлению, так как последнее может состояться каждую минуту» [22, с.91-92].

Рис.12. Матросы Балтийского флота в июле 1917 г. РГАВМФ.

Около часу ночи в кронштадтском исполкоме собрались представители воинских частей. Был там и Ремнёв. Собравшиеся принялись обсуждать «вопрос о выступлении и вооружении. Присутствовавшие на заседании председатель исполнительного комитета Ламанов, Богомолов и Капитонов предложили собранию прежде решения вопроса о выступлении собрать весь Совет..., так как членов исполнительного комитета в заседании очень мало, а мандаты представителей частей не проверены, но предложение это встретило возражения как со стороны председательствовавшего в собрании [Лазаря] Брегмана (зауряд-врача учебного судна «Заря свободы». – Ю.С.), так и присутствовавших доктора [Ивана Арсеньевича] Дешёвого, прапорщика Ремнёва и Рошалья. За необходимость вооруженного выступления высказались в этом заседании Брегман, Дешёвой, Ремнёв, Раскольников и Рошаль, причем когда вопрос о выступлении был поставлен на голосование, то в меньшинстве остались лишь председатель исполнительного комитета [Анатолий Николаевич] Ламанов, член того же комитета Богомолов, член Совета Капитонов и комиссар [Временного правительства прапорщик] Парчевский» [22, с.92-93].

Для переброски кронштадтских матросов по морю в Петроград нужен был транспорт. Поэтому ночное собрание отправило телеграммы в Биорке и Транзунд с требованием выслать в Кронштадт шесть учебных судов и тральщиков. Хотели также для охраны своего морского каравана вызвать из Гельсингфорса миноносец, но руководство исполкома отказалось это сделать. Наконец, «решено было занять для перевозки выступавших частей все казенные и частные пароходы. На предложение Капитонова не брать частных пароходов, так как благодаря этой мере будет прервано сообщение между Кронштадтом и Ораниенбаумом, а также... подвоз продовольствия, Раскольников, Ремнёв, Рошаль и Дешёвой возражали, говоря, что в Петроград надо прибыть всем сразу» [22, с.93-94]. Следовательно, для перевозки «мирных демонстрантов» в Петроград кронштадтцы захватили несколько гражданских пароходов. Как сказал на следующий день один из кронштадтских матросов корреспонденту «Петроградской газеты»: «Мы приехали сюда (в Петроград) на 14 пароходах...» [150, с.2].

Самое забавное, что для обеспечения намеченной на 4 июля демонстрации, которую в советской литературе до самого последнего времени называли, повторимся, «мирной» [201,

с.173, 174; 23, с.207] , «группа товарищей» во главе с матросом минного заградителя «Терек» Федором Тарасовым и 55-летним врачом-большевиком Иваном Арсеньевичем Дешевым в ту же ночь получила на кронштадтском артиллерийском складе «50 тыс[яч] патронов для японских винтовок, 5 тыс[яч] - для драгунских, 5 тыс[яч] - для [винтовок] бердана и 500 патронов револьверных для нагана» [22, с.94]... Кроме того, вместе с «демонстрантами» в Петроград отправлялся «санитарный отряд с носилками» под началом все того же доктора Дешевого.

На том же ночном заседании был разработан план действий, согласно которому около 10 тысяч вооруженных кронштадтских матросов должны были 4 июля погрузиться на суда и высадиться в Петрограде около 10 часов утра. Затем «стройным, организованным порядком» с оркестром матросы собирались пройти от Николаевского моста по Английской набережной на Сенатскую площадь, свернуть на Адмиралтейский проспект, пройти по Невскому и Литейному проспектам, свернуть на Шпалерную улицу и окружить Таврический дворец, в котором заседала Государственная Дума, а также исполком петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Здесь кронштадтцы должны были подкрепить своими штыками требование передать власть совету. Как вспоминал командовавший тогда войсками Петроградского военного округа генерал-майор Половцов, «первая цель противника – захватить Тавриду, этот мозг всех народных движений, и, водворившись там, покорить все остальное. Как идея, довольно остроумно» [161, с.133]. Для руководства выступлением кронштадтцы выбрали комиссию в составе: Ф.Ф. Раскольников, С.С.Гредюшко, С.Г.Рошаль, А.Павлов, П.Н.Беляевский, А.И.Ремнёв, А. Самоуков, Т.Пульпуриди, М.Мартынов. Верховное руководство взял на себя Раскольников [3, с.254-255].

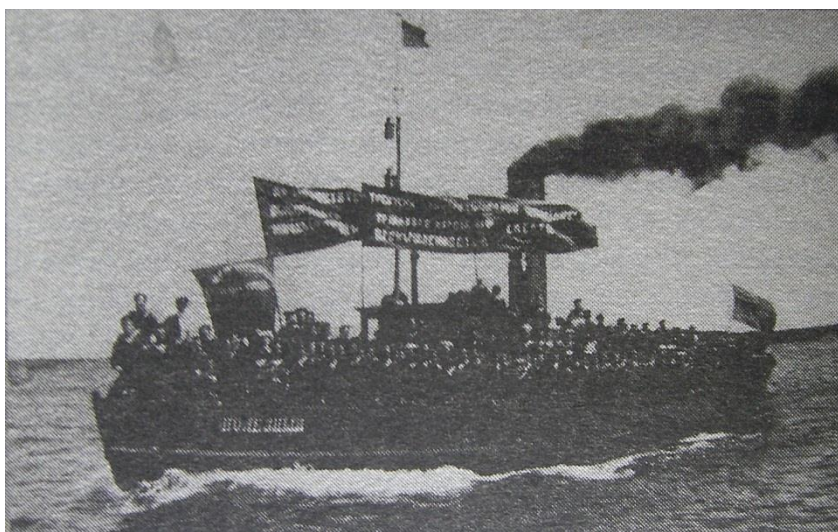

Рис.13. Революционные матросы-кронштадтцы 4 июля 1917 г. плывут в Петроград на прогулочном пароходе «Полезный». Из книги: Бунич И.Л. В огне государственного катаклизма. М., 2004.

Утром 4 июля все началось почти так, как задумали: «По прибытии в Петроград кронштадтцы начали высадку у Николаевского моста. Это было около 10 час[ов] утра. К этому времени у пристани на Васильевском острове собрались рабочие и работницы трубочного завода. Кронштадтские матросы, солдаты и рабочие, на обращаемые к ним вопросы публики, зачем они приехали, отвечали: "Товарищи вызвали, пришли помочь сделать в Петрограде порядок, так как буржуи и здесь слишком разошлись". Пока кронштадтцы строились на набережной в колонны, к пристаням подходили новые буксиры, а затем и пароход "Котлин", переполненный вооруженными матросами и солдатами. На каждом буксире развевались красные флаги и знамена с большевистскими лозунгами: "Вся власть Советам р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]!", "Долой десять министров-капиталистов!" (так на большевистском жаргоне назывались представители партии народной свободы или конституционные демократы – со-

крайне «кадеты», входившие в состав Временного правительства. Это была, скорее, «партия профессоров», чем капиталистов. – Ю.С.), ”Долой министров-локаутчиков!” и т. д. На одном из буксиров прибыли кронштадтские анархисты с черным знаменем» [22, с.95] . На этом черном знамени красовалась надпись: «Да здравствует коммуна» [150, с.2] .

По прибытии матросы получили инструкцию следовать к особняку балерины Кшесинской, занятому тогда большевистским начальством (центральным комитетом российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) – РСДРП(б) – и военной организацией при этом комитете). Когда кронштадтские эсеры принялись возражать против изменения маршрута, большевики Раскольников и Дешевой им объяснили, что у дома Кшесинской на Каменноостровском проспекте к «мирным демонстрантам» присоединятся «войска Петроградского гарнизона с броневиками». В самом деле, как вспоминал в 1928 г. генерал-майор Половцов, «на Васильевском острове... к кронштадтцам присоединяются финляндцы (т.е. чины запасного батальона гвардейского Финляндского полка. – Ю.С.), солдаты 180-го запасного полка и прочая дрянь. Эта колонна, по-видимому, самая главная, берет направление на Таврический дворец.туда же двигаются из Заречных частей вместе с вооруженными рабочими, солдаты 1-го запасного, 1-го пулеметного, Гренадерского и Московского (также запасные двух гвардейских полков. – Ю.С.)...» [161, с.133]. На следующий день в «Петроградской газете» очевидец этого шествия рассказывал: «Во втором часу дня с Васильевского острова стройными колоннами двинулась 100-тысячная манифестация, в состав которой входили рабочие, кронштадтские моряки, вооруженные винтовками, и бесконечной лентой тянулись солдаты. Громадную толпу сопровождали броневые автомобили с пулеметами и вооруженными солдатами» [150, с.2].

Рис.14. Петроград, 3 или 4 июля 1917 г. Вооруженные пробольшевистские путчисты на Невском проспекте.

Выстроенных у особняка Кшесинской кронштадтцев и прочих «демонстрантов» стали с балкона «заводить» речами большевистские ораторы. Первым выступил секретарь центрального комитета РСДРП(б) Яков Михайлович Свердлов (1885-1919), поприветствовавший в лице матросов «авангард русской революции», в трудную минуту прибывший «в Петроград на защиту дела революции, с целью свержения ненавистного пролетариату буржуазного Временного правительства, ведущего к гибели страну». Вторым говорил недавно перешедший к большевикам с так называемыми «межрайонцами» (политическая группировка Троцкого) писатель Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933). Этот предложил «мирным демонстрантам» осадить Таврический дворец, место заседаний как Государственной Думы, так и петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (в который, понятно, входили далеко не одни большевики), и тем самым «положить конец компромиссной политике, затягивающей войну, выгодную только капиталистам и империалистам всех стран». После такого «разогрева» на балконе пресловутого особняка вышел и «хедлайнер» шоу – лидер большевистской группировки, избранный совсем недавно на 1-м всероссийском съезде советов в члены всероссийского центрального исполнительного комитета (почти одновременно с военным и морским министром, а с 8 июля – министром-председателем Временного правительства Александром Федоровичем Керенским) Владимир Ильич Ульянов по прозвищу «Ленин» (1870-1924): «Появление на балконе Ленина было встречено бурными рукоплесканиями. Ленин говорил недолго. Он заявил, что болен, но в столь важный момент, несмотря на болезнь, считает своим долгом приветствовать кронштадтских матросов и солдат, стоящих на страже революции. Ленин далее говорил, что счастлив видеть то, что происходит, как теоретический лозунг, брошенный два месяца тому назад о переходе всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов, претворяется сейчас в жизнь» [22, с.95-96].

От дворца Кшесинской вооруженная колонна с музыкой двинулась к Таврическому дворцу. О том, что было дальше, рассказал на допросе через несколько дней сам Раскольников: «От дворца Кшесинской мы через Троицкий мост вышли на Марсово поле, а затем, пройдя по Садовой, свернули на Невский проспект и по Литейному направились к Таврическому дворцу. Все шло благополучно до тех пор, пока мы не достигли угла Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы. До этих пор наша процессия имела стройный, организованный порядок. Но как только мы дошли до угла Литейного и Пантелеймоновской, как из окон одного дома раздалась частая пулеметная стрельба. В наших рядах произошла невообразимая паника. Некоторые товарищи инстинктивно схватывались за ружья и стали беспорядочно стрелять вверх в воздух. <...> Кто-то крикнул: "Ложись" — и почти все легли. Стрельба еще продолжалась. Многие ползком стали пробираться к подъездам, чтобы укрыться в них от стрельбы. Через некоторое время стрельба затихла, и нам удалось построить наши ряды, которые на этот раз уже не носили такой выдержанной стройности, как прежде. Матросы, солдаты и рабочие — все смешались друг с другом, многие шли по панели, требуя, чтобы во всех домах закрывали окна и форточки» [3, с.257-258]. Порядком перетрусивший Раскольников приказал оцепить дома, «в районе которых раздавались выстрелы, и на помощь кронштадтцам приехали грузовые автомобили с пулеметами, чтобы помочь обнаружить виновников стрельбы» [22, с.96].

В конце концов, к 16 часам (по воспоминаниям Раскольникова) колонна с кронштадтцами добралась до Таврического дворца, где уже стоял большевизированный 1-й пулеметный полк. Как вспоминал находившийся тогда в Таврическом дворце член бюро исполкома петросовета социал-демократ меньшевик Владимир Савельевич Войтинский (1885-1960), 16 мая побывавший в Кронштадте и выступивший на Якорной площади: «В 5 часов дня подошли к Таврическому дворцу кронштадтцы. Это была знакомая мне толпа Якорной площади, но уже охмелевшая от пролитой за день крови - от дома Кшесинской до Таврического дворца матросы шли "с боем", стреляя налево и направо, наводя ужас на население, кое-где громя магазины» [34, с.172].

Первым делом кронштадтцы арестовали главу правого крыла партии социалистов-революционеров (правых эсеров) Виктора Михайловича Чернова (1873 —1952), который по иронии судьбы был и министром земледелия во Временном правительстве, и членом Петроградского совета (также, как Ленин и Керенский), от имени которого Временное правительство свергали. Вообще у Чернова были с моряками странные отношения: позже матросы разгонят возглавляемое им Учредительное собрание, а в 1921 г. он попытается возглавить антибольшевистское восстание моряков все в том же Кронштадте... Вот что рассказывала о произошедшем с Черновым 4 июля 1917 г. «Петроградская газета» в заметке с характерным названием «Избиение ленинцами министра земледелия В.М.Чернова»: «Около 4 час[ов] дня к Государственной Думе, где заседает Исполнительный Комитет Совета Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов, прибыли воинские части, среди которых было много кронштадтских матросов. Ленинцы потребовали, чтобы к ним вышел для объяснения министр земледелия Чернов. Чернов появился на портике Таврического дворца и хотел произнести речь. Вдруг раздались голоса:

— Обыскать его. Быть может, у него в кармане оружие...

В.М.Чернов спустился с портика и заявил, что в таком случае, он речи произносить не будет. Несколько матросов и рабочих окружили министра и буквально поволокли его к автомобилю, разорвав его пиджак» [150, с.2] .

На счастье Чернова из Таврического дворца выскочил член ЦК РСДРП(б) Лев Давидович Бронштейн по прозвищу «Троцкий» (1879 – 1940) и начал вместе с Раскольниковым уговаривать матросов Чернова отпустить. Вот что вспоминал в 1930-х годах об этом эпизоде находившийся 4 июля 1917 г. в Таврическом дворце начальник контрразведки Петроградского военного округа полковник Борис Владимирович Никитин (1883 – 1943): «Тут появляется Троцкий. Пробившись к Чернову, он обращается к окружающему его сброду, среди которого выделяются кронштадтские матросы, и держит речь со свойственным ему пафосом. Он произносит слова, которые впоследствии так и остались за матросами: ”краса и гордость русской революции, неужели у вас поднимется рука на вашего министра?!” Затем, хорошо зная своих сотрудников, Троцкий не ожидает ответа ”красы и гордости”, быстро хватает Чернова за рукав и спешит увести его во дворец» [128, с.168] .

О том же рассказывал в воспоминаниях 1926 г. участвовавший в событиях бывший матрос кронштадтской водолазной школы Наум Точёный: «Подошли к Таврическому дворцу. Здесь выделили делегацию и без оружия послали во дворец, требуя, чтобы члены ЦИК’а вышли к нам. Они медлили. Тогда мы избрали другую делегацию в количестве 50 человек, которая силою вытаскала двух членов правительства. Это были Чернов и Чхеидзе. Толпа сразу заволновалась. Раздались крики: ”убить их”. Казалось, что через минуту и от Чернова и от Чхеидзе останется одно мокрое место... Вдруг на грузовике, который стоял как раз под стенкой Таврического дворца, появился тов[арищ] Троцкий. Раздается его звучный голос: ”Товарищи кронштадцы, краса и гордость революции! Вы ли за насилие? Если они заслужили наказание, то понесут его... У нас есть суд... До самосуда мы не допустим”...» [218, с.62]

А вот как скромно рассказывал на допросе Раскольников о том, что происходило далее: «Оказав содействие освобождению Виктора Чернова, я снова направился в Таврический дворец. Как делегат я хотел направиться в депутатские места... Товарищ, стоявший у дверей, взял мой билет, очевидно, отнес его в президиум и через несколько минут вернулся, сказав: ”Вам нельзя. От вас уже есть один представитель”. Так мне и не удалось взять слово в заседании Центрального Исполнительного комитета (совета. – Ю.С.), хотя мне это было поручено нашей организационной комиссией. Посоветовавшись с Рошаль, я вышел к нашим кронштадтцам, расположившимся у Таврического дворца, и предложил желающим из них сейчас же возвратиться в Кронштадт, заявив, что демонстрация уже закончена» [3, с.258, 259] . Находившийся

там же, но с противоположной стороны, Войтинский подтверждает: после инцидента с Черновым «матросы, заполнившие сквер, шумели, волновались, но, видимо, не знали, что делать дальше. Впереди, между колонн, виднелись знакомые мне вожаки кронштадтской вольницы — Раскольников, Рошаль и др. Они тоже казались растерянными. <...> Затем вожаки увели куда-то кронштадтцев. Перед Таврическим дворцом сменялись другие толпы — преимущественно из вооруженных рабочих. Те же знамена, те же крики, те же озлобленные лица, угрожающие жесты, заряженные винтовки» [34, с.172-173].

Действительно, противостояние вокруг Таврического дворца длилось после инцидента с Черновым около пяти часов. И вряд ли совсем без участия кронштадтцев. Вскоре толпа выбрала себе для расправы новую жертву — и стала требовать, чтобы из Таврического дворца вышел один из лидеров социал-демократов меньшевиков, министр почт и телеграфов Временного правительства и член исполкома петросовета Ираклий Георгиевич Церетели (1881 – 1959). Полковник Никитин в связи с этим принялся звонить из Таврического дворца в штаб Петроградского военного округа и просить вооруженную охрану. Он говорил, что промолчал, «когда таскали Чернова (вообще не любимого не только моряками, но и сухопутными военными. — Ю.С.); но Церетели мы выдать не можем: он единственный имеет на Совет сдерживающее влияние» [128, с.169]. Вот что писала о дальнейших событиях «Петроградская газета»: «Около 9 часов вечера из Таврического дворца были получены сведения, что он осажден ленинцами. На выручку из штаба [Петроградского военного округа] были двинуты казаки с пушками (полковник Никитин вспоминал, что кавалерию выслали около 17 часов. — Ю.С.). Сотня первого Донского полка проскочила благополучно. А сотня 4-го Донского полка была обстреляна с Троицкого моста броневым автомобилем большевиков. Так как шел в это время сильный дождь и было скользко, то конница не могла атаковать автомобиль и помчалась дальше. У Литейного моста казаки снова попали под обстрел взбунтовавшихся большевиков» [150, с.2].

Для правительственного отряда, которым первоначально командовал полковник гвардейской Конной артиллерии граф Сергей Александрович Ребиндер, а потом по воле случая — приехавший с Кавказа в Петроград в командировку штабс-капитан Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона Ираклий Виссарионович Цагурия, столкновение закончилось довольно плачевно: «Отряд с Дворцовой площади шел на рысях, когда внезапно недалеко от угла Литейного и Шпалерной попал под пулемет, поставленный на Литейном мосту солдатами Финляндского полка. Попад неожиданно под обстрел, казаки дернули в сторону, враспынную, — рассказывал, видимо, со слов самого штабс-капитана Цагурии, полковник Никитин. — Заметим, что иначе в таких случаях поступить было бы трудно: на улице, под прямым выстрелом пулемета атаковать его в лоб для маленькой конной группы — предприятие почти безнадежное. А тогда остается, прежде всего, скрыться в складках местности, то есть в данном случае по улицам, за домами. В тот же момент оба орудия остановились и стали сниматься с передков, но одно из них тут же было окружено восставшими солдатами 1-го Запасного полка; другое орудие — с убитым в спину коренным ездовым Пискуновым — успело проскочить Литейный проспект, сняться с передка и дать три выстрела. Им командовал пошедший с отрядом волонтеров штабс-капитан Цагурия. Для первого выстрела Цагурия, оставшись один, без солдат, заряжает сам — первым попавшимся снарядом — гранатой; он бьет на 200 шагов по кучке солдат, окруживших первое орудие. Граната метко разрывается, наносит тяжелый урон противнику, который разбегается. К Цагурии подбегают свои: подьесаул Гвардейского запасного батальона Филимонов и вахмистр. Второй выстрел Цагурия посылает по пушкам Гочкиса, обстреливавшим его с северного берега Невы. Наконец, третий снаряд разорвался перед домом Кшесинской. Там уже было объявлено новое правительство при участии Ленина и Рошалья. Разрыв перед окнами показал большевикам, что мы не только существуем, но и выступаем активно. В этом эпизоде отряд теряет 6 убитыми и 25 ранеными. Цагурия отбивает другое ору-

дие и постепенно собирает людей. На этом боевые действия отряда заканчиваются» [128, с.170] . В Таврический дворец «доблестный Цагурия» прискакал в девятом часу вечера, сопровождаемый лишь двумя казаками: «эфес шашки отбит пулями, фуражка и одежда прострелены в нескольких местах. Настроение прекрасное, а после пулеметного огня, под которым продержался, еще повышенное» [128, с.170] .

Тем не менее, в Таврическом дворце, по словам находившегося там полковника Никитина, из-за шума толпы орудийных выстрелов у Литейного моста даже не услышали. Обстановка накалялась – а призванные охранять Думу, Временное правительство и исполком совета (который, по воспоминаниям современников, как раз больше всех испугался переворота в свою, казалось бы, пользу) воинские части исполнять приказ не спешили. И вот около 17 часов Временное правительство решилось обнародовать собранную русской контрразведкой (и, прежде всего, тем же полковником Никитиным) информацию о сотрудничестве Ленина с германским генеральным штабом [128, с.171-172] . Тем самым петроградский путч превращался в откровенно враждебное России предприятие, выступление на стороне нашего главного в мировой войне врага. Недаром через несколько дней петроградские газеты запестрят такими заголовками: «Шпион Ленин с немецкой шарманкой», «Усмирение германско-ленинского заговора»; «Доблестные герои долга и свободы, укротившие германско-ленинское восстание» [153] , а командующий Петроградским военным округом генерал-майор Половцов теми же газетами будет назван «укротитель немецко-ленинских войск» [152] ...

Но это случится позже, а пока осаждавшие Таврический дворец мятежники решили перейти к активной фазе восстания. Вот что рассказывал об этом полковник Никитин: «Вдруг из толпы начали стрелять по дворцу. За первыми выстрелами последовали другие: так открылась беспорядочная стрельба, которая продолжалась не более получаса. Стреляли, может быть, и в воздух, но, несомненно, и по дворцу. Стреляли не из ближайших рядов, а из толпы, так как именно среди первых рядов нашего врага попадало несколько десятков раненых, сраженных в спину пулями своих. Этого оказалось достаточным: с первыми же выстрелами грянула паника, да какая... Толпа закачалась, загудела, люди бросились кто куда. Те, кто был ближе к дворцу, устремились в него, но вовсе не со штыками против нас, а чтобы спрятаться за стенами от пуль, летающих по площади. <...> Конечно, следовало ожидать, что кадры оправятся и скоро вернутся. Но тут нам на помощь пришло еще одно обстоятельство, при других условиях, может быть, незначительное, но при пониженном настроении убегающих весьма уважительное, чтобы не возобновлять осаду немедленно: не успели выстрелы затихнуть, как хлынул дождь, и даже хороший ливень. Задержавшиеся кучки людей спешают укрыться от непрерывных водяных струй; окрестности пустеют» [128, с.172-174] . Наконец, как вспоминал полковник Никитин, «уже около 9 часов вечера, по собственной инициативе, узнав об измене большевиков, прибыли первыми на защиту Таврического дворца вооруженные солдаты ближайшей к нам воинской части — гвардейского саперного батальона. Затем явился давно ожидаемый Измайловский полк» [128, с.177] .

После описанных событий большая часть кронштадцев, среди которых был и Ремнёв, отправилась на свой остров. Также немало вооруженных матросов разошлось по Петрограду. Например, значительная их группировка во главе с одним из трех «диких» депутатов, взбурдаживших Кронштадт 3 июля, ефрейтором 1-го пулеметного полка Павлом Кошелевым, заняла Петропавловскую крепость [22, с.84] ... 5 июля Раскольников, переночевавший на квартире у матери, явился в особняк Кшесинской, где ночевала часть кронштадцев, немедленно избравшая Раскольникова комендантом особняка. Опростоволосившиеся путчисты боялись, как рассказывал на допросе Раскольников, «что озлобленная против большевиков чернь собирается произвести нападение на дворец Кшесинской», и для защиты «народных заступников» от народа выписали несколько мелкокалиберных пушек [3, с.260-261]. Раскольников отправил по

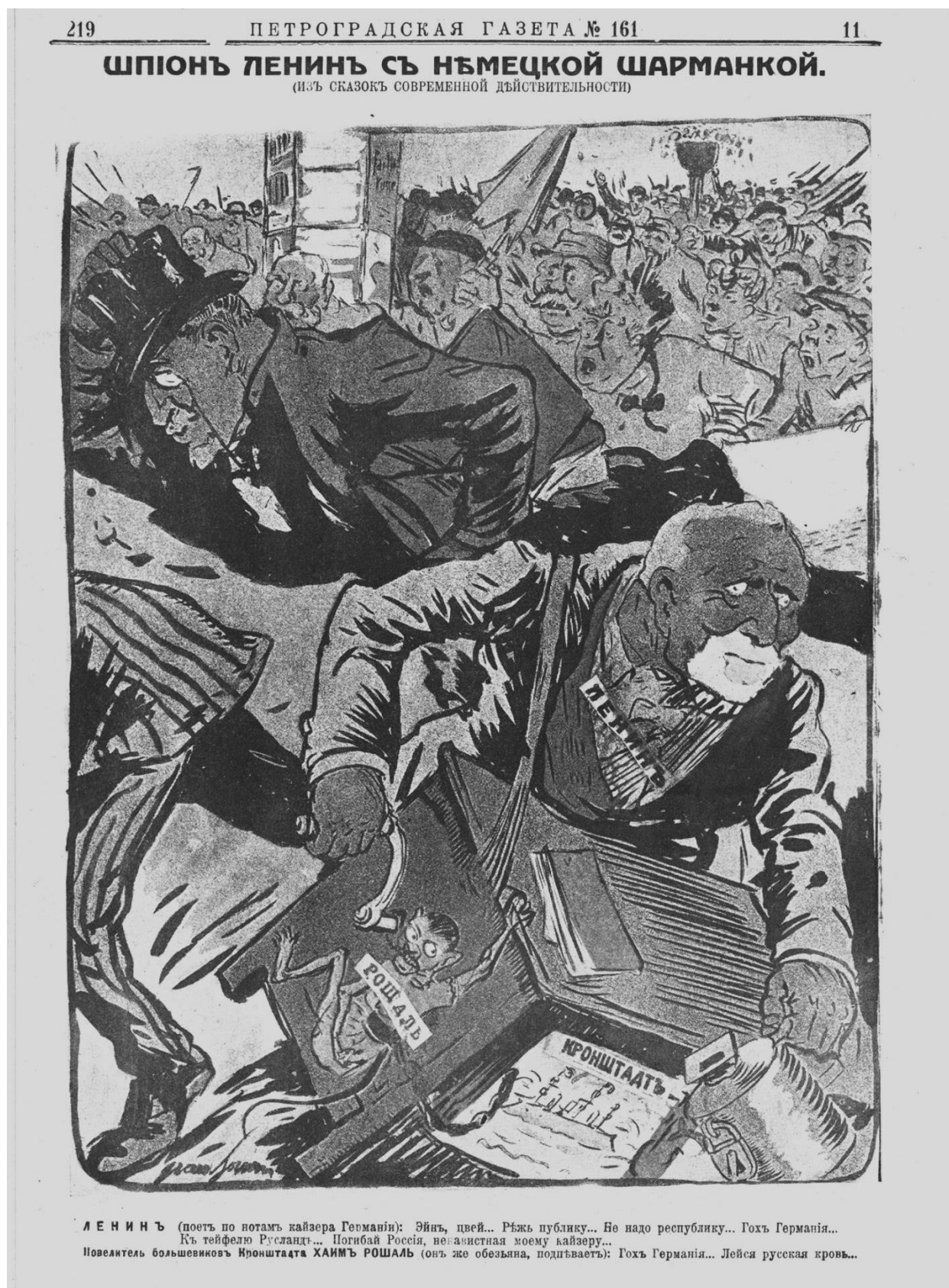

Рис.15. Карикатура «Петроградской газеты» (1917. № 161. 13 июля), высмеивающая связь Ленина с кронштадтцами и немцами.

этому поводу в Кронштадт с двумя посыльными такое требование: «Прошу исполнительный комитет выдать разрешение товарищам Николаю Платонову и Игнатию Силицкому на получение нескольких 4-дюймовых орудий из 1-го Кронштадтского крепостного полка и на получение ручных гранат из минной лаборатории. Эти боевые средства нужны для самозащиты частей Кронштадтского гарнизона, находящихся в Петрограде, на случай могущего быть нападения со стороны контрреволюционных сил. Мичман Раскольников» [22, с.97] . Но вот кронштадтскому исполкому посланцы Раскольникова говорили уже не об угрозе особняку Кшесинской со стороны «озлобленной черни», а о том, что «против нас идут казаки и преображенцы», а пушки нужны, «чтобы дать отпор броневикам, которые пытаются напасть на [Центральный] Комитет» [22, с.97] .

Давать или не давать Раскольникову пушки решали на заседании кронштадтского совета. В итоге не дали. На том же заседании отметился и прапорщик Ремнёв, заявивший: «Раньше чем идти сюда, я шел с известным мнением, так как половина моей команды осталась во дворце Кшесинской и они окружены. Это я говорю не под влиянием этой бумажки. У меня раньше составилось это мнение. Я предлагаю поехать к дворцу Кшесинской поближе, чтобы взять наших товарищей, из которых много раненых. Я должен ехать привести свою команду. Я возьму пулемет и поеду освободить свою команду» [22, с.97-98] . Тогда кронштадтский совет решил вместо пушек отправить в Петроград многопартийную делегацию, которая уговорила бы центральный исполнительный комитет совета, чтобы совет приказал верным Временному правительству войскам Петроградского гарнизона «пропустить кронштадтцев при оружии на пароход» [22, с.98] . В делегацию вошли: от социал-демократов большевиков А.И. Ремнёв и А. Титов, от социал-демократов меньшевиков К. Соколов и Балясников, от эсеров К. Щугрин и Б. Донской, от беспартийных С.И. Богомоллов и И.И.Бородин [3, с.260-261] .

Тем временем Раскольников с Рошалем договорились собрать по городу оставшихся матросов и переправиться с ними в Кронштадт – под защиту бастионов и тяжелых артиллерийских орудий. Пока Раскольников с Рошалем объезжали своих матросов, в особняк Кшесинской из Кронштадта явилась та самая делегация, в которую входил и Ремнёв. Соединившись, вся компания подалась в тот же Таврический дворец, в военную комиссию исполнительного комитета петроградского совета. Здесь ходоки предъявили совету такие требования: «1) все арестованные кронштадтцы должны быть освобождены; 2) все отобранное оружие возвращается и 3) кронштадтцам гарантируется безопасное возвращение из Петрограда в Кронштадт». В ответ глава военной комиссии исполкома петросовета социал-демократ меньшевик Михаил Исаакович Гольдман по прозвищу «Либер» (1880 – 1937) сообщил выборным, что отпустит кронштадтцев домой лишь после немедленной сдачи оружия. Так или иначе, но 6 июля остававшиеся в Петрограде кронштадтцы уплыли в свою «республику», а на следующий день туда же уехал Раскольников [3, с.261-263] .

Кронштадт, как рассказывала тогда «Петроградская газета», встречал неудачников-путчиков недружелюбно: «При возвращении из Петрограда, обезоруженных матросов Кронштадт встретил свистками, негодующими криками и язвительными насмешками. Жалкий вид возвращавшихся матросов, их изорванное платье и исцарапанные лица возбуждали иронические оклики толпы» [153, с.3] . Это подтверждает и матрос-водолаз Наум Точёный, утром 5 июля оказавшийся в числе захвативших Петропавловскую крепость кронштадтцев: «Когда наступило утро, мы оказались обложенными войсками Керенского. Началась атака... Мы отошли в Петропавловскую крепость, затем решили сдать... С нашей стороны был выброшен белый флаг... Затем началась сдача. Первым делом нас всех обезоружили, а потом направили через Троицкий мост на суда, которые вскоре отплыли в Кронштадт. В числе этих товарищей, нужно сказать, была только рядовая публика. Кто был покрупней,— был арестован и посажен в тюрьму. Когда мы приехали в Кронштадт, то застали там не совсем хорошую обстановку: все были панически настроены и ругали большевиков за их выступление...» [218, с.63]

Неудавшийся большевистский путч в Петрограде 3-5 июля 1917 г. имел ряд последствий. Во-первых, 8 июля военный и морской министр Временного правительства, член ВЦИК и партии эсеров Александр Федорович Керенский стал одновременно министром-председателем. Ради спасения революции Керенскому предоставили диктаторские полномочия. Во-вторых, учитывая беззащитность Таврического дворца перед вооруженной толпой и затруднения, с которыми столкнулись верные правительству войска, пытавшиеся пробиться к этому дворцу, Временное правительство переехало в Зимний дворец. Тогда это казалось удачным решением: рядом, на той же Дворцовой площади, находилось здание Генерального штаба, в котором разместился штаб Петроградского военного округа. Здесь были войска, а само расположение зданий позволяло эффективно обороняться. 15 июля Петроград тожественно хоронил девятых казаков, погибших в боях с путчистами. Не обошлось и без репрессий. 11 июля в газетах было объявлено: «В связи с последними событиями и, главным образом, с агитацией большевиков на фронте, где сказались плоды их пропаганды, в России снова будет, в виде временной меры, введена смертная казнь. Другого выхода, чтобы пресечь развал армии и тыла, не существует» [151, с.2]. Конечно, искали сбежавшего из Петрограда Ленина. Кроме того, были расформированы участвовавшие в путче 1-й пулеметный и 180-й пехотный запасный полки, а также запасные батальоны гвардейских Гренадерского и Московского полков. Вместе с тем, «Петроградская газета» 11 июля опубликовала заметку «Арест дезертиров Семашко и Крыленко»: «По слухам, удалось арестовать известного большевика дезертира, руководившего первым пулеметным полком прапорщика Семашко и главаря большевистской группы поручика Крыленко (тов[арищ] Абрам). В свое время, мы отмечали роль Семашко, одного из главнейших виновников разложения ныне расформированного 1-го пулеметного полка» [151, с.3]. Речь в заметке шла о двух большевиках – прапорщике Николае Васильевиче Крыленко (1885-1938) и главе большевистской организации 1-го пулеметного полка прапорщике Адаме Яковлевиче Семашко (1889-1937), который с мая 1917 г. фактически командовал полком [147, с.56, 303; 23, с.384-385].

Что касается кронштадцев, то в том же номере «Петроградской газеты» от 11 июля сообщалось: «Во исполнение ультимативного приказа морского министра Керенского делегаты кронштадтского С[овета]..., вместе с начальником морских сил Кронштадта (то есть братья Ламановы. – Ю.С.), явились к пом[ощнику] морского министра в ночь на 9 июля и передали резолюцию семидесяти одной части морских команд гарнизона и рабочих Кронштадта, в котором принесли заверение в полном подчинении Временному Правительству и просили о назначении следственной комиссии для выяснения зачинщиков». Также «Петроградская газета» сообщала, что «шесть офицеров, которых томили в тюрьмах кронштадтцы, вчера доставлены в Петроград и перевезены в арестный дом на Фурштатской ул[ице]» [151, с.3,4].

Однако 11 июля кронштадтцы пошли было в деле сотрудничества с Временным правительством на попятную. «Петроградская газета» писала: «11-го июля, под давлением агитации большевиков, кронштадтский исполнительный комитет заготовил резолюцию о том, что среди кронштадтцев нет зачинщиков и подстрекателей, а потому не встречается необходимости в присылке комиссии, для особого расследования» [153, с.3]. Временное правительство это так не оставило, и в ночь с 12 на 13 июля направило коменданту Кронштадтской крепости телеграмму с требованием «немедленно арестовать и доставить в Петроград» Раскольников, Ремнёва и Рошаля, которого, впрочем, в Кронштадте тогда не было. Причем «в телеграмме было добавлено, что в случае невыполнения приказа Кронштадт подвергнется блокаде и не получит ни хлеба, ни денег» [176, с.160; 214, с.25]. Раскольникову и Ремнёву пришлось ехать в Петроград и сдаваться властям. Рошаль пришел сдаваться немного позже [176, с.176; 3, с.264-268].

Надо сказать, что прежде, чем ехать в Петроград, Раскольников с Ремнёвым едва ли не день таскались по Кронштадту, обсуждая в разных сообществах (и в совете, и в машинной школе), сдаваться им или не сдаваться властям. Причем Ремнёв, как несложно догадаться, от-

чаянно трусил. Раскольников рассказывает: «Тов[арищ] Ремнёв казался угнетенным и во время всего разговора не проронил почти ни слова. <...> Утром 13 июля у нас первоначально состоялось фракционное заседание. Я по-прежнему настаивал на явке в Петроград, некоторые товарищи возражали, но, в общем, наше предложение было принято. Ремнёв вообще был настроен против капитуляции. Правда, он открыто не выступал, но определенно склонялся в пользу побега. По крайней мере, даже после решения фракции он еще уговаривал меня бежать в Финляндию.

— Катер с семьёю матросами команды уже стоит под парами, бежим, а то нас убьют в Петрограде,— повторял он, скорбно качая головой» [176, с.161, 162, 163] .

До Петрограда Ремнёв с Раскольниковым ехали на катере, в сопровождении свиты, рвавшейся доказать властям, что таких нужных товарищей следует оставить на воле. Тем не менее, «вечером 13 июля, ...я и прапорщик Ремнёв были доставлены как арестованные в штаб Петроградского военного округа...», — сообщал Раскольников на страницах большевистской газеты «Рабочий и солдат» 3 августа 1917 г. [89] Там, в историческом здании Главного штаба на Дворцовой площади, «сладкую парочку» большевиков до смерти напугал случайно к ним заглянувший техник того самого трубочного завода, рабочие которого встречали утром 4 июля на Васильевском острове кронштадтский десант, Василий Григорьевич Балабинский. Раскольников вспоминал: «Из наружных дверей в комнату ввалился какой-то рослый, едва ли трезвый верзила в полушоферской, полуавиаторской форме. На нем была кожаная куртка и фуражка с офицерской кокардой. С враждебным видом он громко заявил по нашему адресу: "Как, вас еще не убили? Вас надо было по дороге застрелить". После этого он стал громким голосом хвастаться своими подвигами:

— Я сам своими собственными руками убил тридцать двух большевиков.

— Вот видите, зря мы явились; они нас убьют,— шепнул побелевший Ремнёв.

— Вас отправляют в "Кресты", — предупредил вернувшийся морской офицер» [176, с.165, 182] .

Действительно, Раскольников, Ремнёв и Рошаль прописались в петроградской тюрьме «Кресты» [172, с.148] . Но в августе Ремнёва депортировали в Белоруссию, на место его официальной военной службы, и заключили в минскую тюрьму [224] .

Еще одним важным следствием провала июльского путча стало заметное сокращение кронштадтской автономии. 13 июля газеты сообщили, что правительство назначило комендантом Кронштадтской крепости капитана 1-го ранга Николая Дмитриевича Тыркова. Кроме того, тогда же «комиссар Врем[енного] Прав[ительства] в Кронштадте Парчевский подал в отставку» [153, с.4, 3] .

5 сентября 1917 г. следственная подкомиссия по делу об участии частей и команд Балтийского флота в июльской демонстрации в составе: председателя полковника Семенова, товарища прокурора Н. Земеля, помощника военно-морского прокурора Тюменева, прапорщика Фесюкова и делегированных центрофлотом матросов К.Семенова, Маругия и Назарука, после почти двух месяцев работы пришла к выводу, «что мичман учебного судна "Освободитель" Федор Раскольников (он же Ильин), граждане: Семен Рошаль, Иосиф Гурвич (он же Веник), Хаим Ярчук, зауряд-врач учебного судна "Заря свободы" Лазарь Брегман, военный врач Дешевой, матрос команды машинной школы Федор Громов и прапорщик 703-го пехотного Сурамского полка Афанасий Ремнёв изобличаются в том, что по соглашению между собою задумали насильственным путем низвергнуть установленное в России Временное правительство, облеченное всей полнотой верховной власти, и передать всю власть Советам рабочих и солдатских депутатов... Означенное деяние вышеупомянутых, лиц предусмотрено статьями 51 и 100 Уголовного уложения, а потому следственная подкомиссия постановила: мичмана Федора Ильина (он же Раскольников), граждан: Семёна Рошала, Иосифа Гурвича (он же Веник), Хаима Ярчука, зауряд-врача Лазаря Брегмана, военного врача Дешевого, матроса Федора Гро-

мова и прапорщика Афанасия Ремнёва привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемых, предъявив им обвинения в деянии, предусмотренном статьями 51 и 100 Уголовного уложения» [22, с.99, 100-101].

Несмотря на это, Раскольников освободили 11 октября 1917 г. под залог в три тысячи рублей, внесенный исполкомом петросовета (тем самым исполкомом, который в Таврическом дворце осаждали кронштадтцы Раскольника)¹. А 21 ноября 1917 г. по постановлению 1-го съезда Всероссийского военного флота приказом по флоту и морскому ведомству № 35 мичмана Ф.Ф. Раскольника (Ильина) произвели в лейтенанты, за компанию с несколькими повышенными таким же сомнительным образом – «за преданность народу и революции, как истинных борцов и защитников прав угнетенного класса» – в звании офицерами. Приказ о производстве подписала тоже замечательная «группа товарищей»: председатель 1-го съезда Всероссийского военного флота А.В.Баранов, секретарь съезда Кронберг и народный комиссар по морским делам П.Е. Дыбенко [186] (с которым мы еще встретимся). Рошало и Ремнёву пришлось ждать освобождения до большевистского переворота 25 октября 1917 г.

5. «ПОЛК САМЫЙ УЖАСНЫЙ ВО ВСЕЙ АРМИИ»

На допросе в 1919 г. Ремнёв рассказывал, что за день до большевистского переворота 25 октября 1917 г., ему «24 октября... удалось вывести из тюрьмы арестованный полк и политзаключенных, силами их занять арсенал и подчинить себе гарнизон Минска, состоявший из польских легионеров и дивизии казаков» [72]. Об этом «арестованном полке», который «вывел из тюрьмы» Ремнёв, стоит поговорить особо.

Дело в том, что поднятый Ремнёвым на мятеж в марте 1917 г. его «родной» 703-й пехотный Сурамский полк с тех пор в себя так и не пришел. Напротив того, полк терял не только воинский, но и человеческий облик, превратившись за короткое время, по словам современника-военного, в «дикую толпу негодяев» [68, с.184]. Как говорилось в постановлении комитета 10-й армии, опубликованном 24 июня 1917 г. газетой «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов»: «История 703 пехотного Сурамского полка с первых дней свободы позорная страница в истории русской революционной армии. Бывший питомец полка прапорщик Ремнёв опозорил Сурамский полк, и полк верными шагами пошел по пути разложения, начертанному Ремнёвым. Позорные для свободы и революции деяния находили все больше и больше места в истории полка» [145, с.471-472].

Правда, поначалу казалось, что с удалением Ремнёва в дивизии и в полку все успокоилось. 28 апреля 1917 г. 2-я Кавказская гренадерская дивизия даже вышла на боевые позиции. Она заняла оборону южнее Сморгони: от деревни Шелудьки до деревни Сутково. В боевой линии 703-й Сурамский полк был на правом участке, 704-й Рионский – на левом [188, л.13об]. К позициям сурамцев примыкали траншеи 532-го пехотного Волоколамского полка из 133-й пехотной дивизии, 35-го корпуса, 3-й армии Западного фронта. На следующий день, 29 апреля, во 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию был назначен новый начальник – 56-летний генерал-майор Эдуард-Орест Густавович Катлубай [188, л.14об; 206, с.135; 208, с.606].

Одновременно с позиций 703-го полка стали приходить тревожные известия: «По всему участку фронта происходит братание. Солдаты собираются толпами у немецких проволочных заграждений, предварительно выкинув белые флаги. Со стороны немецкой принимают участие в братании и офицеры» [188, л.16об]. Вот что рассказал об этом братании командир соседнего с 703-м 532-го пехотного Волоколамского полка в рапорте своему дивизионному начальнику: «Доношу, что сегодня, 29 апреля, в 16 час[ов] на правом фланге 703-го пехотного полка солда-

¹ «Вчера, под залог в 3000 руб[лей], из "Крестов" был освобожден тов[ариш] Раскольников. Залог был внесен Исп[олнительным] Комитетом Петроградского Совета. Наш горячий привет товарищу, освобожденному из "республиканского" застенка!» [136].

ты означенного полка сходились с немцами. Солдатами 12-й роты вверенного мне полка был открыт по немцам ружейный огонь. Вскоре после открытия ружейного огня из соседнего 703-го полка явился в 12-ю роту вверенного мне полка солдат, который заявил, что он якобы депутат и требует прекращения стрельбы, в противном случае пойдут на нас в штыки. Мною было сообщено немедленно об этом командиру 703-го полка, причем я просил его довести до сведения полкового комитета 703-го полка, что солдаты 532-го п[ехотного] Волоколамского полка так понимают свои обязанности и стрелять будут, ибо так постановили в полку. Я же, дабы не позволять насилия и издевательства над солдатами своего полка, прикажу подтянуть к левому флангу резервы и буду держать наготове участковую артиллерию» [178, с.76; 3, с.148]. Таким образом, братавшийся с немцами Сурамский полк, не имевший никакой положительной боевой репутации, становился прямо опасен соседним русским воинским частям.

Рис.16. Братание на русско-германском фронте. Весна 1917 г.

Журнал военных действий Сурамского полка за 30 апреля сообщает: «Братание продолжается». На следующий день, 1 мая, в полковом журнале сурамцев отметили: «Боевых действий не происходит. Братание еще продолжается, но носит частный характер» [188, л.16об]. Тем не менее, какая-то невидимая глазу работа по прекращению безобразий свершалась. Вероятно, немало потрудился в этом направлении энергичный командир Волоколамского полка полковник Сергей Михайлович Смельницкий. Словом, 2 мая «состоялось соединенное заседание полковых комитетов 703-го пех[отного] Сурам[ского] и 532-го пех[отного] Волоколамск[ого] полков при участии артиллеристов. Вынесено постановление, осуждающее братание». А 3 мая «братание почти прекратилось» [188, л.17].

Тем временем в Петрограде происходили серьезные изменения. 30 апреля подал в отставку военный министр Александр Иванович Гучков, попрощавшийся с должностью такими словами: «Наша военная мощь разлагается. Вся страна когда-то признала отечество в опасности. Мы сделали еще шаг; время не ждет; отечество на краю гибели» [174]. 5 мая пост военного и морского министра во Временном правительстве занял Александр Федорович Керенский, «по совместительству» член петроградского совета солдатских и рабочих депутатов. В передо-

вице русского военного еженедельника «Разведчик» 12 мая 1917 г. по поводу нового назначения были напечатаны такие слова: «...Война не ждет. Бездействие нашей армии дало возможность немцам обрушиться на наших доблестных союзников с удвоенными силами. Близок тот час, когда эти союзники истекут кровью в неравной борьбе, когда вынуждены они будут просить у нас помощи, а будет ли наша боевая мощь для этого подготовлена? Прекратятся ли братания? Восторжествуют ли идеи наступления и пойдет ли русская армия вперед? Все это вопросы, на которые в данный момент не ответит и А.Ф.Керенский. Судя по тому, что мы видим и слышим, мы склонны скорее к пессимистическому взгляду А.И.Гучкова» [175].

В ночь на 15 мая 703-й Сурамский полк был сменен на боевых позициях 24-м гренадерским Навтлугским полком и перешел в дивизионный резерв [188, л.17об]. Еще никто не знал, что так закончился единственный выход сурамцев на фронт. 31 мая командир 703-го полка полковник Сагинов «приказал произвести выборы членов в ротные дисциплинарные суды. Солдаты отказались выполнить это приказание, мотивируя свой отказ тем, что, якобы, дисциплинарные суды есть возврат к старому режиму» [188, л.19об]. Тем временем в командных верхах Русской Армии (которую в ту пору пытались перекрестить и в народную, и в республиканскую) «идеи наступления», о которых писала передовица «Разведчика», действительно восторжествовали. 4 июня 2-я Кавказская гренадерская дивизия, не исключая и 703-го Сурамского полка, получила приказ командира 2-го Кавказского армейского корпуса генерал-лейтенанта Григория Ивановича Чоглокова (1867 – 1921) за №Б-9: «Занять исходное положение для предстоявшего наступления» [178, с.575]. В частности, 703-му полку «приказано было расположиться в д. Сивицы. Приказ этот солдаты отказались выполнить» [188, л.20]. Вечером 7 июня командир 703-го полка полковник Сагинов созвал митинг «с целью убедить солдат в необходимости исполнить боевой приказ». «Митинг дал только отрицательные результаты», – констатировал полковой журнал военных действий [188, л.20об].

13 июня уговаривать сурамцев пойти в наступление приехал на митинг в деревню Гатковичи недавно назначенный на пост командующего армиями Западного фронта генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. «Все призывы последнего – исполнить приказ о занятии исходного положения – остались тщетными», – сообщает журнал военных действий 703-го полка [188, л.21-21об].

Рис.17. Июнь 1917. Солдаты, бросив боевые позиции, идут на митинг.

Из журнала: Старый Цейхгауз. 2011. №40-41 (2-3). С.57.

Сам генерал Деникин так вспоминал в 1922 г. об этой поездке: «В одном из корпусов приказал показать мне худшую часть. Повезли в 703 Сурамский полк. Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидевших, бродивших на поляне, за деревней. Одежды в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, не чесанные, немые, — они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения. Встретил меня

начальник дивизии с трясущейся нижней губой и командир полка с лицом приговоренного к смерти. Никто не скомандовал "смирно", никто из солдат не встал; ближайшие ряды пододвинулись к автомобилям. Первым движением моим было выругать полк и повернуть назад. Но это могли счесть за трусость. И я вошел в толпу. Пробыл в толпе около часу. Боже мой, что сделалось с людьми, с разумной Божьей тварью, с русским пахарем... Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали — со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне мало-помалу возмущенное чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется» [68, с.157-158].

Действительно, не только во 2-й Кавказской гренадерской дивизии, но и во всем 2-м Кавказском армейском корпусе дела тогда обстояли нисколько не лучше, чем в 703-м пехотном Сурамском полку. Генерал-лейтенант Деникин вспоминал: «Особенно сильно разложился 2-й Кавказский корпус и 169 пех[отная] дивизия. Многие части потеряли не только нравственно, но и физически человеческий облик. Я никогда не забуду часа, проведенного в 703-м Сурамском полку. В полках по 8-10 самогонных спиртных заводов; пьянство, картеж, буйство, грабежи, иногда убийства...» [68, с.175] Когда после митинга в Гатковичах Деникин в качестве главнокомандующего Западным фронтом был «настойчиво» приглашен «особой делегацией» на съезд 2-го Кавказского корпуса, то там «в разных группах делегатов... шла беседа о том, что здесь вот главнокомандующий, командующий, корпусный, штабы и все начальство; хорошо бы прикончить их тут же всех разом, вот и конец наступлению ...» [68, с.158].

Рис.18. Лето 1917. Солдаты в тылу боевых позиций

15 июня в Сурамском полку была «получена копия телеграммы военного министра (то есть Керенского. — Ю.С.), где он приказывает немедленно занять исходное положение и наступать в день, указанный ближайшим начальством. По случаю этого — митинг в д. Гатковичах, где вопрос о исполнении этого приказа опять решен отрицательно» [188, л.21об-22].

Тем временем в Петрограде работал 1-й всероссийский съезд советов, избравший, среди прочего, военного министра Керенского в свой главный исполнительный орган – Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Для «устранения неповиновения» 2-го Кавказского корпуса вообще и непосредственно 703-го Сурамского полка съезд и ВЦИК направили на Западный фронт так называемую «советскую экспедицию» во главе с социал-демократом (меньшевиком) Николаем Дмитриевичем Соколовым [213, с.359], сенатором «революционного призыва», другом Керенского – и главным автором того самого «Приказа №1», который положил начало разложению Русской Армии, а также революционной карьере прапорщика Ремнёва. Соколова сопровождали трое солдат: представители партии социалистов-революционеров (эсеров) Роман Степанович Вербо, Розенберг – и присоединившийся к «экспедиции» на месте представитель комитета 10-й армии Ясайтис (Исайтис).

Митинг 703-го Сурамского полка «по случаю приезда членов исполнительного комитета С[оведа] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов]» был назначен на вечер вторника 20 июня и должен был состояться на южной окраине деревни Гатковичи [188, л.22-22об]. Солдаты-сурамцы начали «разогреваться» еще с утра, когда учинили самосуд над старшим врачом своего полка 40-летним Гавриилом Антоновичем Габровским, мобилизованным в армию городским врачом Волковыска Гродненской губернии, титулярным советником (на 1910 г.) и акушером по специализации [189, с.84]. Врача солдаты разжаловали в рядовые и назначили служить в 9-ю роту [188, л.22]. Для участников «советской экспедиции» это был дурной знак, но они не обратили на него внимания. К слову, 25 июня доктор Габровский был командирован в распоряжение начальника 26-го эвакуационного тылового пункта в г. Полоцк [188, л.23об].

Рис.19. Митинг на фронте. «Нива». 1917. №38.

Вот что рассказывал три дня спустя о последовавшем вечером 20 июня 1917 г. митинге 703-го Сурамского полка один из членов «советской экспедиции», солдат-эсер Р.С.Вербо: «От

имени Исполнительного Комитета Н.Д.Соколов, я, тов[арищи] Розенберг и Исайтис поехали в Х армию. Нам говорили о том, что там есть полки и дивизии, которые находятся в хаотическом состоянии и куда нужно пойти для того, чтобы поднять настроение и организацию. Мы объехали все комитеты, фронтовые комитеты, и нам там сказали, что самая ужасная дивизия, — это II-я гренадерская дивизия 2-го Кавказского корпуса. На эту дивизию нам указали и в батальонном комитете Х армии. Мы решили, что нам нужно главным образом поехать именно в эту дивизию и с нее начать свою работу. Перед этой дивизией мы увидели 1-й Сибирский корпус, где настроение было более хорошее. Там в двух полках — 151-м и 152-м — нас очень хорошо встретили... Мы должны были поехать в 61-й полк, который не соглашался переместить место своего расположения, но когда мы туда явились, то нам заявили, что этот полк ушел на позицию под давлением своих соседей. И вот наша следующая поездка была в 703-й Сурамский полк... Товарищи, этот полк самый ужасный во всей армии. Когда мы явились в этот полк, то полкового комитета мы там не застали. Большинство его было на заседании съезда полковых комитетов. Мы просили секретаря съезда собрать нам полковой митинг. На этом митинге было приблизительно 2000 народа, были представители и других полков. Выслушивали наши речи довольно спокойно. Н.Д.[Соколов] не выступал резко, не говорил о наступлении; в его речи даже не было слова "наступление", а он говорил о том, что главным образом необходимо единство демократии, необходимо подчиняться постановлениям и резолюциям Центрального Исполнительного Комитета, демократического органа, нашего Всероссийского Съезда Советов..., и необходимо подчиняться его резолюциям. Далее он говорил о том, что необходимо подчиняться и стратегическим приказам; в этом и был намек в речи Н.Д. о наступлении. Я в своей речи указал на то, что на Юго-Западном фронте началось наступление, и мы его должны поддержать, что если мы этот Юго-Западный фронт не поддержим, то наступление может кончиться крахом» [145, с.374].

Замечательная, вообще-то, ситуация, когда в боевой — формально — части накануне намеченного наступления разговор об этом наступлении бояться заводить. И не ради соблюдения секретности, а чтобы солдат не злить. И показателен тон, словно бы оправдывающийся, рассказчика... Однако Вербо, сам солдат — и к тому же политический активист — мгновенно почувствовал, что за дикой массой распустившихся бойцов действует чья-то злая воля: «У нас всех, участников этой истории, создалось впечатление, что это не было взрывом народного гнева, — отмечал Вербо, — потому что мы говорили не о наступлении, а что там действует определенная шайка людей и шайка во всяком случае организованная. Возможно, что эта шайка людей собиралась еще до наших речей что-нибудь с нами сделать, во всяком случае тут было холодное, рассудительное, подготовленное действие, а не просто стихийное негодование» [145, с.375].

Свидетельства о политическом окрасе этой злой силы солдаты Сурамского полка сразу же и предъявили «советской экспедиции», тыча в лица ее участникам большевистскими газетами. Вербо продолжает рассказ: «Несмотря на то, что чувствовалось, что к нашим речам относятся враждебно, не было определенного нарастания гнева толпы, было холодное, враждебное настроение, были отдельные возгласы: "не надо заливать, это говорит шляпа, надоело лам слушать эти речи". Это были возгласы довольно спокойного человека, частных разговоров. Некоторые нам заявляли: "зачем нам нужна свобода, если будем умирать?" — это лозунг и настроение этого полка. Возражали нам очень мало. Вместо возражений они нам предложили прочитать "Правду" и "Солдатскую Правду" и указали на статью в "Правде" относительно манифестации 18-го числа. Когда тов[арищ] Исайтис указал... на то, что в этой статье указано, что нужно подчиняться Всероссийскому Съезду Советов..., это на них не подействовало, и они сказали, что если [Съезд] Советов... призван исполнять волю народа, то если мы представляем эту волю народа, он должен подчиняться нам, и когда он спросил: "вы согласны подчиниться Всероссийскому Съезду Советов...?" — ему ответили возгласами негодования» [145, с.374].

«Мирная» манифестация (по оценке большевиков в ней участвовало от 300 до 400 тысяч человек) под лозунгами «Вся власть совету Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких Депутатов» и недоверия Временному правительству, с требованием отставки десяти «министров-капиталистов» (то есть представителей партии конституционных демократов, которые вскоре и сами подали в отставку), а также с очень показательным ввиду дальнейшей политики большевиков призывом «Ни сепаратного мира с немцами, ни тайных переговоров с англо-французскими капиталистами», была организована большевиками в Петрограде 18 июня 1917 г. как своеобразный смотр сил накануне описанного выше путча 3-4 июля. Номер большевистской газеты «Правда», посвященный манифестации 18 июня, вышел в день митинга сурамцев, то есть 20 июня [168], и к вечеру оказался в полку – да еще и был прочитан...

Но митинг продолжался. Один из солдат-сурамцев, по воспоминаниям Вербо, «сказал, что когда в Петроградском Совете был поставлен вопрос о наступлении, то все подняли руки, а когда поднялся вопрос о том, что нужно идти на позиции, то никто не поднял рук. Когда я заявил, что этого факта не было, то поднялись негодующие голоса и стали говорить о том, что вопрос о наступлении, это – в сущности провокация, что наступления нет, что мы хотим вызвать наступление на Западном фронте, а когда вызовем это наступление на Северо-Западном фронте, то тогда мы скажем на Юго-Западном фронте, что наступление уже началось на Северо-Западном фронте. Выступал еще другой оратор, еще менее доказавший. Он сказал: "Так как выступавшие здесь товарищи-ораторы поедут по всему фронту и будут там распространять свои вредные мысли, то можем ли мы их отпустить по всему фронту?" Собрание ему ответило: "Нет, не можем, их надо арестовать". (Похожие речи слышал на съезде 2-го Кавказского корпуса и генерал Деникин. – Ю.С.) После этого последовал самый важный и большой аргумент: оратор снял с головы каску и ударил меня по голове», – признался Вербо [145, с.374-375]. Позже следствие установило, что зачинщиком избиения «советской экспедиции» стал солдат нестроевой роты 703-го пехотного Сурамского полка Севрюк [178, с.190]. Один из наблюдавших эту сцену офицеров вспоминал, что каску Вербо напялили с размаху на самый нос со словами: «Хочешь наступать, так одень каску!» [164, с.184].

Вербо продолжает: «Для того, чтобы поднять стихийное возмущение, было брошено два обвинения: я был объявлен переодетым офицером, а тот, который меня ударил, заявил, что Соколов — помещик, и он у него был рабочим. Это подлило воды в огонь, и Соколова начали избивать те, которые раньше в избиении не принимали участия. <...> Меня побили немного, но сильно пострадал Соколов. Когда меня потом арестовали и привели в штаб, я видел там товарищей Исаятиса и Соколова. Соколов был до пояса в крови, голова его была разбита, лицо исковеркано, вид был ужасный. К этому времени приехал полковой комитет, и надо отдать справедливость полковому комитету, — я не знаю убеждений полкового комитета, мне не пришлось с ним потом говорить, — но он в данном случае, поскольку мог действовать в этой разъяренной толпе, сделал все, что мог. Он нас арестовал при штабе и поставил караул, что дало нам возможность до 5-ти часов утра спокойно просидеть в штабе. Командира полка чуть не побили, но так как он кавказец (полковник Давид Константинович Сагинов. – Ю.С.), то его окружила небольшая группа мусульман, и его привели в штаб» [145, с.375].

Рассказ Вербо подтверждает и немного дополняет телеграмма, отправленная 22 июня членами «советской экспедиции» военному министру Керенскому: «Большая толпа набросилась с кулаками на Розенберга, Ясайтиса и Соколова; первые двое отделались легкими царапинами, Вербо получил несколько ударов в голову, а особенно тяжелые удары были нанесены Соколову, весь он был облит кровью; когда его, окровавленного, вели под арест в штаб полка, провожавшая толпа громко обсуждала, что с ним сделать: одни предлагали расстрелять, другие утопить, третьи намеревались бросить его на проволоочные заграждения; все четыре деле-

гата были по постановлению полка арестованы в доме штаба полка, под окном которого до ночи продолжался митинг, обсуждавший, что сделать с арестованными...» [3, с.221-222]

Офицеры, надо сказать, с удовлетворением наблюдали за избиением Соколова, автора «Приказа №1», начавшего этим документом процесс разложения армии – а теперь пожинающего плоды собственных деяний. Один из таких офицеров вспоминал уже в эмиграции: «Мне пришлось быть свидетелем, как митинговавшая солдатня расправилась с автором Приказа № 1 товарищем Соколовым, который приехал уговаривать солдат воевать до победного конца..., которого полуживым вырвали из рук толпы. Так как Соколова избили солдаты новой 2 Кавк[азской] грен[адерской] дивизии, то офицеры, не без злорадства, говорили, что это первое "СТАТУТНОЕ" дело дивизии» [164, с.184]. То есть, поскольку никаких боевых дел у 2-й Кавказской гренадерской дивизии и 703-го полка ее не было, то избиение Соколова соединению «в шутку» зачили как военную операцию...

О том, что было после, рассказал все тот же Вербо: «В 5 часов утра явились представители трех полков соседней дивизии и заявили в категорической форме этому [703-му Сурамскому] полку, что если к 9-ти часам утра они Соколова, который раньше был в этих полках, не отпустят, то они начнут артиллерийский обстрел. Этот аргумент на них подействовал довольно сильно,— началось настроение в обратную сторону, отдельные группы солдат стали говорить, что они не виноваты, а это действовали какие-то посторонние из чужого полка. Также говорили, что Соколова ударила лошадь, чего не было. Настроение было довольно пришибленное, прибитое. <...> Когда явилась делегация от полков, приехали представители армейских фронтовых комитетов с автомобилем и нас взяли в штаб корпуса. Н.Д.Соколова перевязали. В Молодечно мы поехали в армейский комитет, а оттуда в Петроград. В армейском комитете мы были на заседании комитета, где были представители всех дивизий всей армии, и на этом заседании представители этих трех полков, которые нас освободили, заявили в категорической форме, что если Сурамский полк не будет раскассирован, расформирован и зачинщики [не будут] взяты, то эти полки сами себя расформируют, так как они существовать рядом с этим полком не желают. Вместе с этим представители дивизионного комитета вынесли постановление, ...порицающее резко весь поступок, с требованием по отношению к военным властям о том, чтобы этот полк был расформирован» [145, с.375; 3, с.222].

В начале этой главы говорилось, что постановление комитета 10-й армии (а не 2-й Кавказской гренадерской дивизии, как сказано у Вербо) было опубликовано 24 июня 1917 г. в «Известиях Петроградского Совета». Постановление это гласит: «Общее собрание Армейского комитета X армии совместно с представителями корпусных, дивизионных и полковых комитетов, обсудив возмутительный для революции случай, имевший место в 703 пехотном Сурамском полку и выразившийся в избиении и аресте членов Исполнительного Комитета Петроградского Совета..., товарищей Соколова, Вербо, Розенберга и члена Армейского комитета Ясайтиса, пришло к следующему заключению:

1) избиение и арест членов Исполнительного Комитета Петроградского Совета... является вызовом (так!), брошенным всей революции в лице ее достойных представителей;

2) в тот исторический момент, когда родина во имя защиты революции и свободы требует согласованности и единства действий демократического народа и его революционной армии, учинен дикий самосуд над теми, кто звал к защите и охране революции;

3) низкие элементы, жалкие трусы в союзе с насильниками царской России, поверженные революцией во прах, объединились в одном стремлении, направленном к гибели свободы и революции. У таких изменников свободе все средства хороши, лишь бы были осуществлены их низкие, подлые цели. Пропаганда пораженчества, психическое и физическое насилие над всеми, кто призывает к охране и закреплению свободы — вот основа верований и убеждений этих изменников родине.

4) История 703 пехотного Сурамского полка с первых дней свободы позорная страница в

истории русской революционной армии. Бывший питомец полка прапорщик Ремнёв опозорил Сурамский полк, и полк верными шагами пошел по пути разложения, начертанному Ремнёвым. Позорные для свободы и революции деяния находили все больше и больше места в истории полка. Ни увещания, ни советы представителей других частей армии, направленные к тому, чтобы спасти Сурамский полк от губительного разложения, ни к чему не привели. Полк все дальше и дальше шел по пути бесчинства, самоуправства и измены свободе и, наконец, дошел до последней грани, осмелившись избить и арестовать Николая Дмитриевича Соколова, известного всей России борца за свободу и идеалы демократии, гражданина, отдавшего свою жизнь на служение свободе, боровшегося всегда с преступным царским режимом, защищавшим по первому зову всех, кого преследовала старая власть за служение свободе.

5) События, происшедшие в 703 Сурамском полку являются грубым нарушением свободы слова и собраний.

6) Дальнейшее пребывание 703 пехотного полка в революционной армии недопустимо.

7) Выразить товарищам Соколову, Вербо, Розенбергу и Ясайтису от лица армии глубокое и искреннее сочувствие и соболезнование.

На основании изложенного собрание постановило:

703 Сурамский полк должен быть немедленно обезоружен и расформирован. Зачинщики и подстрекатели указанного полка должны быть выданы и подвергнуты строгой каре. Дело о всех виновных в измене революции и свободе передать немедленно на рассмотрение Временного правительства и военного министра. Армейский комитет требует, чтобы все воинские части всеми мерами поддержали решение комитета — поручить президиуму Армейского комитета поддержать постановление общего собрания перед командующим X армией. Копии настоящей резолюции сообщить телеграфно Всероссийскому Съезду С[оветов] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов], Петроградскому Совету Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов], Исполнительному Комитету Всероссийского Крестьянского Съезда, Временному правительству, военному министерству, всем фронтовым армейским комитетам, корпусным, дивизионным и полковым комитетам X армии» [145, с.471-472].

На одном из последних заседаний 1-го всероссийского съезда советов, вечером 23 июня, доклад об избиении сурамцами «советской экспедиции» делал, по воспоминаниям одного из делегатов съезда, Николая Николаевича Гиммера по прозвищу «Суханов» (1882—1940), «участник делегации Вербо. А глава ее, виновник инцидента, одна из привлекательнейших личностей революции, Н. Д. Соколов, лежал в это время в больнице, не приходя в сознание несколько дней... Долго, долго, месяца три после этого он носил белую повязку — "чалму" — на голове (позже повязку Соколов заменил черной шапочкой, которую на людях не снимал. — Ю.С.). Так, с обликом правоверного, прибывшего из Мекки, помнят его в революции десятки и сотни тысяч людей. Известие об этом избиении было потрясающим» [213, с.359].

Ближе к полуночи 23 июня 1917 г. 1-й съезд советов принял большинством голосов (при 6 воздержавшихся) такую резолюцию: «Выслушав доклад членов Всероссийского Съезда Советов..., посланных Исполнительным Комитетом в N-скую армию, о позорном факте избиения и аресте их в 703 полку за речь о необходимости всеми силами поддерживать товарищей, перешедших в наступление для защиты дела революции, Всероссийский Съезд Советов... клеймит позором это поведение солдат 703 полка, как прямую измену революции и предательство по отношению ко всей армии, геройски выполняющей свой долг перед революционным народом. Приветствуем твердую решимость всех революционных организаций X армии принять в полном согласии с командным составом меры воздействия против виновников позорного насилия. Съезд призывает все армейские организации повести самую энергичную борьбу против подобных актов, могущих положить начало распаду армии, являющемуся величайшей угрозой для всего дела революции» [145, с.376, 380].

Рис.20. Революционный сенатор Н.Д.Соколов в характерной шапочке, которую стал носить после избиения на митинге в 703-м пехотном Сурамском полку. Рисунок с натуры Ю.К.Арцыбушева. Август 1917 г.

Несмотря на все приведенные здесь грозные военно - политические декларации, во время последовавшего за описанными событиями июньского наступления на участке 10-й армии Западного фронта отказались идти в бой полностью 2-я («ремнёвская») и за небольшим исключением 1-я Кавказские гренадерские, а также 51-я пехотная дивизии. Самой стойкой частью здесь оказался только что прибывший из Петрограда женский батальон прапорщика Марии Леонтьевны Бочкарёвой (урожденной Фролковой, 1889-1920), который глубже всех пробился сквозь немецкую оборону и понес наибольшие потери. Словом, русское наступление захлебнулось [164, с.187]. Более того, в начале июля немцы и австро-венгры перешли в контрнаступление. Как писала 11 июля по этому поводу «Петроградская газета»: «При громадном превосходстве сил и техники с нашей

стороны, на атакованных участках отступление шло безостановочно, что происходило от полной неустойчивости наших войск, рассуждения о том, исполнять или не исполнять боевые приказы начальства и преступной пропаганды большевиков» [132].

После инцидента с избиением депутатов петросвета главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-лейтенант Деникин приказал расформировать Сурамский полк, официально признанный «опасным для свободы и изменником революции и родине» [178, с.575-576]. Приказ о расформировании 703-го полка был издан командующим 10-й армией генерал-лейтенантом Николаем Михайловичем Киселевским (1866 – 1939) 24 июня и получен в полку на следующий день [188, л.23]. Однако и расформировать прежний «ремнёвский» полк без приключений не получилось. Вот что рассказывалось об этом в телеграфном донесении от 27 июня 1917 г. уже знакомого нам по инциденту с генерал-лейтенантом Бенескулом генерал-майора С.Л.Маркова, начальника штаба верховного главнокомандующего: «25 июня распоряжением комкора 2-го Кавказского (т.е. командующего 2-м Кавказским корпусом. Как видим, армейцы-«февралисты» создали субкультуру словесных сокращений, с удовольствием подхваченную вскоре большевиками. – Ю.С.) было приступлено [к] расформированию 703-го полка. Для содействия в этом были привлечены части 51-й пех[отной] дивизии с артиллерией и Астраханский каз[ачий] полк. 703-му полку было предложено сдать оружие и выдать зачинщиков. Вначале сдача оружия шла спокойно, но около 8 часов солдаты 703-го полка вновь разобрали оружие и потребовали объяснения о причинах оцепления их войсками. Получив эти разъяснения, 703-й полк оружие сложил. К этому времени в деревню Гатковичи, где был сосредоточен 703-й полк, прибыла часть вооружившегося 704-го [пехотного Рионского] полка, не сочув-

ствовавшего разоружению 703-го полка; под влиянием агитации 704-го полка 703-й полк опять разобрал оружие и лишь к 17 часам поддался уговорам и опять сложил его. На состоявшемся затем митинге, организатором коего был член Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Владимир Пруссак и в котором приняли участие не только 703-й и 704-й полки, но и часть войск, назначенная для разоружения, было постановлено просить военмина (т.е. военного министра. – Ю.С.) о прощении 703-го полка, а до получения такового сдать оружие 704-му полку. После этого все части разошлись по своим бивакам без разрешения своих командиров частей, а 703-й полк ушел на бивак 704-го полка. Ввиду того, что 25 июня разоружение 703-го полка не состоялось из-за агитации 704-го полка, командарм 10 (т.е. командующий 10-й армией. – Ю.С.) приказал 26 июня произвести разоружение 703-го и 704-го полков, зачинщиков отправить в Минск, а полки отвести под конвоем в дер[евню] Козлы. Одновременно 23-му и 24-му Кавказ[ским] гренад[ерским] полкам приказано [в] ночь на 26-е стать на назначенный им боевой участок, а если не станут, то разоружить и зачинщиков отправить в Минск. Исполнение возложено на комкор 2-го Кавк[азского] гренадерского, в распоряжение которого назначены части 20-го корпуса, 5-й Оренбургский и 52-й Донской казач[ий] полки. Этот приказ командарм 10 [в] течение 26 июня не исполнил ни в первой, ни во второй своих частях, т.е. 703-й и 704-й полки не разоружены и остаются на биваке 704-го полка, а 23-й и 24-й грен[адерские] полки позиции занять отказались и также не разоружены. Главкозапом (т.е. главнокомандующим армиями Западного фронта. Как мы вскоре увидим, и этот марковский неологизм большевики очень полюбили. – Ю.С.) вновь подтверждено командарму о неуклонном исполнении отданных приказаний, причем отмечены те погрешности, которые помимо настроения войск, назначенных на разоружение, послужили причиной продолжающегося беспорядка, а именно: первое — совершенно ненужное требование одновременно с разоружением полка выдать также и зачинщиков, которых, разумеется, легче было получить после разоружения, второе — медлительность, нерешительность и слабая осведомленность частных начальников, допустивших чрезмерное тесное окружение 703-го полка, что своим последствием имело участие в митинге войск, привлеченных для подавления беспорядка, третье — излишне большой наряд войск. Эти погрешности относятся к 25 июня. Причиной же неисполнения приказа сегодня, 26-го июня, послужило, по объяснению комкора 20 (т.е. командующего 20-м корпусом. – Ю.С.), неудача 25-го, повлиявшая в отрицательную сторону настроение войск, назначенных для ликвидации 2-й Кавказ[ской] гренадерск[ой] дивизии. Завтра, 27 июня, по настоянию депутата Пруссака, комкор разрешил созвать соединенное заседание всех дивизионных комитетов 2-го Кав[казского] корпуса для окончательного решения вопроса о разоружении и вывода в тыл 2-й Кавказской дивизии, отменить это разрешение теперь, ввиду перемены [в] неблагоприятную сторону настроения войск 20 корпуса, не представляется возможным» [3, с.222-224]. Отвлекаясь, стоит заметить – генерал-майор Марков сочинил вполне комиссарский по духу документ, подтверждающий наше прежнее замечание о том, что у этого белого героя было немало в стиле поведения, мышления, а также изложения мыслей общего с красными вроде Ремнёва...

Следствием процитированного марковского донесения стало то, что 27 июня уже тогдашний верховный главнокомандующий генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов (1853 – 1926) приказал расформировать всю 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию. 28 июня дивизию действительно стали выводить в тыловой район, однако вместо расформирования ее включили в состав 1-го Польского корпуса [178, с.575-576].

Последний путь 703-го пехотного Сухумского полка лаконично отражен в полковом журнале военных действий. Так, 28 июня «согласно приказа по 2-ой Кавказской гренадерской дивизии за № Б-10 от 28-го июня 1917 г. полк выступил из района ст[анции] Залесье по маршруту Заскевичи, Слободка, Смердия, Понятичи, Кухты. Обоз 2-го разряда остался на месте».

На следующий день «полк выступил из д. Масиня и д. Печицы в 9 часов и продолжил движение по указанному маршруту». 30 июня «полк выступил из д. Понятичей в 9 час[ов] и продолжил движение по указанному маршруту. В 18 ½ [часов] полк пришел в новый район д. Шипки, д. Вязынь, д. Дубовая, д. Ледвень, Храмцово и расположился: 1-ый б[атальо]н в д. Шипках, 2-ой б[атальо]н в д. Дубовой, 3-й б[атальо]н и обоз 1-го разр[яда] в д. Вязынь. Штаб полка в д. Храмцове. Команды в д. Ледвени. Пулеметн[ые] к[оман]ды в Шипках и Дубовой. 3 июля. 3-ий б[атальо]н передвинулся в д. Шипки. 5 июля 2-ой б[атальо]н передвинулся в д. Шипки». И, наконец, последняя запись в полковом журнале датирована 16 июля: «Полк расформирован» [188, л.24-24об]. Так закончилась бесславная пятимесячная история 703-го пехотного Сурамского полка.

В прочих полках 2-го Кавказского корпуса саботажников июньского наступления разоружили и отправили в штабы 2-й и 3-й армий для распределения по тамошним частям. Одновременно во всех взбунтовавшихся подразделениях зачинщиков мятежа и «преступный элемент» выделили, провели на их счет следствие и предали суду [178, с.270-271]. Например, уже в начале июля «следственная комиссия допросом свидетелей установила, что виновником избиения делегации сенатора Соколова является солдат нестроевой роты 703-го пехотного Сурамского полка Севрюк, сознавшийся во всем. Солдат Севрюк арестован, следствие продолжается» [178, с.190]. В результате всех этих военно-следственных мероприятий, к тому времени, когда в Минскую губернскую тюрьму перевели из петроградских «Крестов» заключенного Ремнёва, в ней, а также в других местах заключения г. Минска содержалось около 2,5 тысяч армейских чинов, арестованных после провала июньского наступления по обвинению в неисполнении приказов командования, агитации против наступления и за сочувствие большевикам. И заключенными были не только солдаты. Например, 20-летнего прапорщика 203-го Сухумского полка 51-й дивизии Александра Дмитриевича Смирнова, который вскоре станет начальником штаба в красной армии Ремнёва, за перечисленные деяния приговорили к шести годам каторжных работ с лишением чина и орденов [138].

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

Библиографический список

- 1-й революционный полк о борьбе с контрреволюцией // Правда. 1918. №50. 20 (7) марта. С.4.
- 8-й пехотный запасный полк // <http://ria1914.info/>
1917. Разложение армии /Авт.-сост. В Л. Гончаров. М., 2010.
- Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Т. IV. Jordanville, 1976.
- Акт отречения // Петроградская газета. 1917. №55. 5 марта. С.1
- Антонов-Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.1. М., 1924.
- Антонов-Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.2. М.-Л., 1928.
- Армия республики. Соповещение делегатов с фронта // Дело народа. (Петроград.) 1917. №19. 8 апреля. С.2.
- Архив управления Федеральной службы безопасности по Брянской области (АУФСББО). Д.1547-П. Цитируется по фотокопии, приложенной к публикации: [Федосов А.] Яд платиновой чаши. Брянская трагедия революционного командарма Ремнева // Брянские новости. 2017. 15 октября // <https://www.bragazeta.ru/news/>.
- Бабель И. Э. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 2006.
- Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.— Л., 1957.
- Белевская (Летягина) М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве 1915 — 1918 г. Личные воспоминания. Вильно, 1932.
- Бикерман И. М. Россия и русское еврейство // Россия и евреи. Сборник первый / Репринт издания: Берлин, 1923. Paris, 1978.
- Білокінь С.І. Глухівська трагедія // Сіверщина в історії України. Вип. 2. Матеріали Восьмої науково-практичної конференції (Глухів, 15–16 жовтня 2009 р.). Київ–Глухів, 2009.
- Белоцкий К.М. Муравьев Михаил Артемьевич // Политические деятели России 1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.В.Волобуев. М., 1993. С.223.
- Бондаренко В. Афанасий Ремнёв. Первый красный офицер // https://imhoclub.by/ru/mat_list/tag/istorija
- Борьба. (Брянск.) 1918. №31. 24 (11) мая. С.1.

18. Борьба. (Брянск.) 1918. №34. 28 мая. С.4.
19. Бош Е.Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М. – Л., 1925.
20. В местностях, занятых немцами. В районе 2-ой армии // Правда. 1918. №80. 25 (12) апреля. С.3.
21. Веденеев Д. Документальное расследование к 100-летию гибели священномученика Владимира (Богоявленского) // <https://www.pravmir.ru/100-летию-трагедии>
22. Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959.
23. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. П.А.Голуба, Ю.И.Кораблева, М.И.Кузнецова, Ю.Ю.Фигатнера / 3-е изд., доп. М., 1987.
24. Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. II. Минск, 1957.
25. Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сборник документов и материалов в трех томах. Т.3. Киев, 1957.
26. Венок на могилу высокопреосвященного митрополита Владимира. (†25 января 1918 г.) / Издание Киево-Печерской Лавры под редакцией профессора протоиерея Федора Титова. Киев, 1918.
27. Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917 – 1918 года. Таллинн, 1929.
28. Вести с фронта. Фронт Украинской Советской Республики // Правда. 1918. №77. 21 (8) апреля. С.3.
29. Вести с фронта. На Украинском фронте // Правда. 1918. №79. 24 (11) апреля. С.3.
30. Вести с фронта // Правда. 1918. №81. 26 (13) апреля. С.2.
31. Владимир (Богоявленский) / Реакция. Расследование. Оценки // [https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Владимир_\(Богоявленский\)&oldid=108815168](https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Владимир_(Богоявленский)&oldid=108815168).
32. Военная энциклопедия. В 8 томах / Председатель Главной редакционной комиссии И.Н.Родионов. Т.1. М., 1997.
33. Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Биобиблиографический справочник / Отв.сост. В.М.Шабанов. Федеральное архивное агентство. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). М.,2004.
34. Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений / Под. ред. Ю. Фельштинского. М., 1999.
35. Волков С.В. База данных № 2: «Участники Белого движения в России» // www.swolkov.org
36. Волков С.В. Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Г // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-04.htm
37. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.
38. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А. В. Лаврова; Коммент. В.П. Купченко. М., 2000, 2003.
39. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1910. №1034. 24 августа. С.314.
40. Вязьмитин О.Р. Населенные пункты Брянского края. Энциклопедический словарь / Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Брянск, 2012.
41. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.
42. Гетман П.П.Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. Сборник документов / Отв. ред. и отв. сост. О.К.Иванцова; сост. Е.В.Балушкина, Н.В.Григорчук, Е.И.Криворучко, К.Г.Ляшенко. М., 2014.
43. Геруа А. Полчища. София, 1923.
44. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917— 1925 гг.). М., 1975.
45. Голубева Э.С. Писатель Леонид Добычин и Брянск. Брянск, 2005.
46. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний (1917 – 1921 гг.) // Архив русской революции, издаваемый Г.В.Гессеном. Т. VI. Берлин, 1922.
47. Государственный архив Брянской области (ГАБО). ОДФ. Ф.2 (Брянская городская управа). Оп.1. Д. 1084. Книга Брянской городской управы по учету торговых документов на 1911 год.
48. ГАБО. ОДФ. Ф.2. Оп.1. Д. 1108. Книга Брянской городской управы для учета выданных промысловых и словных купеческих свидетельств и бесплатных промысловых билетов на 1912 год.
49. ГАБО. ОДФ. Ф.2. Оп.1. Д.1110. Книга Брянской городской управы для записи выданных документов на право торговли в 1912 году.
50. ГАБО. ОДФ. Ф. 376. (Помощник начальника Орловского губернского жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах.) Оп.1.
51. ГАБО. Ф. Р-594. (Брянский губернский революционный трибунал.) Оп.1. Д.629. Переписка председателя брянского ревтрибунала о положении дела с разграблением Шостенского казначейства. 16-29.07.1918.
52. ГАБО. Ф. Р-594. Оп.1. Д.1238. Дело о вооруженном нападении на 9-й реквизиционный продовольственный отряд 13 марта 1919 г.
53. ГАБО. Ф.Р-594. Оп.2. Д.150. Ч.1. Дело о восстании в г. Трубчевске 17 и 18 июня 1919 г.
54. ГАБО. Ф. Р-1616. (Брянский уездный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармей-

- ских депутатов.) Оп.1. Д.109. Ч.2. Обвинительные акты и протоколы. 30.10. – 9.11.1918.
55. ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 195. Протоколы заседаний Брянского районного совета. 3.01. – 31.12.1918.
56. Гордеев П.Н. Анатолий Ламанов - председатель Кронштадтского Совета в 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4 // <https://cyberleninka.ru/article/v/anatoliy-lamanov-predsdatel-kronshtadtskogo-soveta-v-1917-g>
57. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Изд. 2-е / Гл. ред. С.С.Хромов. М., 1987. С.169, 529, 36 (Двадцать вторая стрелковая дивизия; Сапожкова мятеж 1920; Андреев Иван Ильич).
- 57а. То же. С.427 (Павлуновский), 194 (Довбор-Мусницкого мятеж).
58. Гражданская война на Украине 1918 – 1920. Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах. Т.1. Кн.1 / Под редакцией И.К.Рыбалки. Киев, 1967.
59. Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906 – 1914 / Примечания и послесловие А.Ю.Емелина. СПб., 2006.
60. Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997.
61. Гриневич В.А., Гриневич Л.В. Слідча справа М.А.Муравйова. Документована історія. Київ, 2001.
62. Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.П. Россия во Франции / Предисл. О.А.Коростелева. М., 2001.
63. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т.4. М., 2001.
64. Д. Что делается в Кронштадте // Петроградская газета. 1917. №125. 1 июня. С.3.
65. Дело Дыбенко // Правда. 1918. №79. 24 (11) апреля. С.3.
66. Дело народа. 1918. №20. 16 (3) апреля. С.3. («Под Брянском» и «Последние известия».)
67. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т.1. Вып.1. Paris, [1921].
68. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т.1. Вып.2. Paris, [1922].
69. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969.
70. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Сборник документов в 4-х т. Т.1. М., 1971.
71. Дорошенко Д. І. Історія України, 1917-1923. В 2-х т / Упоряд. К.Ю.Галушко. Т.1. Київ, 2002.
72. Дунаев Ф.П. Судьба командарма // Брянский рабочий. 2000. №32-33 (19.202). 18 февраля. С.12.
73. Дунаев Ф.П. Судьба командарма // Брянский рабочий. 2000. №37-39 (19.207). 25 февраля. С.12.
74. Дунаев Ф.П. Судьба командарма // Брянский рабочий. 2000. №42-43 (19.212). 3 марта. С.5.
75. Дыбенко, Павел Ефимович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат / Репринтное изд. М., 1989. С.412.
76. Еврейские погромы 1918 – 1921. М., 1926.
77. Егорьев В. Из жизни Западной завесы (по архивным материалам и личным воспоминаниям) // Гражданская война 1918-1921. В трех томах / Под общей редакцией А.С.Бубнова, С.С.Каменева и Р.П.Эйдемана. Т.1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928.
78. Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. (очерк военно-политической истории). Курск, 2013.
79. Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св[ятейшего] Синода. Т. 2. Март 1917г. — Январь 1920г. Новый Сад, 1928.
80. Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Аннотация к диску.
81. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. В двадцати томах. Т. 3 / Сост. и ред. Н.Ж.Ветшева, Э.М.Жилякова. М., 2008.
82. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
83. Затонський В. 3 спогадів про українську революцію // Літопис революції. Журнал історії КП(б)У та Жовтневої революції на Україні. (Харків.) 1929. №5-6 (38-39).
84. Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 года. М. – Л., 1964.
85. «Золотой век» английского двора: от Генриха VIII до Карла I. [Каталог выставки.] М., 2012.
86. Зошенко М.М. Сочинения. Т. 7 / Составление и примечания И.Н.Сухих. М., 2006.
87. Ивангород в 1914-1915. Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.В.фон Шварца, коменданта крепости. Париж, 1969.
88. Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788—1913. М., 2007.
89. Ильин (Раскольников). Заявление господину прокурору Петроградской Судебной Палаты // Рабочий и солдат. 1917. №10. 3 августа. С.3.
90. Илькевич Н.Н. Свидетельства о бесчинствах // Вестник Катынского мемориала. Вып. 7. Смоленск, 2007.
91. К аресту Муравьева. (По телефону из Москвы) // Дело народа. 1918. №33. 1 мая (18 апреля). С.2.
92. К аресту Муравьева // Дело народа. 1918. №35. 4 мая (21 апреля). С.3.
93. Казин В. Заметка о мертвых головах // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1914. Кн.3. С.270-272.
94. Какурин Н.Е. Как сражалась революция / 2-е изд., уточн. Т. 1. М., 1990.

95. Календарь Черниговской губернии на 1913 год. Чернигов, 1912. Отд. III.
96. Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Трава забвения. М., 2007.
97. Катаев В.П. Кладбище в Скулянах // Роман-газета. 1977. №8 (822).
98. Катаев В.П. Юношеский роман // Катаев В.П. Сухой лиман. Повести. М., 1986.
99. Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Т. 4. М., 1994.
100. Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. №8 (2).
101. Киевские расстрелы ("Двуглавый Орел" № 23 Декабрь 1928) // Вестник Кавалергардской семьи. 1958.
102. Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925.
103. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941 – 1944. М., 2004.
104. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
105. Козлянинов В.Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. 1730 – 1930. 1706 – 1931. Париж, 1931.
106. Коломиец М.В. Броня русской армии. Бронеавтомобили и бронепоезда в Первой мировой войне. М., 2008.
107. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Издание 2-е, исправленное, дополненное. СПб., 2012.
108. Копелев Л. З. Хранить вечно. М., 1990.
109. Крикота Н., иерей. «Я готов отдать свою жизнь за Церковь». Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002.
110. Ламанов Анатолий Николаевич // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
111. Ламанов Петр Николаевич // <https://rgavmf.ru/spravochniki-po-fondam/spravochnik-po-fondam-1917-1940/lichnye-fondy#lamanov>
112. Лейхтенбергский Г.Н., герцог. Воспоминания об «Украине» 1917 – 1918 / Авторизованный перевод с французского. Берлин, 1921.
113. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание 5-е. Т.36. М., 1969.
114. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание 5-е. Т.50. М., 1970.
115. Майоров М. Из истории революционной борьбы на Украине. (1914-1919). Київ, 1922.
116. Маргулис В. Огненные годы. Воспоминания о Гражданской войне на юге. Берлин, 1923.
117. Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания / Авторизованный перевод Н.Ф.Мельниковой-Папоушек. I. Прага, 1926.
118. Мельгунов С.П. Красный террор в России (1918-1923). Чекистский Олимп/ Предисл. Ю.Н.Емельянова / 2-е изд., дополненное. М., 2008.
119. Местная жизнь. Разоружение 1-го Советского полка и конно-летучего отряда // Борьба. (Брянск.) 1918. №34. 28 мая. С.4.
120. Минц С. Совет Рабочих Депутатов в Одессе (из воспоминаний 1917 г.) // Летопись революции. Журнал по истории КП(б)У и Октябрьской революции на Украине. (Харьков.) 1926. №5 (20).
121. Мищенко С. Январское восстание в Киеве // Летопись революции. Журнал Всеукраинской комиссии по изучению истории Октябрьской революции и КП(б)У. (Харьков.) 1924. №3 (8).
122. Могилянський Н.М. Трагедія України (Із пережитого в Києві в 1918 році) // Архів російської революції, издаваемый Г.В.Гессеном. Т. XI. Берлин, 1923.
123. Муравьевские заветы // Дело народа. (Петроград.) 1918. №7. 29 (16) марта. С.2.
124. Мясников, Александр Федорович (авторизованная биография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат / Репринтное изд. М., 1989. С.558.
125. На украинском фронте // Дело народа. (Петроград.) 1918. №15. 10 апреля (28 марта). С.3.
126. Назарова В.В. Єврейські погроми в Глухові у 1918–1919 роках // Сіверянський літопис. 2019. №1. С.178-183.
127. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997. В 6 т. Т.2 / Сост. В.Н.Чуваков; под ред. Е.В.Макаревич. М., 1999.
128. Никитин Б.В. Роковые годы (Новые показания участника) / Предисловие Ю.Н.Емельянова. М., 2007.
129. Новокшионов И.М. Партизанские были. М., 1933.
130. Новости дня // Дело народа. 1918. №47. 19 (6) июня. С.3.
131. О Кронштадте // Петроградская газета. 1917. №81. 8 апреля. С.3.
132. Огромное австро-германское наступление. Сообщения из Ставки // Петроградская газета. 1917. №159. 11 июля. С.3.
133. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянск, 1957.
134. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956.
135. Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917—1924. В 2 книгах. Кн. 1. М., 1997.
136. Освобождение тов. Раскольников // Рабочий путь. 1917. №34. 25 (12) октября. С.3.
137. Осипенко Л.Ф. Анархия – мать порядка, или конец «особой» армии Ремнева // Брянский рабочий. 1998.

- №70(18.636). 19 марта. С.4.
138. Осипенко Л.Ф. Анархия – мать порядка, или конец «особой» армии Ремнева // Брянский рабочий. 1998. №74(18640). 21 марта. С.4.
139. Осипенко Л.Ф. Анархия – мать порядка, или конец «особой» армии Ремнева // Брянский рабочий. 1998. №745(18641). 24 марта. С.4.
140. Осипенко Л. Взлет и падение брянских анархистов // Брянский рабочий. 1998. №227-229. 28 августа. С.18.
141. Павлуновский, Иван Петрович // https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Execution_of_Maria_Bochkareva.jpg?uselang=ru
142. Павлуновский Иван Петрович // Большая советская энциклопедия / Третье издание. (В 30 томах.) Т.19. М., 1975. С.70.
143. Павлуновский Иван Петрович и Павлуновская Мильда Юкумовна // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007. - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)).
144. Памятная книжка Киевской губернии с приложением адрес-календаря губернии. На 1915 год. Киев, 1915. Адрес-календарь Киевской губернии. (Сведения по 1 ноября 1914 года).
145. Первый всероссийский съезд советов р. и с. д. / Подготовили к печати В.Н.Рахметов и Н.Н.Мямин. Т.П. М. – Л., 1930.
146. Перемирие на Брянском фронте // Правда. 1918. №91. 12 мая (29 апреля). С.3.
147. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
148. Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966.
149. Петров Гр. [Киреев Г.П. - ?] Неудавшийся мятеж // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №58. 18 марта. С.4.
150. Петроградская газета. 1917. №154. 5 июля.
151. Петроградская газета. 1917. №159. 11 июля.
152. Петроградская газета. 1917. №158. 10 июля. Иллюстрированное приложение №51. С.5.
153. Петроградская газета. 1917. №161. 13 июля. Иллюстрированное приложение. С.11 (219), 6 (214), 7 (215).
154. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.1. М., 1966.
155. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.2. М., 1966.
156. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля—25 октября 1917 года. В пяти томах / Под общей редакцией П.В.Волобуева. Т.1. Л., 1991.
157. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля — 25 октября 1917 года). Т. 4. М., 2003.
158. Печать «Черной руки»: <https://fotki.yandex.ru/next/users/galyshenka/album/536190/view/2241605>
159. Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918). М., 1976.
160. Поликарпов В.Д. Революционный полевой штаб // Большая советская энциклопедия / Третье издание. (В 30 томах.) Т.21. М., 1975. С.545.
161. Половцов П.А. Дни затмения. (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году)/ Предисл., указ., прием. А.С. Сенина. М., 1999.
162. Польский М., протопресвитер. Новые мученики российские. Первое собрание материалов / Репринт издания 1949 г. Ч.1. М., 1994.
163. Поляков Н. Охота на командарма // Международный мемориал. Мемориальские хроники. Сеть региональных организаций. 2018. Вып. 9 (27). Сентябрь. С.7-9.
164. Попов К.С. Лейб-Эриванцы в Великой войне. Париж, 1959.
165. Последние известия // Дело народа. 1918. №32. 30 (17) апреля. С.3.
166. Постановление собрания кронштадтских рабочих и солдатских депутатов // Петроградская газета. 1917. №78. 5 апреля. С.5.
167. Потрашков С.В., Потрашков А.С. Иллюстрированный военно-исторический словарь. М., 2007.
168. Правда. 1917. №86. 3 июля (20 июня ст.ст.) С.1, 2.
169. Правда. 1918. №19 (246). 7 февраля (25 января ст. ст.)
170. Премудрость Астрей. Памятники масонства XVIII — первой трети XIX века в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2013.
171. Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.
172. Прохоров С. Кресты. М., 2008.
173. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ./Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989.
174. Разведчик. 1917. №1381. 5 мая. С.251.
175. Разведчик. 1917. №1382. 12 мая. С.268.

176. Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году / 2-е изд. М., 1990.
177. Расследование деятельности Муравьева // Дело народа. (Петроград.) 1918. №16. 11 апреля (29 марта). С.2.
178. Революционное движение в русской армии. 27 февраля- 24 октября 1917 года. Сборник документов / Под редакцией Л.С.Гапоненко. М., 1968.
179. Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М., 1955.
180. Ремнев Афанасий Иосифович // Офицеры русской императорской армии // <http://ria1914.info/>
181. Ржевская А. Бабушкины письма // Брянский рабочий. 2004. 6 августа. С.6.
182. Розанов В.В. Собрание сочинений. Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А.Н.Николюкина. М., 1994.
183. Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А.Н.Николюкина. М., 2000.
184. Романченко Ю. Борьба за порох (Шістка, березень 1918 р.) // Літопис революції. Журнал історії КП(б)У та Жовтневої революції на Україні. (Харків.)1931. №3 (41).
185. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 2015. Л. 41 (Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Виртуальная выставка «Штрихи к портрету Революции» // <https://rgavmf.ru/virtualnye-vystavki>).
186. РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 345 // Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Виртуальная выставка «Штрихи к портрету Революции» // <https://rgavmf.ru/virtualnye-vystavki>
187. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2815. Оп.1. Д.54. Журнал боевых действий 201-го пехотного Потийского полка с 1 января по 1 марта 1917 г.
188. РГВИА. Ф.3174. Оп.1. Д.4. Журнал военных действий 703-го пехотного Сурамского полка.
189. Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1910 год. СПб., 1910. 8. Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России.
190. Россия объявлена Республикой // Петроградская газета. 1917. №207. 3 сентября. С.3.
191. Русский календарь на 1917 г. А.Суворина. Пг., 1916.
192. Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2006.
193. Самойлович Ю. Церковь украинского социал-фашизма. М., 1932.
194. Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание // Год русской революции (1917 – 1918 г.г.). Сборник статей. М., 1918.
195. Священный собор 1917—1918 гг. и мученическая кончина митрополита Киевского и Галицкого Владимира / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.А. Кривошеевой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2008. Вып. II:1 (26).
196. Сдача Шостки // Дело народа. 1918. №17. 12 апреля (30 марта). С.2.
197. Сиваков А. Гуляла по Брянщине банда Савицкого // Аргументы и факты – Брянск. 1998. №12. С.2.
198. Сивков П.З. Кронштадт. Страницы революционной истории. Л., 1972.
199. Сигов А.Л. Похождения революционера-экспроприатора Савицкого // Исторический вестник. 1911. Т.126. №12. С.1002-1034.
200. Скрыпник Н. Е.Б.Бош (некролог) // Правда. 1918. №67. 9 апреля (27 марта). С.4.
201. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.
202. Советская военная энциклопедия. Т.2. М., 1933.
203. Соколов Б.В. Рокоссовский. Калининград, 2010.
204. Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Массонство в его прошлом и настоящем. Т.П. М., 1915.
205. Список генералам по старшинству. Ч.1, II и III. Составлен по 1-е января 1913 года. СПб., 1913.
206. Список генералам по старшинству. Составлен по 10-е июля 1916 г. Пг., 1916.
207. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. СПб., 1913.
208. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. СПб., 1914.
209. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е августа 1916 г. Пг., 1916.
210. Стефанович П.Л. Страшные дни в России. Первые жертвы большевизмского массового террора (Киев — январь 1918 года) // Часовой. (Брюссель.) 1968. № 502 (4). С.15-16.
211. Страна и революция. Минск // Правда. 1917. №186. 24 ноября (11 ноября ст.ст.). С.3.
212. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998.
213. Суханов Н. Записки о революции. Кн.4. Берлин – Пб. – М., 1922.
214. Суханов Н. Записки о революции. Кн.5. Берлин – Пб. – М., 1923.
215. Тарджиманов М.О., Шахов В.Н., Дунаев Ф.П. Всегда на боевом посту. Тула, 1985.
216. Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917—1921). Кн.І. Київ, 2007.
217. Толстой А.Н. Записные книжки / Предисловие и публикация Ю.А.Крестинского и Л.И.Толстой; примечания Ю.А.Крестинского и П.И.Якира // Литературное наследство. Т. 74. М., 1965.
218. Точеный Н. Красные партизаны на Нежинщине // Летопись революции. Журнал по истории КП(б)У и Ок-

- тябрьской революции на Украине. (Харьков.) 1926. №2 (17).
219. Трамбицкий Ю.А. Его любили солдаты // Военно-исторический журнал. 1990. №2.
220. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918-20 гг. в литературной обработке И.Лукаша / 2-ое издание. Мюнхен, 1948.
221. Уход Колонтай (так!) из партии // Дело народа. 1918. №32. 30 (17) апреля. С.3.
222. Файтельберг-Бланк В., Савченко В. Одесса в эпоху войн и революций. 1914 – 1920. Одесса, 2008. Гл.4 // http://rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/faytelberg-blank/0/j4.html
223. Федосов А. Яд платиновой чаши. Жизнь и похождения брянского друга Троцкого // Аргументы и факты – Брянск. 2005. №28 (195). С.12.
- 223а. Федосов А. Яд платиновой чаши. Жизнь и похождения брянского друга Троцкого // Аргументы и факты – Брянск. 2005. №29 (196). С.12.
224. [Федосов А.] Яд платиновой чаши. Брянская трагедия революционного командарма Ремнева // Брянские новости. 2017. 15 октября // <https://www.bragazeta.ru/news/>
225. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк 1. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. London, 1991.
226. Фото А.И.Ремнева с семьей. 1916 г. // <https://forums-su.com/download/file.php?id=1554755&sid=8496e3d56efc467264a88da453f8319a&mode=view/1.jpg>
227. Хацкевич А. Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Минск, 1967.
228. Червоное казачество. 1918 – 1923. Сборник материалов по истории Червоного казачества. Харьков, [1923].
229. Чериковер И. Антисемитизм и погромы на Украине 1917-1918 гг. (к истории украинско-еврейских отношений) // История погромного движения на Украине 1917-1921 гг. Т.1. Берлин, 1923.
230. [Черносвитова М.В.] Н. «Мы» и «Они». Из личных воспоминаний / Предисловие Е.Д.Кусковой // На чужой стороне. Историко-литературные сборники. VIII. Берлин – Прага, 1924.
231. Шапель Ю.А. Кронштадтская Голгофа. Март 1917 – март 1921 // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып.33. СПб., 2005.
232. Шаргунов С. А. Катаев: «Погоня за вечной весной». М., 2016. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1594).
233. Шульгин В.В. 1917-1919 / Предисловие и публикация Р.Г.Красюкова; комментарии Б.И.Колоницкого // Лица. Биографический альманах. 5. М.; СПб., 1994.
234. Шульгин В. В. Тени, которые проходят / Сост. Р. Г. Красюков. СПб., 2012.
235. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне / Редактор-составитель В.Д.Поликарпов. М., 1963.
236. http://rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/faytelberg-blank/0/j4.html

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, yur.solovjev@yandex.ru

Социальная история

УДК 94(73)"1843/1890"

В.В. Прилуцкий

ГРЕНВИЛЛ ХЕДРИК И СОЗДАНИЕ ЦЕРКВИ ХРИСТА (ХРАМОВЫЙ УЧАСТОК)

Аннотация: в статье рассмотрена деятельность основателя одной из деноминаций в движении американских Святых последних дней (мормонов) Гренвилла Хедрика и особенности религиозных представлений ранних хедрикитов. Эта небольшая по численности группа отделившись от основной церкви последователей Джозефа Смита-младшего пыталась вернуться в 1850–1860-е гг. к изначальным верованиям, к истокам мормонизма. Главной идеей сторонников Хедрика стало возвращение в штат Миссури и приобретение земельного участка в округе Джексон, который был обозначен в 1831 г. пророком Джозефом Смитом как место для возведения Храма. Эта земля считалась священной и на ней в перспективе должен был быть построен город Сион или Новый Иерусалим в преддверии второго пришествия Иисуса Христа.

Ключевые слова: религиозная история США, движение Святых последних дней, мормоны, Гренвилл Хедрик, хедрикиты, история Церкви Христа (Храмовый участок).

Prilutskiy V.V. Grenville Hedrick and the establishment of the Church of Christ (Temple Lot)

Abstract: the article examines the activities of the founder of one of the denominations in the movement of American Latter-day Saints (Mormons) Grenville Hedrick and the peculiarities of the religious beliefs of the early Hedrickites. This small group of followers of Joseph Smith, Jr., who had broken away from the main Church, tried to return to the original beliefs and origins of Mormonism in the 1850s and 1860s. The main idea of Hedrick's supporters was the return to the state of Missouri and the acquisition of land in Jackson County, which was designated in 1831 by the prophet Joseph Smith as the site for the construction of the Temple. This land was considered sacred and the city of Zion or New Jerusalem was to be built on it in the future on the eve of the Second Coming of Jesus Christ.

Keywords: religious history of the USA, the Latter Day Saint movement, Mormons, Granville Hedrick, Hedrickites, history of the Church of Christ (Temple Lot).

Хедрикиты (Hedrickites, Церковь Христа (Храмовый участок), Хедрикитская церковь) – одна из небольших по численности мормонских деноминаций, которая, тем не менее, оказала существенное влияние на историю религиозного движения Святых последних дней. В русскоязычной публицистике встречаются неправильные переводы неофициального названия данной конфессии: «хедрикиты храмового жребия», «Храмовый Удел», «Церковь Христа (Храм Лот)». Хедрикиты как отдельная группа мормонов возникли около 1852 г., но окончательно организационно оформились и обособились от остальных Святых только в 1863 г.

Мормоны в середине – второй половине XIX в. в основном являлись представителями сельской местности (жителями деревень и небольших городов), первопоселенцами на осваиваемых западных территориях, фермерами. Среди них в то время значительное количество составляли иммигранты из Канады и стран Западной Европы (преимущественно из Англии и Скандинавии). Хедрикиты также были простыми фермерами, которые переселились в относительно крупный городской центр – Индепенденс (штат Миссури) в 1860–1870-е гг.

В отличие от мормонов - катлеритов и бикертонитов, стремившихся в ранний период своей истории к миссионерской деятельности среди индейцев («ламанийцев» из «Книги Мормона»), хедрикиты сосредоточили свои усилия на попытках возведения Храма. Наиболее близкими к ним в идейном отношении течениями оказались джозефиты и уитмериты, часть из которых даже присоединилась впоследствии к Хедрикитской церкви.

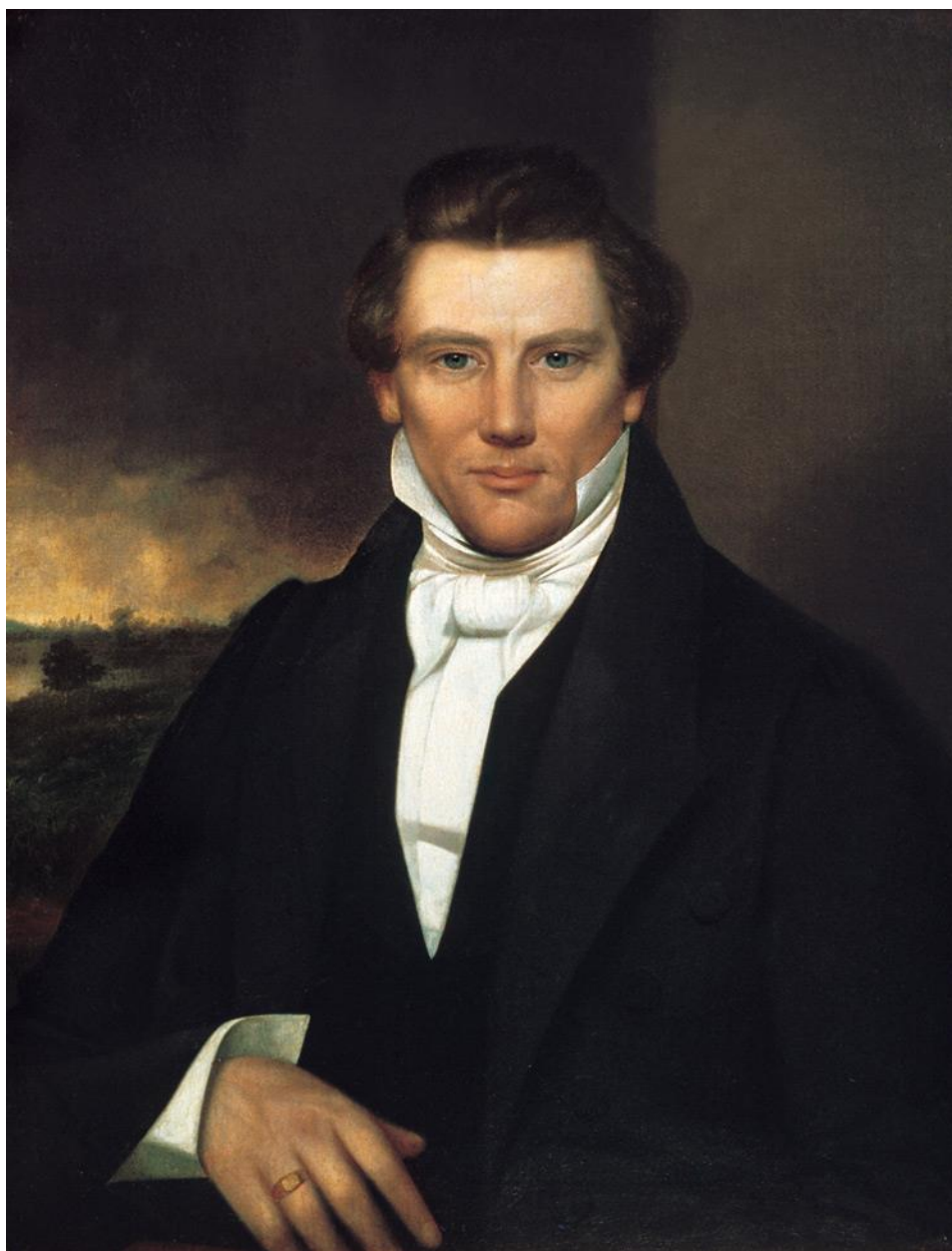

Рис. 1. Джозеф Смит-младший – основатель Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.

Портрет работы неизвестного художника. Около 1842 г. Оригинал картины находится в Индипенденсе (Миссури) в штаб-квартире Сообщества (Содружества) Христа, которое им владеет. Первоначальным владельцем картины был старший сын первого мормонского пророка Джозеф Смит III (1830-1914), лидер (Пророк-Президент) Реорганизованной Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (1860-1914 гг.).

на свинцовых рудниках. После трагической гибели первого пророка мормонов Джозефа Смита-младшего (1805-1844) в июне 1844 г. ряд лидеров Святых последних дней, включая Бригама Янга (1801-1877), Сиднея Ригдона (1793-1876) и Джеймса Стрэнга (1813-1856), объявили себя его законными преемниками. Кандидаты в лидеры мормонов создали конкурирующие организации, каждая из которых претендовала на роль истинного продолжателя основанной Смитом в 1830 г. «Церкви Христа».

Первым лидером и фактическим основателем нового течения в мормонизме стал Гренвилл (Гренвиль, Гранвиль) Хедрик (Granville Hedrick) (2.09.1814-22.08.1881). О его жизни известно мало. По некоторым данным он имел немецкие корни. Его отцом был Джордж Хедрик, родившийся около 1776 г., а мать – Барбара Хедрик. Дед Джейкоб (Якоб) – основатель семейства Хедриков, родившийся около 1736 г. в Германии, являлся иммигрантом, переселившимся в североамериканские колонии Англии незадолго до Войны за независимость США. В 1843 г. в округе Вудфорд, штат Иллинойс, Гренвилл Хедрик был крещен и рукоположен в священники миссионером Церкви Иисуса Христа Святых последних дней Херви Грином. Но вскоре после крещения он стал выражать недовольство церковью, временно вышел из нее и переехал в г. Галена (Иллинойс), чтобы работать

Через некоторое время после смерти Смита Хедрик был повторно крещен Уильямом О. Кларком и вновь присоединился в мормонской церкви. Ему никогда не удавалось лично встретиться с Джозефом Смитом. Хедрик ненадолго переехал в г. Наву (Иллинойс), чтобы присоединиться к бригамитам – основной фракции Святых последних дней во главе с Бригамом Янгом. Однако он посчитал условия жизни в то время в Наву опасными и нестабильными. Вскоре Хедрик поселился в Кроу-Крик (Иллинойс) [18], где в начале 1850-х гг. оказался под духовным руководством нового пророка Френсиса Гладдена Бишопа (1809-1864), считавшего себя истинным законным преемником Смита. Ф.Г. Бишоп создал собственную Церковь Иисуса Христа Святых последних дней или Церковь Иисуса Христа Нового Иерусалима, известную также как «гладдениты» и насчитывавшую несколько десятков человек. Хедрик по всей видимости был членом движения гладденитов, но прямых доказательств, подтверждающих это, не было найдено. В это же время он заинтересовался модным в XIX в. спиритизмом, но в конечном итоге вернулся к «твердой вере в первые принципы Евангелия» (от которых он в действительности никогда не отказывался, испытывая «отвращение» только к некоторым явлениям в мормонской церкви, которые он не одобрял). Хедрик пользовался уважением и безупречным авторитетом в сообществах, где жил. По всей видимости он был человеком увлеченным и очень верующим.

Хедрик собрал вокруг себя тех старых членов мормонской церкви, которые жили рядом с ним, чтобы сформировать ядро новой церковной организации. Многие из этих «Святых Всевышнего» были крещены в первые годы реставрационистского движения (деятельности по «восстановление Евангелия» и христианства в первоначальном виде), стали священниками и как служители «получили свою власть от Иисуса Христа через Джозефа Смита-младшего». Среди них следует отметить Дэвида Джуди (1802-1886), Джедедаю Оуэна, Зебулона Адамса, Адну С. Холдемана. Старейшина Дэвид Джуди был крещен в мормонской церкви еще в мае 1832 г. (по другим данным – в 1831 г.). Джедедая Оуэн стал Святым последних дней в 1832 г. (в 1838 г. владел землей в округе Рэй (Миссури), а в 1839 г. переселился в Айову, но сохранил связь с Церковью, штаб-квартира которой разместилась тогда в Наву, Иллинойс). Оуэн окончательно присоединился к Хедриkitской церкви в 1864 г. Старейшина Зебулон Адамс был рукоположен в сан священника в 1833 г. [20] Адна С. Холдеман оказался рано связанным с хедриkitами. В 1853 г. в его доме была проведена одна из первых встреч этой группы. Но он также присутствовал в 1859 г. на конференции формирующейся «Реорганизации» (Джозефитской церкви) и был даже назначен одним из членов комитета, созданного, чтобы получить подписчиков для церковного «Вестника». В 1863 г. он полностью отказался от своей принадлежности к Реорганизованной церкви Святых последних дней.

В 1850-е гг. распались многие отколовшиеся группы мормонов (странгиты, уитмериты, брүстериты, уайтиты, ригдониты, сторонники Ч.Б. Томпсона и др.). Большинство мормонов во главе с Б. Янгом переселились в Юту, где построили г. Солт-Лейк-Сити. В 1851 г. бригамиты зарегистрировали в качестве юридического лица Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, которая стала крупнейшей организацией мормонов, насчитывающей в наши дни около 15,5 млн. членов. На Среднем Западе в сельской местности сохранились 5 независимых общин мормонов, не связанных с какими-либо большими группами (4 из них – в Центральном Иллинойсе в районе округа Вудфорд и 1 – в Индиане). Эти приходы находились далеко от центра мормонизма 1840-х гг. – г. Наву в Иллинойсе, где проживало большинство церковных руководителей, и поэтому не были связаны со столкновениями и расколами, которые там происходили. Они продолжали функционировать как местные церкви и старались «смирненно искать истину и познавать божью волю». Независимые приходы были возмуще-

ны неправильностью учений и практик, утвердившихся в «некоторых подразделениях» Церкви, и стремились «продолжать первоначальное учение Церкви Христа». Их представители начали с 1852 г. проводить встречи и конференции. Первое подобное собрание новой «Церкви Христа» («Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» хедрикетов) состоялось зимой 1852 г. в доме Хедрика, и на нем присутствовали только 3 старейшины. Неприятие собравшихся вызывали «преступные» практики и доктрины мормонской церкви в Юте, в частности, крещение за мертвых и официально объявленная 29 августа 1852 г. полигамия. Весной 1853 г. прошло еще одно собрание будущих хедрикетов, на котором декларировалась их самостоятельность и независимость от всех мормонских фракций. Себя они считали единственным «подлинным сохранившимся остатком истинной (мормонской) Церкви Христа». С этого времени подобные конференции проводились более или менее регулярно вплоть до осени 1857 г. [19, p. 112-116].

В 1856 г. Хедрик издал брошюру «Ложность системы духовных жен и истинный порядок церковной дисциплины». В ней он строил свои рассуждения, опираясь на Библию, Книгу Мормона и Книгу Заповедей, в которых содержится «полнота вечного Евангелия Иисуса Христа, Сына единственного истинного и живого Бога» [22, p. 91]. Хедрик обвинил Джозефа Смита и Бригама Янга в «отступничестве», поскольку они сформулировали и развили «основные принципы системы духовных жен», на которой основана «большая часть» их «доктрины многоженства» [22, p. 33-38]. Откровение Б. Янга о том, что Моисей и Исаак «имели множество жен» противоречит Библии [22, p. 41]. Но необходимо признать, что некоторые патриархи, мудрые праведники и цари, упомянутые в Ветхом Завете (Иаков, Авраам, Соломон, Давид), все же имели множество жен. Учение Янга о богах и ангелах, о «возвышении» Святых до уровня богов и необходимости жить в полигамном браке подобно библейскому Аврааму также не выдерживает критики. Оно расходится с библейскими представлениями и высказываниями Иисуса Христа о том, что на небе нет пола, семьи и брака [22, p. 41-43, 48-49, 56-61, 75-78]. Известно, что Б. Янг заявлял: «Те, кому суждено стать богами, женятся на множестве жен». «Боги выше ангелов, а ангелы – слуги богов в вечных мирах; боги должны иметь много жен, в то время как ангелы остаются одинокими на протяжении всей вечности» [22, p. 42]. Но эти утверждения противоречат словам Спасителя людей Иисуса Христа: «ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» [2]; «Иисус сказал им в ответ: чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения» [1]; «Иисус сказал им в ответ: этим ли приводитеесь вы в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией? Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» [2].

Ранние мормонские священные писания – Книга Мормона и Книга Заповедей также были направлены против полигамии, содержали критику Иакова, Соломона и Давида, у которых было много жен [22, p. 64-69, 70-75, 79-80]. Хедрик отмечал, что в Книге Мормона многобрачие неоднократно осуждается как «неразрешенная практика», «беззаконие» и «тяжкое преступление». Многоженство и «нецеломудрие» осуждаются и приравниваются по опасности к гордыне и любви к богатству, ненаправленной на оказание помощи «собратьям». Правители древних американцев (якобы потомков израильтян, переселившихся в Новый Свет в разное время) – иаредийцев, нефийцев и ламанийцев «правили в нечестии», «упивались разгульной жизнью», отступив от заповедей Бога. «...(Царь) Риплакиш не делал того, что было праведно в очах Господа, ибо у него было много жен и наложниц...» [4]. «(Царь Ной) не соблюдал заповедей Божьих, но ходил, следуя желаниям своего сердца. И у него бы-

ло много жен и наложниц. И он побуждал своих людей совершать грех и делать то, что мерзостно в очах Господа. Да, и они творили блудодеяния и всевозможное нечестие. И он наложил подать в одну пятую часть всего, чем они владели...». «И все это он брал, чтобы содержать себя и своих жен, и своих наложниц; а также своих священников и их жен, и их наложниц...» [7]. «...Слово Божье обременяет меня из-за ваших более тяжких преступлений. Ибо вот, так речет Господь: Этот народ начинает погрязать в беззаконии; не понимают они Писаний, ибо стремятся оправдать себя в совершении блудодеяний на основании того, что было написано о Давиде и Соломоне, его сыне. Вот, Давид и Соломон истинно имели много жен и наложниц, что было мерзостно предо Мной, речет Господь. А потому так речет Господь: Я вывел этот народ из земли Иерусалимской силой руки Моей, дабы Я воздвигнул Себе праведную ветвь из плода чресл Иосифа. А потому Я, Господь Бог, не допущу, чтобы этот народ поступал так, как те древние. И потому, братья мои, услышьте меня и внемлите слову Господа: Ибо ни одному мужчине среди вас не иметь более одной жены, и ни одной наложницы не иметь ему; Ибо Я, Господь Бог, восхищаюсь целомудрием женщин. А блудодеяния – мерзость предо Мной; так речет Господь Воинств. А потому этот народ будет соблюдать Мои заповеди, речет Господь Воинств, иначе проклята будет эта земля из-за них» [5]. «Вот, ламанийцы, ваши братья, кого вы ненавидите за их нечистоту и за проклятие, которое пало на их кожу, более праведны, чем вы; ибо они не забыли заповедь Господа, которая была дана нашему отцу – чтобы не иметь им более одной жены и ни одной наложницы не иметь, и чтобы не было между ними блудодеяний. И ныне эту заповедь они с усердием соблюдают; а потому, за эту верность в соблюдении этой заповеди, Господь Бог не истребит их, но будет милостив к ним; и однажды они станут благословенным народом... О, братья мои, я боюсь, что, если вы не покаетесь в своих грехах, их кожа будет белее, чем ваша, когда вы будете приведены с ними к престолу Бога» [6].

Учение Б. Янга о «духовных женах», вечном браке и многоженстве, по мнению Хедрика, противоречит также Откровению Иоанна Богослова (Апокалипсису). Полигамия отрицает равные права людей в загробной жизни на небесах и особое благословение для праведных, нравственно чистых людей. «Облеченные в белые одежды», убиенные за Слово Божие, целомудренные праведники «омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца». «За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод...». «...Это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу, и в устах их нет лукавства; они непорочны пред престолом Божиим» [9].

Христианство вообще изначально выступало против брака как института, отвлекающего от духовности. Апостол Павел призывал: «хорошо человеку не касаться женщины», «безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться как я», «время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие» ... «ибо проходит образ мира сего» [11]. «Омерзительное учение о многоженстве», о «духовных женах», развиваемое Б. Янгом, исходит «от дьявола – лжеца и отца лжи». «Дьявол обманывает (многоженцев) и управляет всеми, кто практикует полигамию» [22, р. 86-87]. Мормоны-бригамиты подобны николаитам – раннехристианской еретической секте из Малой Азии времен первых апостолов, находившейся под сильным языческим влиянием и исповедовавшей «отвратительное учение о многоженстве жен». Иисус Христос объявил Иоанну Богослову, что он ненавидит идеи николаитов: «Так и у тебя есть держащиеся учения Николаитов, которое Я ненавижу. Покайся; а если не так, скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих» [8]. Участь многоженцев пред-

решена: «диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков», «боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою» [10].

«...Священство (церковное управление) и Церковь Иисуса Христа были организованы Богом, Вечным Отцом, Спасителем мира с помощью Джозефа Смита...». В течение первых 13 лет существования Церкви (до 1843 г., когда начало практиковаться многоженство) соблюдалось ее «примитивное евангельское устройство». Впоследствии, особенно после смерти Смита, произошло «ужасное отступничество», воцарились «всевозможные беззакония» и «пороки» [22, р. 88-93]. Но многие мормоны «не преклонили свои колени перед Ваалом» [12] (т.е. перед Б. Янгом). В ближайшем будущем, по мнению Хедрика, необходимо будет осуществить «реформирование» внутренней структуры Церкви Христа на «изначальных», времен апостолов и Христа, евангельских принципах [22, р. 95-103].

В 1857 г. сторонники Хедрика опубликовали «Декларацию независимости и отделения», объявив в ней об исключении взаимодействия с лицами, которые проповедуют или разделяют идеи бригамитов, обосновавшихся в Юте. Происходили регулярные молитвенные собрания и встречи хедриkitов.

В конце 1850-х гг. влияние гладденитов на независимые («неприсоединившиеся») общины Иллинойса, получившие известность как «Святые округа Вудфорд», значительно ослабевает. Началось их идеологическое тяготение к формирующейся Реорганизованной церкви (джозефитам), с которой их впоследствии связывали дружественные отношения. Хедрикиты в идейном смысле оказались близки и к уитмеритам. В апреле 1857 г. общину Святых последних дней в Кроу-Крик возглавил Хедрик, став председателем старейшиной. Некоторые джозефиты ошибочно полагали в то время, что эта община объединилась с их «Новой организацией» (впоследствии «Реорганизованной Церковью Иисуса Христа Святых последних дней»). На нескольких конференциях, проведенных в 1857-1859 гг., неприсоединившиеся приходы высказались категорически против «ошибок», которые ранее допустила мормонская церковь. Они выступили против: 1) многоженства, 2) крещения за умерших, 3) прямой линии священства (передачи президентства в Церкви от отца к сыну), 4)

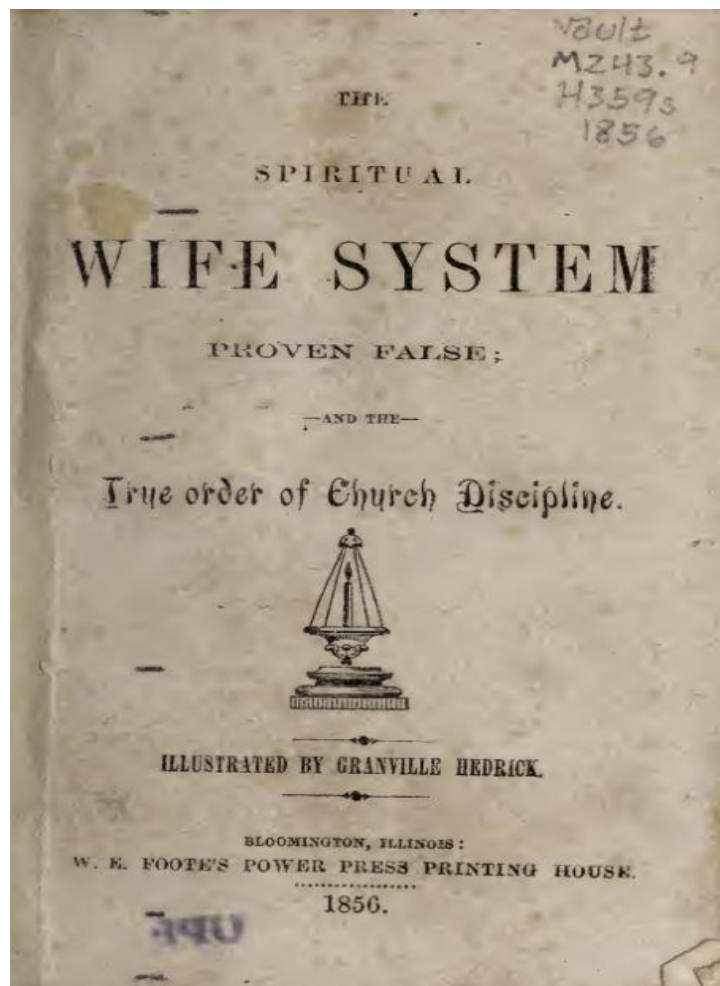

Рис. 2. Обложка книги Г. Хедрика 1856 г., в которой он критикует учения и практики Святых последних дней, обосновавшихся в Юте.

представлений о целестиальном царстве, как высшем уровне Небес, и иных «лжеучений» и «ложных доктрин» [15]. На конференции в 1860 г. эта группа официально приняла наименование «Церковь Христа» (применялось также название «Изначальная (Примитивная) организация Церкви Иисуса Христа Святых последних дней»).

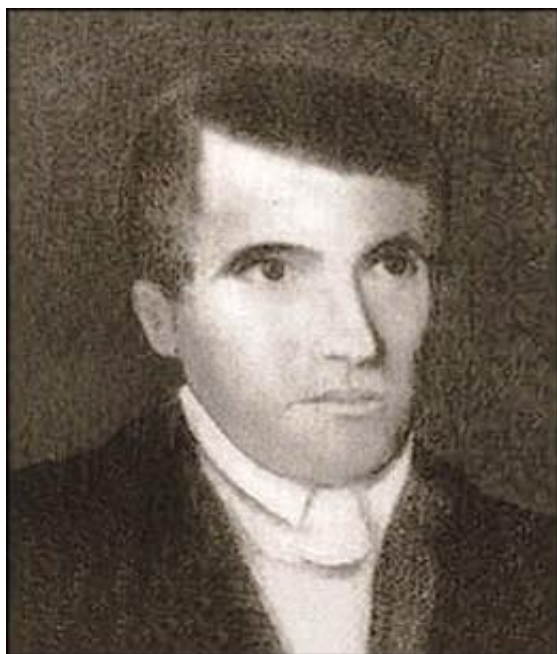

Рис. 3. Джон Эдвард Пейдж.

Большое значение имело присоединение к хедриkitам Джона Эдварда Пейджа (Пэйджа) (1799-1867), видного деятеля эпохи раннего мормонизма, известного миссионера времен Джозефа Смита, являвшегося членом Кворума Двенадцати Апостолов (1838-1846 гг.) и членом Совета Пятидесяти (1844-1846 гг.) Бригамитской церкви. После гибели Смита Пейдж сделал заявку на руководство всей церковью, но она была отклонена [17]. Впоследствии он примкнул к странгитам, став на некоторое время Президентом их Кворума Двенадцати Апостолов. В 1847 г. он поддержал создание уитмеритами своей «Церкви Христа» в старой штаб-квартире мормонов – г. Киртланд (штат Огайо). Затем присоединился к еще одной небольшой мормонской раскольнической секте – «Церкви Христа» (брюстеритам), существовавшей в 1848-1851 гг. В 1857-1867 гг. Пейдж сыграл огромную роль в учреждении Хедрикитской церкви

и приобретении ею Храмового участка в г. Индепенденс (Миссури) [21].

В июне 1857 г. Пейдж присутствовал на собрании представителей пока еще разрозненных общин хедрикитов. Он планировал создать новую церковную организацию из оставшихся на Среднем Западе (преимущественно в Иллинойсе, Огайо и Миссури) Святых последних дней с центром в г. Киртланд, где располагался первый мормонский храм, построенный еще в 1833-1836 гг. В ноябре 1862 г. на конференции в доме Хедрика в Кроу-Крик Пейдж официально присоединился к общине. На следующей конференции 17 мая 1863 г. апостол Пейдж рукоположил еще 4 апостолов: Хедрика, Дэвида Джуди, Джедедаю Оуэна и Адну С. Холдемана. На июльской конференции 1863 г. Пейдж одобрил назначение Хедрика президентом верховного (высокого) священства [18]. Хедрик «должен был стать пророком, провидцем, носителем откровений и переводчиком Церкви Христа», т.е. занять вакантное место Джозефа Смита (впоследствии хедрикиты отказались от должности пророка как главы церкви и организовали коллективное руководство). Таким образом, летом 1863 г. окончательно организационно оформилась Хедрикитская церковь.

Изначально и на протяжении первых десятилетий своего существования эта религиозная группа была весьма малочисленной. Так, на конференции в округе Ливингстон (Иллинойс) 16 августа 1863 г., утвердившей первое откровение пророка Хедрика, «дарованное Святым Духом», присутствовали 15 чел., включая членов Кворума четырех апостолов. Официальные данные Церкви Христа свидетельствуют, что она состояла в июле 1896 г. из 55 членов, включая 8 старейшин и 2 священников. В результате новых крещений в октябре 1896 г. ее численность увеличилась до 66 чел. На генеральной конференции хедрикитов 6 апреля 1897 г. присутствовали представители 5 общин из Иллинойса и Огайо, объединявших до 100 чел. В апреле 1898 г. Церковь Христа состояла из 124 чел. и 6 приходов. В апреле 1899 г. количество ее членов возросло до 139 и добавилась еще одна новая местная община [19, р. 144-

145]. Таким образом, численность хедрикетов в конце XIX – начале XX вв. не превышала 100-150 чел. Но впоследствии количество прихожан ощутимо возросло. Религиозная община оказалась чрезвычайно устойчивой и дожила до наших дней, значительно увеличившись в размере и распространив свое влияние даже на другие страны мира.

Постепенно сформировалось и вероучение новой религиозной организации, которое первоначально базировалось на Библии короля Якова (англоязычное издание начала XVII в.), Книге Мормона, а также на ранних откровениях пророка Джозефа Смита, содержащихся в «Книге Заповедей» (1833 г.) и «Учении и Заветах» (в редакции 1835 г.). Спустя менее чем месяц после своего рукоположения 18 июля 1863 г. Хедрик начал свою пророческую миссию. Он заявил, что «гордыня» Джозефа Смита «заставила» его давать «ложные откровения». Дух истинного откровения от Бога постоянно уменьшался, а потом и вовсе был заменен на человеческое воображение. Над ним «получил власть Сатана». В результате Смит предложил Церкви «ошибочные учения и доктрины», которые искажали изначальные религиозные представления мормонов и не соответствовали слову божьему, содержащемуся в Библии и Книге Мормона [23]. В число доктрин, отвергнутых Хедриком, входили: многоженство, вечный небесный брак, идея о том, что Бог раньше был человеком, доктрина бога Адама, «возвышение» людей до уровня богов (воссоединение семьи после физической смерти и воскресения, возможность иметь духовных детей (духов) на небесах, которые впоследствии живут земной жизнью людей с последующей перспективой перевоплощения в богов и ангелов), множественность богов (политеизм), учение о необходимости обязательной уплаты Церкви десятины от доходов. Также отвергалось влияние франкмасонства на церковные обряды и существование особого института первосвященников (высшего священства Мелхиседекова или «первосвященства», противоположного «меньшему священству Ааронову», т.е. рядовым членам Церкви – мужчинам, которые все являются мормонскими священниками). Одновременно Хедрик выступил против наследования верховной власти в Церкви по прямой линии (от отца к сыну), что противоречило представлениям джозефитов.

Хедрик в итоге объявил Смита «падшим пророком», одной из ошибок, допущенных которым, было создание в начале 1832 г. Первого Президентства Церкви – высшего руководящего церковного органа (состоящего из президента и двух его советников). Впоследствии Хедрик отказался от своего рукоположения на «небиблейскую» должность президента. Он считал, что истинную Церковь Христа должен был возглавлять только председательствующий старейшина (но и эта церковная должность была упразднена голосованием апостолов в 1925 г.). Откровения Хедрика публиковались в 1864-1868 гг. в первом периодическом издании Церкви Христа «The Truth-Teller» (англ. «Источник правды», «Правдолюбец»).

На этой территории некогда жили Адам и Ева, и она впоследствии должна была стать «святой землей» и «центральным местом» города Сиона или Нового Иерусалима («Сионом нашего Бога и Городом Святости Его народа») [13]. Ранние Святые последних дней приобрели на «американской окраине» земельный участок на территории будущего г. Индепенденс площадью 63,5 акра (25,7 га, 2,57 км.²). Земля находилась в доверительном управлении первого епископа в истории Святых Эдварда Партриджа-старшего (1793-1840). Она получила известность как «Большой храмовый участок». Мормоны начали собираться в колонизируемом поселенцами округе Джексон, учрежденном в 1826 г., и Индепенденсе, возникшем в нем как поселение в 1827 г., и считавшимися местом, где некогда якобы располагался библейский райский сад Эдем.

Здесь необходимо было построить новый Иерусалимский храм в преддверии скорого второго пришествия Иисуса Христа в штате Миссури, о котором свидетельствовал в своих откровениях пророк Джозеф Смит. 20 июля 1831 г. округ Джексон был переименован в Си-

он. 3 августа 1831 г. Смит и его советники Сидней Ригдон и Оливер Каудери посвятили место для будущего Храма и разместили краеугольные камни в его северо-восточной части. 19 декабря 1832 г. епископ Э. Партридж купил 25 га земли, «назначенной Господом для Храма», у немормона первопоселенца Джонса Хоя Флорноя [14]. Однако еще до начала строительства в 1833 г. Святые были изгнаны местным населением из округа Джексон, а зимой 1838-1839 гг. в результате «мормонской войны» вынужденно покинули штат Миссури.

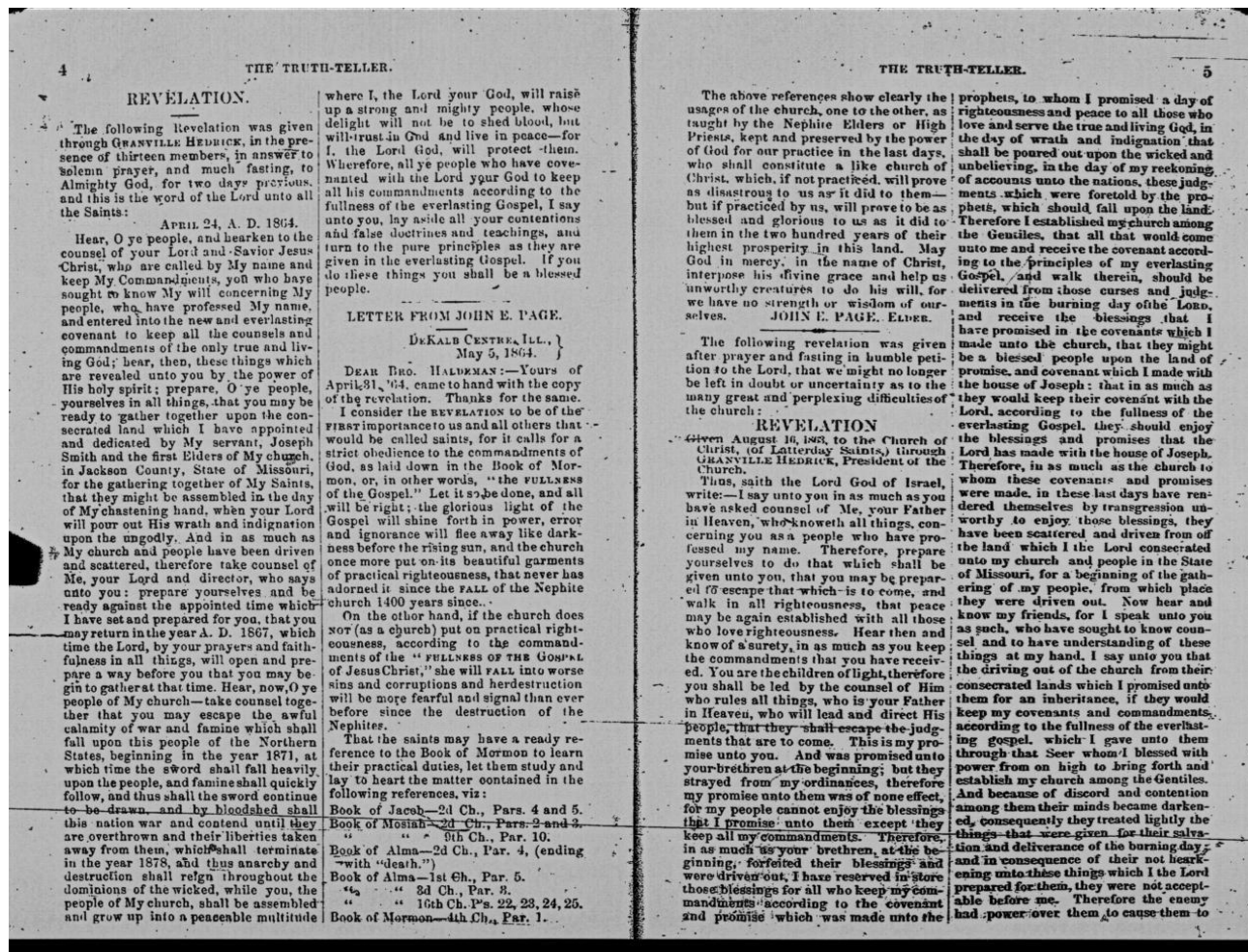

Рис.4. Страницы из официального церковного издания «The Truth-Teller» (1860-е гг.), содержащие пророчества Г. Хедрика.

24 апреля 1864 г. Хедрик выступил с откровением, в котором призвал последователей в 1867 г. вернуться на «землю Сиона» в Индепенденс в графстве Джексон, штат Миссури. Господь требовал собираться в путь, чтобы начать повторное «собрание» всех Святых последних дней в «священном месте», которое он «указал и освятил с помощью моего слуги Джозефа Смита». Индепенденс в период между 1848 г. и 1868 г. являлся важным городом на фронтире (западной границе). Он был главным перевалочным пунктом Орегонского маршрута, дороги на Санта-Фе и Калифорнийской тропы, по которым на осваиваемый Дальний Запад перемещались десятки тысяч пионеров-первопоселенцев, будущих фермеров и золотоискателей. В ходе Гражданской войны город сильно пострадал (в 1862 г. и в 1864 г. в результате сражений он был взят конфедератами) и не смог впоследствии вернуть себе былое процветание. Численность населения в 1860-1880 гг. не превышала 3,2 тыс. чел. и только к 1890-1900 гг. удвоилась.

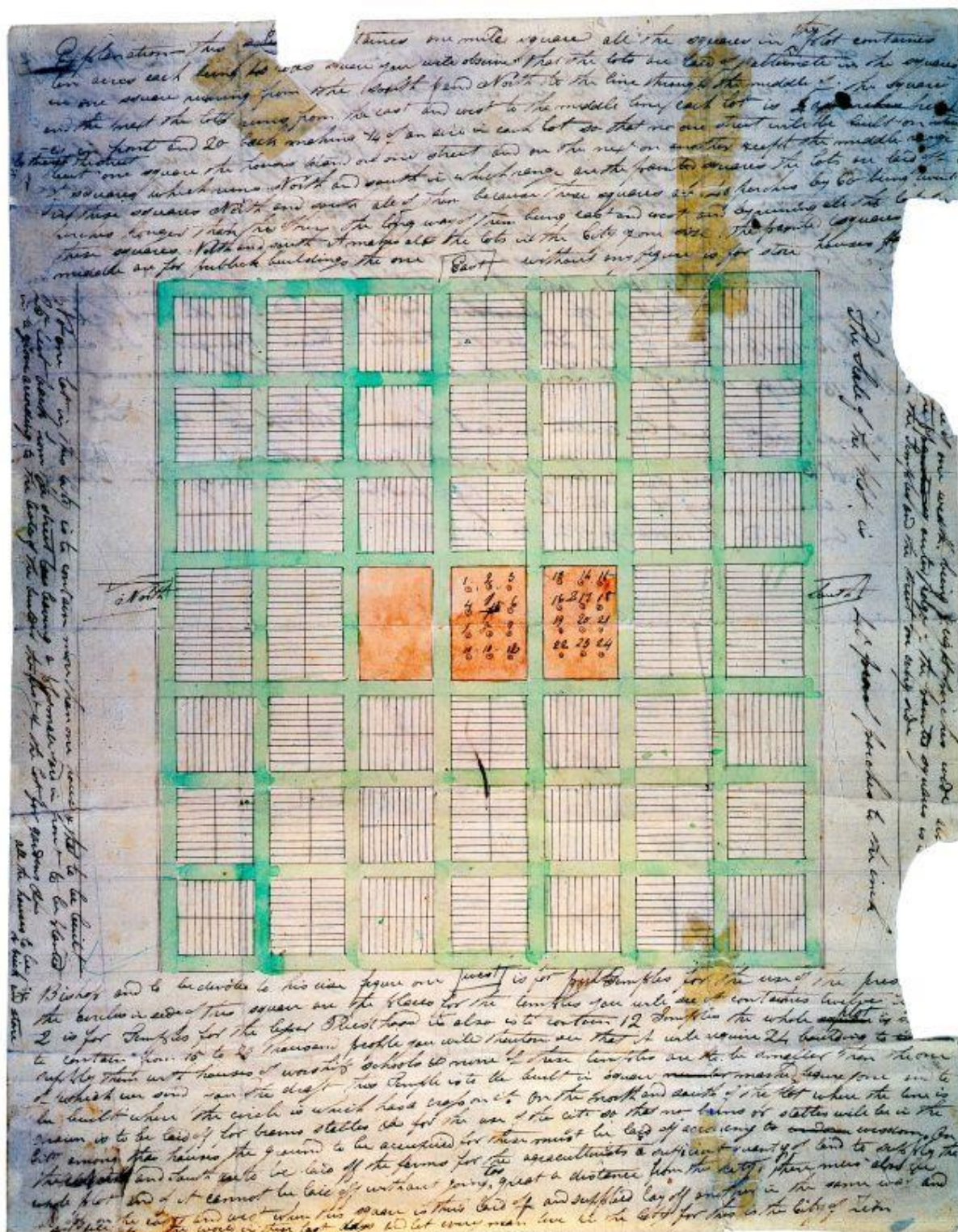

Рис. 5. План города Сион, подготовленный под руководством Пророка Джозефа Смита, в Киртланде (Огайо), где в начале 1830-х гг. находилась штаб-квартира мормонской церкви (на расстоянии примерно 800 миль от г. Индепенденс).

Он был отправлен Святым в Миссури в июне 1833 г. вместе с проектным планом первого храма Сиона. Источник: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/manual/doctrine-and-covenants-student-manual-2017/chapter-21-doctrine-and-covenants-57-58?lang=rus>

Первые 3 участка «посвященной земли» были приобретены Джоном Хедриком в августе - декабре 1867 г., а еще 5 купил Уильям Итон в июле 1873 г. и марте 1874 г. Все 8 смежных земельных участков (№15-22) общей площадью 2,5 акра (1 га или 10 000 м.², 0,01 км.²) в 1869 г. и 1877 г. были переданы Церкви Христа, а их доверительным управляющим стал Г. Хедрик [19, р.128]. Богатый брат лидера хедриковитов Джон А. Хедрик и две другие семьи были, по-видимому, первыми мормонами, вернувшимися в Индепенденс в 1865-1866 гг. после изгнания более 30 лет назад и оставшимися там постоянно проживать. Дж. Хедрик приобрел ферму площадью 245 акров (0,99 км.2) к востоку от города 11 октября 1865 г. В феврале 1867 г. около 60 хедриковитов переехали на крытых повозках в графство Джексон. Они продали свои фермы, дома, предприятия в центральной части Иллинойса. Сторонники Хедрика преодолели материальные трудности и претерпели много лишений ради достижения своей цели. Первое молитвенное собрание хедриковиты провели в Индепенденсе 3 марта 1867 г. [19, р. 124]. Любопытно, что сам Гренвилл Хедрик переехал в Индепенденс только в конце 1868 г. или в начале 1869 г. К 1877 г. Хедриковитская церковь приобрела наиболее важную часть Храмового участка, намеченного Смитом, на котором планировалось строительство священного города и Храма, являвшегося «земным престолом Иисуса Христа». До сих пор эта земельная собственность принадлежит Церкви Христа.

В 1872 г. Хедрик получил новое откровение от Бога, согласно которому необходимо было приступить к возведению дома собраний. Но недостаток средств не позволял сделать это в течение длительного периода времени [16]. Руководитель Церкви Христа умер в 1881 г. и был похоронен на «Хедриковом кладбище» в Индепенденсе примерно в 3 милях (5 км.) к северо-востоку от Храмового участка. В Индепенденсе жила, умерла и была похоронена на том же кладбище его вдова Элиза Энн (Джоунс) Хедрик (1833-1910). Их сын Джеймс А. Хедрик (1865/1866-1926) служил в качестве Генерального секретаря Хедриковитской церкви.

Рис. 6. Места захоронения Г. Хедрика и его жены.

Фото 2004 г. Источник: <https://www.findagrave.com/memorial/9117147/granville-hedrick#view-photo=1054880>;
<https://www.findagrave.com/memorial/9117082/eliza-ann-hedrick>

7 апреля 1884 г. хедриковиты на Храмовом участке начали строить небольшой дом молитвы размером 30X20 футов и завершили эту работу к 6 октября 1889 г. (основные строи-

тельные работы велись весной – летом 1887 г.) [19, р. 131-133]. У других ветвей мормонизма были свои планы на Храмовый участок. Так, апостол Бригам Янг 6 апреля 1845 г. выразил желание восстановить церковную контроль над Храмовым участком в графстве Джексон. Сделать это можно было в судебном порядке. Но мормоны оставались неуверенными в отношении позиции ранее враждебно к ним настроенных жителей округа Джексон. На его территории в 1849 г. официально был учрежден г. Индепенденс, пользовавшийся самоуправлением и ставший для многих групп мормонов «священным». Второй раз проблему земельной собственности в штате Миссури руководство бригамитов обсуждало 26 апреля 1848 г. в Небраске. Большинство Святых последних дней в то время мигрировало в долину Большого Соленого озера, поэтому вопрос так и не был решен сторонниками Б. Янга. Но их оппоненты, объединившиеся вокруг сына Джозефа Смита в Реорганизованную (Джозефитскую) церковь сумели приобрести права на собственность, в том числе и от наследников видного деятеля эпохи Джозефа Смита Оливера Каудери (1806-1850), которому епископ Партридж даровал землю. 9 июня 1887 г. она предъявила претензии на весь Большой храмовый участок площадью 63 акра, включая территорию, принадлежавшую хедриkitам. 11 июня 1887 г. джозефиты направили письменное уведомление Церкви Христа, требуя «прекратить» осуществление какого-либо строительства на спорном участке. В 1888 г. джозефиты начали возведение на своей части храмового участка большой каменной церкви. Длительная судебная тяжба между Реорганизованной церковью и сторонниками Хедрика (1891-1896 гг.) завершилась победой Хедриkitской церкви.

Рис. 7. Фото церкви хедриkitов, построенной около 1887 г.

Источник: Billeter J.C. The Temple of Promise, Jackson, Missouri county.- Independence, Mo.: Press of Zion's Print. and Pub. Co., 1946. P. 122.

Гренвилл Хедрик являлся одним из выдающихся деятелей паракхристианского движения Святых последних дней в XIX в. Хедриkitы являются одним из направлений в рамках реставрационизма или примитивизма, стремившегося к восстановлению первоначального (наиболее древнего и чистого) библейского христианства и ранней апостольской церкви. Основанная им Церковь Христа несколько раз пыталась начать возведение Храма на Храмовом участке по заветам Джозефа Смита, но он так и не был построен. Этому помешали «Великая депрессия» 1929-1939 гг. в Соединенных Штатах, а также несколько расколов в рядах хедриkitов, которые привели к отпадению значительной части прихожан, создавших новые церкви. После Второй мировой войны Церковь Христа (Храмовый участок) окончательно отказа-

Рис. 8. Фото прихожан возле первой церкви хедрикитов, просуществовавшей с 1887 г. по 1898 г.
Источник: <https://www.churchofchrist1830.org/history>

Рис. 9. Фото местности в Индепенденсе, штат Миссури (первая четверть XX в.), которую Пророк Джозеф Смит посвятил в августе 1831 г. для строительства Храма последних дней.
Данная территория сейчас более известна как Храмовый участок. Источник:
<https://www.churchofjesuschrist.org/study/manual/doctrine-and-covenants-student-manual-2017/chapter-21-doctrine-and-covenants-57-58?lang=rus>

Рис. 10. Современная штаб-квартира Церкви Христа на Храмовом участке. Фото июнь 2010 г. *Источник:* https://en.wikipedia.org/wiki/File:Independence_-_Church_of_Christ_Temple_Lot_02.jpg

Рис. 11. Штаб-квартира хедрикитов в г. Индепенденс. Рядом – штаб-квартира Сообщества Христа. Фото начала 2000-х гг. *Источник:* <https://www.findagrave.com/memorial/9117147#view-photo=227953>

лась от строительства Храма. Но ее последователи до сих пор верят, что он должен быть построен «в этом поколении», под которым понимается «поколение собирания». В настоящее время к Церкви Христа (Храмовый участок) относятся 32 конгрегации, к которым принадлежат 7,3 тыс. чел. (2013 г.) в 11 странах мира. Миссии данного течения в движении восстановления действуют в США, Канаде, Мексике, Гондурасе, Нигерии, Кении, Демократической Республике Конго, Малави, Танзании, Индии и на Филиппинах.

За свою более чем 160-летнюю историю хедрикиты пережили трудные времена, преодолели серьезные кризи-

сы и расколы. Но они сохранили свою самостоятельность и дожили до наших дней, в отличие от нескольких десятков подобных раскольнических групп и мелких сект мормонов (многие из которых распались и исчезли навсегда еще в середине – второй половине XIX в.). В идеологическом отношении хедрикиты оказались наиболее близкими к джоозефитам – их религиозным партнерам и конкурентам, противникам Ютской церкви (Церкви Иисуса Христа Святых последних дней). Церковь Христа (Храмовый участок) можно отнести к группе мормонских церквей антибригамитской (небригамитской) направленности.

Рис. 12. Вид с высоты птичьего полета на современный город Индепенденс, где показана часть изначального Большого храмового участка.

Эта земля была приобретена Святыми в 1832 г. для того, чтобы когда-то построить на ней город Сион и Храм (см.: У. и З. 57:4–6). В настоящее время здесь располагаются штаб-квартиры хедрикитов, джозефитов и отделившейся от последних в 1999-2000 гг. «Церкви Остатка», а также объекты, принадлежащие бригамитам. Источник: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/manual/doctrine-and-covenants-student-manual-2017/chapter-21-doctrine-and-covenants-57-58?lang=rus>

Библиографический список

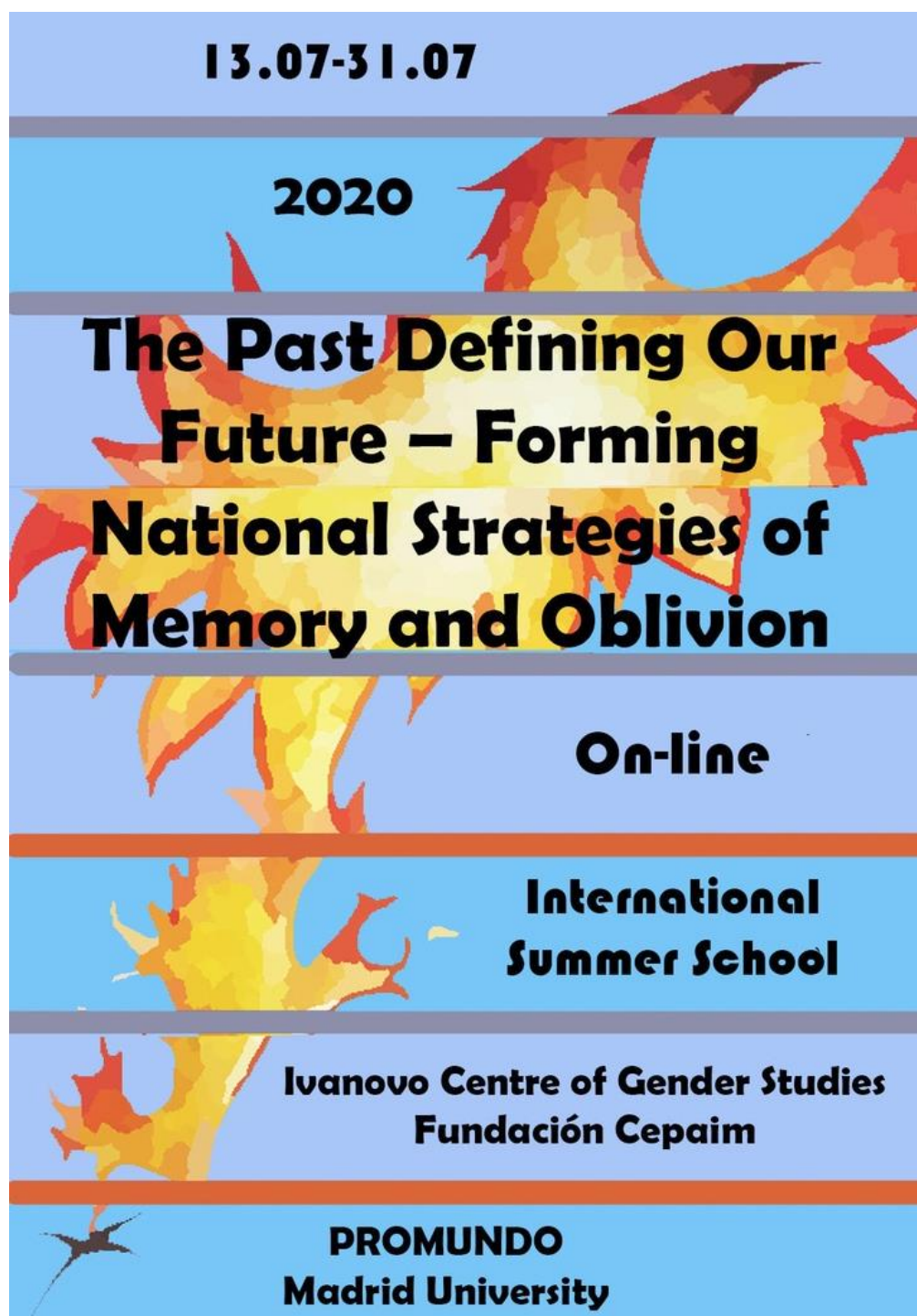
1. Евангелие от Луки 20:34–36
2. Евангелие от Матфея 22:30
3. Евангелие от Марка 12:24–25
4. Ефес 10:5
5. Иаков 2:23–29
6. Иаков 3:5–6, 8
7. Моисей 11:2–4
8. Откровение Иоанна 2:15–16
9. Откровение Иоанна 6:9–11, 7:9, 13–17, 14:4–5
10. Откровение Иоанна 20:10; 21:8
11. Первое послание Коринфянам 7:1–2, 8–9, 29–31
12. Послание к Римлянам 11:4
13. Учение и Заветы (У. и З.) 57; 58
14. Учебное руководство по книге «Учение и Заветы». Глава 21: У. и З. 57–58. [Электронный ресурс] // Церковь Иисуса Христа Святых последних дней [сайт]. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/manual/doctrine-and-covenants-student-manual-2017/chapter-21-doctrine-and-covenants-57-58?lang=rus> (дата обращения: 20.08.2020).
15. A Brief History of the Church of Christ [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.churchofchrist1830.org/history>. – Date of access: 12.08.2020.
16. Addams R.J. The Church of Christ (Temple Lot) and Their Quest to Build a Temple in Zion. A paper presented at The 2009 CESNUR Conference, Salt Lake City, Utah, June 11–13, 2009 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cesnur.org/2009/slc_addams1.htm. – Date of access: 15.08.2020.
17. John Edward Page (1799 – 1867) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://gapages.com/pageje1.htm>. – Date of access: 25.08.2020.
18. Granville Hedrick and the Crow Creek branch [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.centerplace.org/history/misc/soc/soc46.htm>– Date of access: 05.08.2020.
19. History of the Church of Christ. In 2 volumes.- Independence, Mo.: Board of Publications, Church of Christ (Temple Lot), 2012. – Vol. 1. – 175 p. (1-st edition – Flint B.C. An outline history of the Church of Christ (Temple Lot). – Independence, Mo.: Board of Publications, Church of Christ (Temple Lot), 1953.- 160 p.).
20. History of the Church of Christ [Electronic resource]. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20080421070901/http://www.churchofchrist-tl.org/history.html>. – Date of access: 10.08.2020.
21. Page, John Edward. Biography [Electronic resource]. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20120104214617/http://josephsmithpapers.org/person?name=John+Edward+Page>. – Date of access: 11.08.2020.
22. The spiritual wife system proven false: and the true order of church discipline. Illustrated by Granville Hedrick. – Bloomington, (Ill.): W.E. Foote's Power Press Printing House, 1856. – 118 p.
23. The Truth-Teller Will Advocate The Primitive Organization Of The Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints, Which Was Organized On The 6-th Day Of April, 1830, And Maintain Her Doctrines In All Truth. Also, An Exposition Of All The False Doctrines That Has Been Imposed Upon The Church. – Bloomington: Published by the Church. 1864. July. Vol. 1. № 1. P. 5-6.

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

**Материалы Международной летней школы
«Прошлое, которое определяет наше будущее:
формирование национальных стратегий памяти и забвения»
[13–31 июля 2020 г.]**

УДК 316+930.2

А.В. Макарова, О.В. Шнырова

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
«ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ НАШЕ БУДУЩЕЕ:
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПАМЯТИ
И ЗАБВЕНИЯ» (13-31 июля 2020): ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ,
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

A.V. Makarova, O.V. Shnyrova. International Summer School "The past that determines our future: the formation of national strategies for memory and oblivion" (July 13-31, 2020): organizational experience, results and prospects

Темы исторической памяти, преодоления травм войн и конфликтов, воссоединения разделенных сообществ являются ключевыми для международных летних школ Ивановского центра гендерных исследований. Им были посвящены школы в 2014, 2015 и 2016 гг. Школа 2020 г., года семидесятипятилетия завершения Второй мировой войны также была посвящена проблемам коммеморации войн и военных конфликтов. Первоначально местом ее проведения была избрана Испания, страна, пережившая гражданскую войну и диктатуру Франко, и до сих пор переживающая политические, социальные и культурные последствия этих событий. Партнером в проекте выступил Университет Компутенс Мадрида, для ученых которого эта тематика также является важной. В рамках программы школы участникам предлагалось обсудить и проанализировать наиболее чувствительные и травмирующие последствия войн. Что мы помним, а что стараемся забыть на уровне национальной памяти? Как это влияет на нашу национальную идентичность? Какой отпечаток накладывает на гендерные отношения в пост-конфликтных обществах? Как влияет на развитие гражданского общества, женских организаций, гендерных исследований? Может ли общество двигаться в будущее и модернизироваться, не переосмыслив и не преодолев послевоенную травму?

Однако начавшаяся пандемия заставила организаторов школы перевести ее в онлайн-формат, что стало для нас первым опытом продолжительного образовательного события. Сам этот формат, к которому команда быстро адаптировала разработанную программу, изменил работу школы не только организационно, но и содержательно. Усилился акцент на формирование общего дискуссионного пространства по вопросам проблем коллективной памяти, травмы, взаимосвязи национальных стратегий коммеморации и конструирования будущего.

Целями школы было (1) представить участникам опыт примирения различных европейских стран и регионов, разделенных после войн; (2) научить участников использовать гендерный анализ при разработке подходов к миростроительству и разрешению конфликтов; (3) обсудить национальные стратегии коммеморации военных конфликтов и роль гражданского общества в преодолении послевоенных травм.

В программе международной летней школы приняли участие 25 человек. Среди них были преподаватели университетов и сотрудники общественных организаций, чьи научные интересы и общественная деятельность связаны с изучением военных конфликтов, исследованиями травм и помощи пережившим насилие. Среди участников были представители России, Армении, Казахстана и Украины. Команда преподавателей школы включала известных специалистов в области гендерных аспектов коммеморации войн из семи европейских уни-

верситетов и академических институтов: Университета Компултенс Мадрида, Автономного университета Мадрида, Университета Лидса, Университета Берлина, Университета Коимбры, Болгарской академии наук и Академии наук Армении.

Сообщество, сложившееся в рамках школы, таким образом, по своему составу было двояким - представляло как специалистов, занимающихся профессиональной рефлексией памяти, травмы, так и профессионалов, имеющих непосредственный повседневный опыт работы с этими явлениями, работы с носителями, свидетелями коллективной памяти и травмы. Мы полагаем, что взаимодействие этих групп уже само по себе стало важным результатом школы, который необходимо сохранить для будущих проектов.

Состав группы обеспечил высокий уровень мотивации участников и их активность в процессе реализации программы школы. В заявках были названы следующие побудительные мотивы участия в школе:

- желание расширить свой опыт международного взаимодействия с коллегами, профессионального обмена мнениями по школьной тематике, а также взглянуть на поднятые вопросы с точки зрения представителей различных отечественных подходов к историографии,
- научиться преодолевать послевоенные стрессы и ситуации, находить подходы к миростроительству и разрешению конфликтов,
- изучить опыт организации и проведения международных образовательных программ в дистанционном формате,
- освоить новую методику, которая поможет проводить собственные исследования; включение участников в исследовательскую сеть летних школ ИЦГИ.

Школа проводилась на платформе ZOOMPROFI с использованием сервиса ZOOM Webinars, который давал возможность осуществлять последовательный и синхронный перевод, а также организовывать работу участников в группах в сессионных комнатах. Разработанная методика школы позволила максимально приблизить ее к формату наших офлайн-школ и обеспечить общение и взаимодействие участников, несмотря на разделяющие их расстояния. Школьная программа включала ежедневные занятия с 10.30 до 13.30, за исключением выходных и последних четырех дней, когда участники, работая в малых группах, писали коллективные расширенные эссе.

Первые семь дней были лекционными и были посвящены, согласно программе, мини-курсам приглашенных лекторов. Анкеты обратной связи показали, что участники высоко оценили курсы всех лекторов. Особо были отмечены курсы Джин Диас-Гихарро Хейс о транзите испанского общества от франкизма к демократии, Николая Вукова об особенностях коммеморации Второй мировой войны в странах Восточной Европы, Ингрид Шарп о гендерных аспектах культурных репрезентаций войн в современном обществе, Ульрике Ауга о влиянии памяти о Второй мировой войне на послевоенную Германию.

Поскольку участники сами были специалистами в области коммеморации, исследований памяти и исследования травм, они принимали активное участие в обсуждении проблем, поставленных лекторами в открытых дискуссиях, работали в малых группах, обменивались мнениями и материалами своих исследований в чате. Именно эти форматы позитивно отмечались участниками в процессе сбора обратной связи во время школы. Такая мультиканальность создала насыщенную информационную среду школы, существенно расширив пространство коммуникации и количество участников, непосредственно вовлеченных в него. Поэтому организаторы старались гибко подстроиться под запрос участников и менять, по возможности, формат работы на лекционных и самостоятельных занятиях. Методическую проработку и усиление форматов удобного взаимодействия участников, их презентации мы полагаем перспективной для наших будущих мероприятий.

Чтобы участники могли более подробно познакомиться с исследовательскими интересами друг друга, им была предоставлена возможность выступить с докладами на эту тему по желанию. Тем, для кого было важно поделиться результатами своих исследований и проектов с коллегами, в течение двух дней была представлена такая возможность. В данном формате организаторы увеличили время для собственных презентаций участников по сравнению с первоначально запланированным. Для группы и для тех преподавателей, которые смогли посетить школу в течение дополнительных дней была предоставлена возможность обсуждать презентации, задавать вопросы докладчикам.

Следует отметить, что максимальная гибкость в составлении программы презентаций участников оказалась практически единственно возможной и очень эффективной организационной тактикой. Часть участников именно после начала школы получили мотивацию для представления своих исследований и проектов, решения о выступлении принималось очень быстро и в контексте обсуждений, сложившихся на школе.

Эта часть школьной программы была отмечена участниками как одна из самых интересных, так как позволила им проанализировать наиболее актуальные тенденции в исследованиях по вопросам памятных дат и привела к установлению контактов между ними и генерации идей для совместных проектов.

Вторая часть школьной программы предполагала самостоятельную работу участников. Процесс написания эссе был направлен на то, чтобы способствовать коллективному осмыслению школьной проблематики и выработке общей позиции участников из разных стран региона. Участники объединились в пять групп, каждая из которых выбрала тему эссе в соответствии со своими исследовательскими интересами. В результате были представлены эссе по следующим темам:

«Что мы помним, а что пытаемся забыть на уровне национальной памяти?»;

«Может ли общество двигаться в будущее и модернизироваться без переосмысления и преодоления послевоенной травмы?»;

«Проблема конкуренции исторических нарративов в построении государственной идентичности: национальный и региональный аспекты»;

«Какое влияние выживание после травмы оказывает на гендерные отношения в постконфликтных обществах?»;

«Как политика памяти влияет на развитие гражданского общества, женских организаций, гендерных исследований?».

Результат их коллективной работы был очень впечатляющим, и может быть хорошим заделом для написания коллективных статей и разработки исследовательских проектов.

По традиции программа летней школы завершилась круглым столом «Войны и пандемии: как выжить и вспомнить коллективные травмы?» на котором присутствовали участники и преподаватели летней школы. Дискуссия позволила подвести итоги трехнедельной работы и обозначить перспективы дальнейших исследований памяти, войн и конфликтов.

Значимыми оказались и содержательные итоги по обсуждению проблематики коллективной памяти, забвению. Были выявлены трудные моменты в обсуждениях вопросов коммеморации. В частности, выявилась проблема выбора аспектов коллективной памяти в зависимости от организацией исследований. Исследователь исторической памяти, индивидуальной памяти зависим от акторов, конструирующих память политическую, от системы государственных научных, образовательных институтов, что определяет выбор тем. Не всегда актуальные для общества проблемы коллективной коммеморации имеют возможность стать объектом профессиональной рефлексии.

Существует ряд тем для коллективной коммеморации, которые являются травмирующими. Они избегаются исследователями, либо становятся полем для «борьбы за дискурс», если поднимаются в обсуждениях. К таким темам относятся травмы общего прошлого 20 века, объединенного общей историей постсоветского пространства, но различной оценкой и различными потребностями в конструировании групповой идентичности (темы войн, репрессий, голода, этнических конфликтов). Гендерная проблематика коллективных травм и коллективной истории в данном случае выступала как объединяющий опыт, объединяющее поле смыслов.

Среди интересных содержательных итогов школы можно отметить, что существует принципиальное различие в исследованиях и практиках коллективной памяти, между европейским и постсоциалистическим обществами. Для европейской культуры, наиболее ярко представленной в лекциях и суждениях профессора Ульрики Ауги (Берлин) актуальны практики коммеморации, позитивным результатом которой ожидается создание солидарного общества. Целью ее является не конструирование (или реконструирование) символических различий воображаемых сообществ, а определение общих целей в рамках сложных сообществ, члены которых имеют множественную идентичность, или «принадлежность». Значение коллективной памяти в консолидации общества перед лицом внешних и внутренних вызовов не меняется. Меняется место «другого» - оно оказывается предоставлено не нациям, этносам, классам, словом, не людям, как носителям вызова, а проблеме, лишенной персонификации, лишенной слияния с какой-либо группой через комплекс приписываемых характеристик. Таким образом, функции памяти заключаются в поиске основ для солидарности, а не для противопоставления и конфликта.

Общества значительной части постсоциалистического пространства ориентированы на осуществление практик коммеморации с целью построения коллективных идентичностей на основе традиционного противопоставления «мы-они», отстройки себя от «другого». В случае опыта травм цель коммеморации и рекоммеморации заключается в исторической самолегитимации, обреченной на соревнование за право считаться «жертвой», за право на символическую и материальную компенсацию со стороны «другого». Даже в дискуссиях наших подготовленных и опытных участников отмечалась эта тенденция, самые горячие споры возникали между представителями различных сообществ при обсуждении коллективных травм прошлого (дискуссии о репрессиях и голоде 1930-х годов, об этнических конфликтах 1990-х, 2000-х гг.). Практики коммеморации ориентированы на повышение конкуренции в настоящем, что сокращает возможности конструктивных сценариев совместного взаимодействия и развития.

Гендерное измерение вопросов коммеморации и коллективной травмы показало, что существует и не проработан целый ряд актуальных проблем, как на уровне индивидуальной истории и травмы, так и на уровне этносов и наций. Так, одной из наиболее актуальных до сих пор остается блокировка проработки травмы, определяемая гендерной моделью общества.

Можно отметить, что проблематика, поднятая школой, чрезвычайно актуальна как для исследователей, так и для общественных активистов, и наиболее перспективным форматом является именно совместное ее обсуждение. Таким образом становится очевидной связь теории и истории с практикой общественной работы.

Итоговое анкетирование участников школы показало, что все остались довольны программой, содержанием, методами преподавания и организацией летней школы. Было отмечено, что онлайн-формат сделал учебную программу школы более доступной, поскольку не все участники могли полностью освободиться от работы, чтобы принять участие в трехне-

дельной программе обучения, а онлайн-программа позволяла сочетать работу и летнюю школьную деятельность. Однако большинство участников указали, что они предпочли бы смешанный формат, сочетающий онлайн- и офлайн-мероприятия.

Среди преимуществ участия в летней школе участники отметили:

- возможность ознакомиться с текущим состоянием дел в области исследования памяти и травм на постсоветском пространстве и за рубежом;
- новые контакты и новые темы для размышлений;
- расширение профессиональных контактов;
- получение новых знаний;
- обогащение преподавания, повышение навыков работы в режиме видео-конференц-связи;
- «проверка проникновения» в собственных исследованиях по гендерным вопросам и отзывы специалиста;
- возможности участия в дальнейших совместных проектах.

Все, кроме двух участников, успешно завершили школьную программу и получили сертификаты об окончании школы.

Итак, можно сделать вывод, что результаты летней школы достигли поставленных целей, а проект был успешным и многое дал участникам. Для организаторов это был также новый вызов и возможность попробовать себя в новом формате обучения, развить свои профессиональные навыки и контакты.

Сведения об авторах:

Шнырова Ольга Вадимовна – кандидат исторических наук, доцент, директор ИЦГИ. E-mail: olgashnyrova@mail.ru

Макарова Алёна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета E-mail: makarova-al@yandex.ru

Материалы круглого стола

«Wars and pandemics: how do we survive and commemorate collective traumas?»¹

31 июля 2020 г.

УДК 316

С.В. Артёмова, Н.Р. Шахназарян

АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ТРАВМЫ И ПАМЯТИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «НАСЛЕДОВАНИЯ» ТРАВМЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМЫ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Аннотация: В статье представлен краткий обзор работ, связанных с изучением коллективной переработки трудного прошлого в разных странах; систематизированы основные дефиниции, относящиеся к различным парадигмам. Авторы - историк и социальный антрополог - предлагают варианты комбинации терминов в применении к различным последствиям травмы и опыту армянской коллективной и частной памяти, репрезентациям истории. Увлекающий эвристический заряд несет в себе выявление методологических особенностей изучения травматических событий и переживания травмы разного типа. Также авторы подробно останавливаются на вопросах соотношения автобиографической и коллективной памяти, а также на методах изучения зафиксированных в исторической памяти потенциально травмирующих событий (то есть кейсов). Некоторые исследовательские вопросы на данном этапе нуждаются пока просто в заявлении в качестве научной проблемы, например, постановка вопроса о межпоколенческой передаче травмы посредством «работы» памяти. Этот блок вопросов касается возможностей эпигенетики как нового направления современной науки. Наконец, в статье авторы пытаются описать существующие в современной истории, психологии и антропологии методы исследования, приложимые к результатам суммированных полевых работ в разных уголках мира. Эмпирический материал представлен в виде результатов биографических интервью с беженцами-армянами 1915 г., которые в контексте ПМВ были вытеснены из Османской империи и беженцами-армянами и ВПЛ из советского Азербайджана в 1988-1990 гг.

Ключевые слова: трудная память, историческая/ культурная травма, коллективная травма, ПТСР, лишение власти, межпоколенческая передача, биографический метод, эпигенетика, автобиографическая память, историческая чувствительность, интимный нарративный продукт

Analysis of trauma and memory concepts: interpretation of trauma "inheritance" through prisms of unified paradigms.

Abstract: In the article, review on works related to studying of collective processing of difficult past in different countries is reported; the main definitions related to different paradigms are systematized. In this study, the authors – a historian and a social anthropologist – suggest variations of term combination that apply to different trauma consequences and the experience of armenian collective and individual memory, representations of history. Heuristic undertone leads to detection of methodological features of studying traumatic events and going through different kinds of trauma. The authors also elaborate on questions of correlation between autobiographical (individual) and collective memory, as well as on methods of studying potentially traumatic events fixated in historical memory. Some of the research questions only need to be stated as scientific problems at this stage, for example, raising the question about intergenerational transfer of trauma through "working" of memory. This type of questions is connected to capabilities of epigenetics as a new direction of modern science. Finally, the authors are making an attempt to describe research methods existing in modern history, psychology and anthropology, that are applicable to the results of summated field works in different parts of the world. Empirical material is presented as results of biographical interviews with armenian refugees of 1915, who were extruded of Ottoman Empire during World War I, and armenian refugees and IDPs (Internally Displaced Person) from Soviet Azerbaijan in 1988-1990.

Keywords: difficult memory, historical / cultural trauma, collective trauma, PTSD, disempowerment; intergenerational transmission, biographical method, epigenetics, autobiographical memory, historical sensitivity, intimate narrative product

Проблема, передаваемая в науке кодовой дихотомией «природа vs. забота» (nature vs. nurture), не может быть разрешена силами лишь одной из научных традиций (позитивизм vs. конструктивизм). Подходы к ее решению нуждаются в объединении парадигм, на что указывает собранный эмпирический и кабинетный материал. Поэтому актуальность нашей работы обеспечивается, в первую очередь, активизированным

¹ «Войны и пандемии: как мы переживаем и запоминаем коллективные травмы?»

поиском методологических решений для формирования целостного представления о коллективной и индивидуальной памяти, включающей сценарии реакций на потенциально травмирующие события или явления прошлого. Системный взгляд на проблему эмоциональных откликов на болезненные социально-политические события и комеморативных практик достигается путем комбинирования социальных и гуманитарных наук – истории, антропологии, этнографии, культурологии – с различными направлениями психологии [20], [46]. психоанализом [16], [22]. или нейронаукой [44, с. 440-445]. Широкое распространение получают мультидисциплинарные проекты, включающие лингвистические и филологические взгляды [40], а также использующие методы социологии, и статистики. Зачастую данные одних областей научного знания являются необходимыми для апробации теоретических гипотез других. Так, антропологические и этнографические сведения могут приводиться, в числе прочего, для подтверждения или опровержения в «полевых» условиях лабораторных данных психологов (Bloch; 1995). Благодаря параллельному развитию ряда научных дисциплин, содержание долговременной, в частности, автобиографической памяти также получило развитие в меж- и даже метаяпредметной плоскости.

Психологические и психосоциальные последствия войн и катастроф на уровне «тестового» эмпирического материала широкого спектра индивид-группа давно изучаются представителями разных специальностей. На сегодняшний день основной корпус работ посвящен Первой (в меньшей степени) и Второй мировым войнам (отдельным объемным блоком можно выделить Холокост – максимальное количество работ) [9], катастрофам с применением ядерного оружия (Хиросима), голоду, кровавым пост-социалистическим конфликтам [18], и террористическим атакам (в частности, самой знаковой из последних - трагедия 9/11; куда меньше работ написано про травмы, нанесенные индивидам и группам природными катаклизмами, например, землетрясениями [41]. В каком случае мы можем говорить о возникновении посттравматического стрессового расстройства, и в чем еще может выражаться переживание травматических ситуаций?

Своим исследованием мы хотим внести посильный вклад в научную дискуссию о травме - проблемном явлении, вызванном «работой» так называемой *трудной конфликтной памяти*. Это явление вызвало к жизни не менее проблемные концепты и суб-дисциплины, такие как *травма*, *межпоколенческая трансмиссия* (как вариант: *стрессонеустойчивость*) - В частности, один из механизмов «работы» трудной памяти и передачи травмы подробно описан Маркаром и Седой Мелконян в книге о погибшем в Карабахской войне брате и муже Монте Медконяне (боевое имя Аво) [24], *эпигенетические исследования*. В частности, в исследовании рассматривается природа изменений, вызванных переживанием травмы, также как и трансформация идентичности индивидов и целых социальных групп. Работа сочетает в себе междисциплинарный сравнительный подход и техники и особенности изучения частной памяти в перспективе последних исследований в области социального конструирования реальности и биомедицины, в частности изучаемого в её рамках ПТСР [53].

Необходимость расширения дискуссионного поля о травматическом опыте больших групп, не в последнюю очередь, подтверждается рядом психологических работ о корреляции исторической чувствительности (актуализации исторических событий в автобиографической памяти) и риска развития ПТСР. Согласно российскому психологу В.В. Нурковой, наличие исторического компонента в автобиографической памяти является фактором психологического благополучия личности, что проявляется в более низком уровне симптоматики ПТСР, даже при том, что исторический опыт представляется, в основном, негативными событиями [43]. Таким образом, воздействие на культурную и коммуникативную память общества с помощью возобновления или расширения дискуссии в СМИ и научном пространстве о потенциально

психотравмирующих сюжетах отечественной истории, предположительно, может отразиться на снижении посттравматической симптоматики. Эмпирически этот вывод подтверждается результатами лонгитюдного исследования детей-ветеранов карабахской войны [53].

Авторы статьи пытаются ответить на вопросы: Каким образом идентичности и социальные роли обсуждаются в ситуации переживания травмы? Какие стратегии выбирают выжившие (люди, пережившие травму) (не)говоря о пережитом со своими детьми и внуками? До какой степени травма помогает или мешает мигрантам интегрироваться в новых условиях? Как фактор «индивидуальная память» мешает или содействует этому процессу? Вокруг каких тем и как обсуждаются и формируются *травматические нарративы*? Может ли травмированная память воспроизводить себя? Какова динамика межпоколенческой передачи *травматического нарратива* – репрезентация частного драматичного опыта, пережитой трагедии? Ответы частично можно получить в мировой историографии, однако ряд вопросов остается в виде открытых дискуссий, в том числе и о методологии и методике исследования.

Изучение травматического опыта: трансформация фокуса исследования. Историографию психологической травмы принято начинать с Брикe (1796-1881), связавшего истерические симптомы с травматическими событиями, и Шарко (1825-1893), выявившего некоторые физиологические последствия. Уже в XIX веке были описаны такие явления как «военный невроз», «травматический невроз», «компенсационный невроз» и т.д. [49; с.5-7]. Особенно изучение этих видов стало популярно после Первой мировой войны. Томас Льюис описал группу солдат со сходным набором симптомов, так называемое «сердце солдата», или «синдром напряжения». Б.С. Оппенгеймер обозначил похожие солдатские симптомы как «нейроциркуляторную астению», в то же время А. Майерс в работе «Артиллерийский шок во Франции 1914 – 1919» отделил «снарядный шок» (психические последствия) от контузии как физической травмы.

При этом, ключевой фигурой, привлечшей внимание ученых к психической травме, стал Зигмунд Фрейд, благодаря которому термин получил распространение в научной среде [49; с.7]. Заметим, что практически каждый современный исследователь травмирующих событий или опыта их переживания опирается на положения теорий отцов-основателей психоанализа Фрейда и Юнга (о влиянии детских событий на взрослую жизнь индивида, и циклическом повторении навязчивого образа, о существовании бессознательного). Наиболее популярной является трактовка коллективной травмы как повторяющегося переживания - пережитого подавления (*compulsion repetition*) – представляющего собой компенсаторный механизм (лечит выжившего, в то время как калечит следующее поколение.)

Долгое время травма изучалась только у непосредственных участников боевых действий, в русле военной психологии. Отчасти это связано с различными взглядами на определение травмы, отчасти с очевидно большим «удобством исследования», под которым мы понимаем не только доступность источниковой базы со свидетельствами последствий травматического опыта, но и со специфическими источниками, такими как анкеты, опросники и другие формы психологического тестирования [48].

Работа Фигли [17] стала поворотным пунктом и положила начало исследованиям в области военной травматологии. Травматический опыт ветеранов вьетнамской войны был разделен на четыре категории: быть мишенью для убийства, быть наблюдателем убийств и зверств, быть агентом убийства и зверств, не сумев предотвратить убийство [15; с.20]. Термин посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) (заимствован из медицины) оформился не далее как в 1980-м в США в связи с исследованиями ветеранов Вьетнама. В России изучением посттравматических стрессовых состояний занимаются специалисты кафедры психологии

Военного Университета (бывшей Военно-Политической Академии) и ведущие психиатры из Центрального клинического военного госпиталя имени Бурденко.

Язык травмы раскрывает нам эмпирический материал. Нагорный Карабах в годы армяно-азербайджанской войны только очень условно разделялся на фронт и тыл. Большинство населения было вовлечено в жестокую бойню на ежедневной основе. В этом смысле можно говорить о военном неврозе у всего населения, с разницей лишь в степени тяжести. Практически все участники боев пострадали от многократных контузий. Как следствие, среди опрошенных ветеранов даже из одной и той же местности начертился широкий спектр травмированности разной степени.

Все перечисленные триггеры и провокаторы долговременной травмы не просто имели место в карабахской войне, но наслаивались многократно, что дает нам право говорить о множественной травме. Посттравматическое стрессовое расстройство не различает жертву и виновника.

Сегодня, когда психологическая наука значительно продвинулась вперед, мы можем обозначить гораздо более разнообразные виды психических травм. Это позволяет нам утверждать, что не только непосредственные участники боевых действий, но и их близкие, их соотечественники и даже последующие поколения могли стать носителями травмы. В России исследования культурной и исторической травмы нашли свое отражение в сборнике под редакцией С. Ушакина и Е. Трубиной «Травма: Пункты» [50], ряд статей которых посвящен методологическим аспектам историко-психологической работы.

Травма влияет на идентичность. Об этих изменениях в американской науке сделано немало исследований. Самый мощный литературный пласт связан с переживанием травмы Шоа, еврейского Холокоста. Общеизвестно, что посттравматическое *Я* представляет собой сложнейшее явление. Пережитые экстраординарные потрясения и стрессы приводят к «изменениям в базовой структуре личности» [30]. Эго-процессы изменяются через прямое влияние на функционирование организма. Структура идентичности и я-процессов могут быть радикально изменены травмой в смысле разрушения человеческого духа. Потеря цельности, дефицит надежды, веры в завтрашний день выступают как устойчивые признаки психологической травмы и раздробления *Я*. Надежда – этот мостик от настоящего к будущему, дающая *состояние полной жизненности и освобождение от вечной скуки*, [30; с.223-224] это спасение от пессимизма и депрессии – постепенно обретаются ветеранами вновь через позитивное общение, межличностную коммуникацию. Самостоятельно или специализированно, они пытаются искать рецепты преодоления уныния, чтобы обрести вкус к жизни, стать социальными. При этом забота о других выступает как эффективная терапия.

Посттравматическая адаптация военного синдрома. Травма влияет на систему ценностей, смыслов и идеологий. Большинство ветеранов после войны постоянно шли на конфронтацию с властями, теряя часто чувство Реальности и не желая считаться с условиями социальной игры. Практически все ветераны, великолепно приспособленные к ситуациям опасности, чрезвычайно трудно приспосабливались к нормальной жизни. Фронтальной максимализм [47] и ценности они переносили в мирную жизнь, проявляя крайнюю негибкость. Мир как-то бескомпромиссно и без полутонов начинает делиться на черное и белое, а чувство социальной справедливости как-то особенно резко обостряется. Интервью с ветеранами карабахской войны четко отражают бинарные устремления в психологическом потенциале участников войны. Какая из двух тенденций — созидательная или разрушительная — окажется доминирующей в мирных условиях, напрямую видимо зависит от политической культуры в обществе, от его отношения к ветеранам и состояния общества в целом. Роль социальных институтов в преодолении ПТСР непомерна. Показателен в этом смысле пример

ветеранов американских Навахо и Зуни после Второй мировой войны. Согласно исследованиям, параллельно проведенными двумя американскими антропологами в резервациях Навахо и Зуни, отношение к ветеранам культурно обусловлено и на это влияют социокультурная система с комплексом нравов, ценностей и опыта войн. Мобильные, адаптивные, открытые в отношении остального мира с их ценностями «фамилистической индивидуальности» Навахо окружили своих ветеранов вниманием и уважением, открывая их доступы к различного рода общественным ресурсам и придавая их опыту социальную престижность. Негибкие, закрытые в отношении остального мира и конформные Зуни с их сильной коммунальной ориентацией изолируют и депривировывают своих ветеранов [1; с. 547-561]. Общество, отвернувшись от проблем ветеранов войны, ставит их в такие условия, когда они вынуждены искать применение своим силам, энергии и весьма специфическому опыту там, где, как им кажется, они нужны, где их понимают и принимают такими, какие они есть: в армии, в силовых структурах, в мафиозных группировках.

ПТСР при определенных обстоятельствах может стать пожизненным диагнозом. Но мировой опыт переживания военных неврозов показывает, что вопрос чаще стоит скорее *КАК* большинство людей все-таки быстро справляются и реинтегрируются в нормальную жизнь? чем *ПОЧЕМУ* случаются ПТСР? Многочисленные симптомы посттравматического стресса, к счастью, можно преодолеть терпеливым залечиванием, да и просто эмпатическим понимающим общением, постепенно сводя на нет каждый из них, соединяя усилия больного, его близких и профессионалов. Но почему одни ветераны справились с недугом сами без посторонней помощи и сравнительно быстро, другие нет – это довольно сложный вопрос. Среди детерминант, создающих различия в переживании травмы, называют индивидуальную переносимость, которая косвенно или прямо сопряжена с фактором генетической уязвимости. Несмотря на подчас откровенно соматические реакции пострадавших, мне этот фактор кажется сам чрезвычайно уязвимым (попахивает стигматизирующим ломброзианством и может легко стать критерием социального исключения) при сравнении с причинами классовой/ социальной природы. Послевоенные жизненные траектории ветеранов, возможно, действительно сильно зависят от того, кто такие их родители, но скорее в социальном плане, чем в биологическом/генетическом. Язык, на котором мы говорим, кажется, несет квинтэссенциальное значение. Пока мир мыслится в концептах палачей и их жертв, победителей и побежденных, цикл насилия вряд ли обещает прерваться. По-видимому, жертвенность трансформируется в горделивый, агрессивный стиль доминантной мужественности.

Важной составляющей методологии любого исследования в указанной области является выявление и анализ содержательного наполнения таких терминов как «травма», «коллективная память» и сопутствующих в мировой историографии и современных исследованиях в разных научных областях. При этом, даже поверхностный обзор таких синонимичных дефиниций как «культурная травма», «историческая травма», «психологическая травма», являющихся ключевыми в работах представителей разных научных школ, позволяет выявить множество пересечений и неоднозначных трактовок.

Профессор МГУ, психолог и психотерапевт Л. В. Трубицына в книге «Процесс травмы» систематизирует виды травмирующих событий, классифицирует их последствия, этапы реакции на травму и стадии переживания. Особенно актуальным для нашего исследования является возможность определить травму «либо через события, которые ее вызывают, либо через переживания, вызванные этим событием, либо через последствия, которые проявляются через какое-то время», опираясь на ряд разнофокусных определений (Ч.Фигли, Эт и Пинус, Ван-дер-Колк) [49; с.11] Кроме того, при проведении исследований в других гуманитарных и социальных дисциплинах, наиболее подходящим нам представляется термин «потен-

циально травмирующие события». Действительно, событие, которое оказывается травмирующим для большинства, может не привести к травме отдельного человека, и историку или антропологу не всегда удастся установить, привело ли это событие к развитию ПТСР (тем более мы не вольны ставить «заочные» психологические диагнозы). В таком случае, мы можем рассматривать реакции на события и исторические явления, попадающие в категорию «потенциально травмирующих». Когда же речь идет о непосредственном участии гражданского лица или группы – объекта исследования – в войне или геноциде, мы, без всякого сомнения, можем определить такие исторические события как «травматические ситуации» или «массовые травмирующие события. В Trauma Studies как разделе истории гораздо более распространенным является термин «коллективная травма».

Наличием «коллективной травмы» характеризуются большие социальные группы, пережившие травматический опыт. Это определение неразрывно связано с представлением о существовании коллективной памяти. *Коллективная травма* – «это комплекс психологических ощущений, возникающий у очевидцев или участников определенного трагического события и являющийся общим, но при этом в полной мере не передаваемым опытом не просто выживания, но и последующего переживания данной ситуации» (*определение Д.А. Аникина*) [38; с. 78–84]. Это определение содержит значимую вторую часть, согласно которой, ощущения (и воспоминание, вызываемые ими) передаются современникам или следующему поколению как в точном, так и в искаженном, но не в полном виде.

В исследовательской практике широко распространены также термины «историческая» или «культурная травма». Нам представляется, что использование конкретного обозначения варьируется в зависимости от выбранного фокуса – на событие (явление) или переживания (последствия). Таким образом, различие между исторической и культурной травмой проявляется в дистанцировании от события-триггера.

Согласно российским исследователям Д.А. Аникину и О.В. Головашиной, *культурная травма* – «это нарратив, вписывающий произошедшее событие в совокупность образов, значимых для коллективной идентичности определенного сообщества» [38; с. 78–84]. По мнению историков, культурная травма возникает не в результате личного участия, «а посредством включенности в социальные практики передачи сакрализованного канона культурной памяти, включающего в себя элементы как героического, так и трагического прошлого» [38; с. 78–84].

Д.С. Жуков в статье «Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена» ссылаясь на определение Вамик Волкан (Vamik Volkan), описывает групповую «историческую травму» как «состоящую из переживания событий, которые призваны символизировать глубокие системные угрозы группе, которые вызывают у членов группы страхи, чувство безнадежности и виктимизации» [38; с. 8]. Это приемлемое утверждение содержит характеристики ПТСР, но не ясно, насколько и в какой совокупности они должны проявиться. Здесь же возникает вопрос о делении прошлого на травмирующее и героическое, в него не входящее: по Волкан – на «историческую травму» (ужасы прошлого, которые отбрасывают тень на будущее) и «историческую славу» (мифы о славном будущем, которые часто являются реконструкцией славного прошлого). В представлении о культурной памяти такое дифференцирование отсутствует.

Методы изучения исторической травмы (история и антропология). Базируясь на эмпирически выверенных данных, полученных в основном из *биографических интервью*, также как на анализе и сопоставлении трендов в академической дискуссии, авторы попытаются ответить на поставленные выше вопросы. Для генерирования глубинного подхода мы выбрали для наблюдения семьи в разных странах-локациях исследования, которые содержали бы, как минимум, представителей двух-трех поколений участников исследования, инфор-

мантов, которые были готовы дать неоднократные глубинные интервью на предмет тематического содержания общения со старшими членами семьи. Социальный состав семей разный – мать-дочь-внуки Зина-Элина-Милена-Захар относятся к среднему классу в Украине (переехали в Россию после войны 2014 г.); Жения-Лора-Карина-Эрик/Рита считают себя self-made бизнесменами, разбогатевшими в условиях постсоветских возможностей свободного рынка на юге России; Женя-Раиса-Вика – жители армянского пригородного села; Эрн-Регина-Юлия относятся к классу высокой интеллигенции (Эрн-врач, Регина пианистка с консерваторским образованием, Юлия – магистр социологии, выпускница университета Анн-Арбор, Мичиган), сумевшие сохранить себя в таком качестве, невзирая на сложную траекторию миграций (сейчас обосновались в США, штат Мичиган с последующим переездом в южную Калифорнию). Исторический пласт, связанный с переживанием общенациональной трагедии 1915, упрямо называемый геноцидом, полноценно описан армянскими учеными в толстых фолиантах сборников биографических интервью в рамках проектов устных историй в США (Ричард Ованнисян, UCLA, на англ.) и в Армении (Вержине Свазлян, на арм.).

Анализ этих интервью наряду с исследованиями по теории и параллельным кейсам, кросс-культурными работами, и изучением парадигмально-теоретических дилемм, более точной концептуализацией проблемных понятий - и есть главный источник эвристических гипотез и в будущем, возможно, новаторских выводов. Промежуточные выводы позволяют судить, что *травматические нарративы*, скорее всего, служат рычагом передачи травмы своим молодым домочадцам, в то время как существует значительное поколенческое различие в преодолении, разрешении *травмы*. Последняя чаще всего приковывает участников исследования к их прошлому, блокируя пути к новой жизни, более полной интеграции на новом месте. Промежуточные выводы, сделанные из чтения релевантной литературы, пока что смущают по причине терминологических разночтений и парадигмальных вызовов и столкновений. Тем самым, вычерчиваются трудности исследования, которые, резюмируя размышления, заключаются в явной тенденции к эссенциализации тех эффектов, которые могут вызывать пережитый шокирующий опыт и память о нем, то есть полевые материалы и специализированные исследования выделяют эти два типа воздействия – трансмиссия травмы на эпигенетическом уровне (большинство исследований касаются переживших Холокост – см. инновационные исследования Рейчл Йехуда, Институт Сиона, Нью Йорк) и передача травмы через семейные нарративы, которые черпают из частной памяти. Проблема в том, как бесконфликтно совместить биологический и социальный «материал».

В фокусе нашего исследования беженцы-армяне Первой Мировой войны из Османской империи (травматические события, называемые в Армении Геноцидом армян 1915-1923 гг., Metz Eghern – бук. Большая резня) и спустя более 70 лет беженцы-армяне и ВПЛ из Азербайджана (этнические погромы этнических армян в контексте армяно-азербайджанского конфликта за статус Нагорного Карабаха). Этнографические штудии по конфликтам и вынужденным (бук. насильственным - forced) миграциям выявили модели того, как беженцы и/или ВПЛ заново изобретают новые идентичности, приоритеты и жизненные стратегии, чтобы совладать с травматическим переездом из своих привычных географических и социокультурных контекстов в новые места. Социальные роли и привычки часто кросс- и субкультурно различаются и могут быть или перемещены в новые условия в соответствии со старыми образцами, или трансформироваться в ответ на меняющиеся обстоятельства в новых сообществах. Беженцы из рухнувшей Османской империи, как и беженцы и ВПЛ из азербайджанских городов, в некотором смысле пострадали от культурного шока, будь то переезд закоренелых урбанитов в сельскохозяйственные районы или, наоборот, крестьян и колхозников в современные мегаполисы. Местное коэтническое принимающее население

каждой страны, несмотря на историческую дистанцию, разрыв – 1915 – 1988-91 - чаще всего видело в них аутсайдеров. С их точки зрения, беженцы потеряли значительную долю своей «армянскости» в процессе проживания в среде турок азербайджанцев в мультикультурной имперской Оттомании и соответственно в интернациональном советском Азербайджане (СССР также не раз определяли как империю, с той лишь разницей, что она строилась на иных идеологических принципах). Очень скоро в местах переселения формировались *политики различий*, часто имевшие своим результатом различные степени и слои социальных маргинализаций травмированных групп, которые накладывались на ранее пережитый в местах изгнания трагичный опыт. Иными словами, травматический опыт порождался различными социальными акторами, пересекаясь в многочисленных траекториях и размывая границы *Своего* и *Чужого*. Многократно перемалываясь в жерновах частной памяти, расширенная или нуклеарная семья (вос)производит *интимный* нарративный продукт, который постепенно трансформирует сознание молодого поколения. Этот семейный нарратив без конца воспроизводит травму, семейный «Армагеддон», в ходе многократного проговаривания оставляя метки как в сознании, психике, так и в случае с более brutальными и длительными истязаниями на ДНК. Изучение меток, «пятен», геномных мутаций поверх ДНК и составляют предмет молодой и дебатированной области эпигенетики, продвигаемой сегодня в странах, где проживает «эмпирический материал» - люди, пережившие множественные травмы и их потомки (совсем не обязательно проживающих в больших семьях или спаянных родственных группах).

Травма и идентичность в культурологии, психологии и антропологии. Изучение коллективной травмы также является одним из основных направлений культуросоциологии. В статье «Культурная травма и коллективная идентичность» профессор Йельского университета и основатель указанной дисциплины Джеффри Александер даёт следующее определение: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [38; с. 6]. Концепция автора заключается в необходимости дифференцировать «событие-первопричину» и травму как факт коллективного восприятия.

В целом, историки, работающие в этой области, также стараются избегать «ошибки натурализма», выявляя именно определенные «маркеры» травмы, представляющие собой символические механизмы. Однако несмотря на идентичный объект исследования, а также выделяемые для анализа критерии (этапы переживания горя, роль «жертвы и палача», причастность членов группы к событию), исторический фокус выявляет, как нам представляется, процесс переживания травмы, в то время как культурологический подход более подробно определяет характер её фиксации в повседневной жизни общества.

Измененная повседневность: конструирование травмы и механизмы ее преодоления (coping mechanism). Согласно теории травмы Джеффри Александера, травма имеет свои особенности и тенденции [4]. В частности, гендерные и возрастные различия – основа этих различий. Считается, что женщины и люди в возрасте сталкиваются с дополнительными трудностями в процессе изобретения способов и механизмов преодоления, заживления травмы [33; с. 353-37] [10; с. 2293-314], [3; с. 37-52], [35], [36; 994-1003.]. Однако, более ранние исследования ситуаций критических социальных катаклизмов привели к кардинально противоположным выводам: женщины гораздо быстрее и эффективнее преодолевают социальные стрессовые ситуации, чем мужчины. С одной стороны, в ходе сбора эмпирических данных обнаружилось, что, по всей вероятности, причинность лежит в плоскости особенностей рутинно-

го социального опыта женщин, сопряженного с заботой и уходом. В то же время этот вывод был в некоторой степени дискредитирован таковыми, сделанными из анализа биографических интервью женщин-беженок из Азербайджана: некоторые из них не просто заметно хуже справлялись с травмой погромов, но стресс часто приводил к болезни и смерти.

Наша предварительная гипотеза заключается в том, что эти женщины, которые чаще всего были в прежней жизни успешными домохозяйками и поднаторели в обеспечении так называемой «невидимой» репродуктивной работы, утратили именно поле, средоточие своей деятельности – свой дом как свою «вселенную», которому они не нашли компенсацию в новом месте. В такой ситуации молодые женщины преодолевали травму через выпестовывание матримониальных стратегий с целью обретения утраченного – дома.

Социальная теория коллективной травмы зиждется на травматических нарративах, которые выстраиваются вокруг следующих бесконечно повторяющихся тем: 1) травматическая память о *там и тогда* vs. *здесь и сейчас*, 2) утрата социального статуса и накопленных прежде символических капиталов, 3) потеря сбережений, собственности, недвижимости 4) эмоциональные потери: ностальгия по «родным» местам, ландшафтам, запахам, друзьям, соседям [27; с. 81-100.] Викимизированное сознание не просто преодолеть. Многие из участников исследования просто упустили все шансы для переезда в более комфортные для себя условия (например в Россию или в США по спецпрограмме), тем самым замыкая круг травмы, оставаясь в прошлом. Повторение травмы на новом месте переезда усугубляют травму, накладывая на нее новые слои мучительно болезненного опыта (Rena Hakopyan-Mailyan, Bagdassargova, город Раздан, Армения).

Механизм преодоления травмы, выработанный в том числе молодым поколением опосредованно травмированных (интимные нарративы), включает в себя воздвижение памятников (преодоление комплекса неоплаканной жертвы), ритуалы поминовения жертв (ощущение вины за то, что выжил), общение с людьми (по скайпу, телефону) и «артефактами» из прошлой жизни (многие из информантов плакали об утраченных фотографиях; рассказывали, как они методично реконструировали свой «старый мир», покупая утраченные предметы прежнего дома на достижимых «блошиных» рынках).

Коллективная и индивидуальная историческая память. Согласно социологу Морису Хальбваксу, коллективная историческая память отличается от исторической двумя главными чертами. Во-первых, в ней нет строгих делений на периоды, и четких причинно-следственных связей, присущих исторической науке. Память – это непрерывный ход мыслей, и она сохраняется только в сознании той группы, которая ее поддерживает. Забвение событий и фигур вызвано не антипатией, отвращением или безразличием, а исчезновением тех групп, которые хранили память о них. Другими словами, историческая память «конечна», она «умирает» с естественным уходом тех групп, которые являлись ее непосредственными или ближайшими носителями. Во-вторых, если история как наука стремится к универсальности, и при всех делениях на национальные истории и выделении периодов, есть только одна история, то разные варианты коллективной памяти существуют одновременно. Это определяется многогранностью идентичности человека – отнесением себя сразу в несколько социальных групп.

Вопрос о соотношении коллективной и индивидуальной памяти (включающей их исторический компонент) является одним из самых обсуждаемых по сей день. Морис Хальбвакс указывает, что автобиографическая память является продуктом социального взаимодействия. Однако, по мнению Мориса Блоха, это происходит потому, что индивидуальная интерпретация является весомым фактором в процессе передачи знания о прошлом: коллективная историческая память, в любом случае, становится автобиографической.

Заметим, что подобное постструктуралистское видение истории, как набора мнений о произошедшем событии (характерное для обеих концепций), сегодня вновь смещается в сторону выявления единого фактологического центра, которое и является базой для индивидуальной позиции. Нам представляется, что в этом вопросе большинство школ практической психологии идут в ногу с историей как наукой, работая с личным восприятием произошедшего события, при этом не игнорируя его объективную сторону.

Ввиду специфики профессий историкам редко удастся пообщаться с героями своих работ, как это удастся антропологам и социологам. Временной разрыв признана компенсировать История эмоций (Emotions History).

Историография и методология направления подробно описаны Яном Плампером в работе, которая с 2018 года доступна читателю на русском языке [44]. Новая дисциплина была основана на взглядах Люсьена Февра, и развивалась в антропологическом ключе. В последнее время исследователи обратились к достижениям нейронаук. «Эмоциональный поворот», произошедший в гуманитарных и общественных дисциплинах в начале 2000-х в России ознаменовался проведением конференции «Эмоции в русской истории и культуре», организованной Франко-русским центром гуманитарных и общественных наук и Германским историческим институтом, в апреле 2008 года в Москве. Вышедший сборник «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций» содержит ряд исследований отечественных ученых, который проводился на больших группах, в том числе на основе мемуарных источников [45].

Сегодня наличие огромного числа работ по истории эмоций с разным фреймингом не дает нам усомниться в возможности изучения эмоциональных и интеллектуальных сторон жизни человека в прошлом в различных пространственно-временных границах. Их спектр весьма велик: от истории интимных, личных подробностей [40], антропологических работ, посвященных территориально ограниченному эмоциональному культурам [21], до исследований в макроисторическом или глобальном ключе [6; с.86-106]. Большинство исследователей стремится, однако, продемонстрировать совокупность эмоциональных реакций или способов их выражения конкретной группой или индивидом, поэтому носят описательный характер.

Изучение психологических откликов группы или индивида на конкретные события (где отправной точкой является некий исторический факт или их совокупность, а психологические последствия – предметом исследования) встречается гораздо реже, ввиду более сложной методологии, неопределенного корпуса источников и наличия рисков, связанных с недоверенностью выводов. Последнее определяет и фрейминг исследования: в результате экстраполяции данных на большие группы, может снизиться качество доказательной базы причины явления, за это чаще всего критикуют психоисториков [44; С.115]. Но главную сложность в работах по определению психологических последствий конкретного события представляет собой необходимость отделения реакции на изучаемое явление от других реакций (например, как определить в эмоциональных реакциях смертельно больного эмигранта, что относится к последствиям отъезда, а что является симптомом болезни).

Определение личного отношения к социально-политическим процессам, историческим событиям, общественным тенденциям безусловно важно для формирования целостного образа личности и часто отображается в автобиографиях как жизненные истории, встроенные в уникальный повседневный контекст, а также эмоциональные реакции, отрывочные воспоминания, коллективные мифы. В связи с этим, особую актуальность приобретает вопрос запоминания, вспоминания («вызова» из памяти) и передачи (как горизонтальной, так и вертикальной – поколенческой), свидетельств об исторических фактах и явлениях. Именно эти

вспоминаемые элементы, этот богатый эмоциональный процесс и составляют основу индивидуальной исторической памяти.

Потенциально травмирующие события в автобиографической памяти. Для начала заметим, что эта дискуссия практически исключается при культурологическом подходе, когда оцениваются исключительно последствия событий (а не само событие). Запечатленное в памяти группы напрямую связано с характером произошедшего. Поэтому здесь мы будем пользоваться терминами «историческая травма» и «историческая память».

Под «исторической памятью», вслед за отечественным психологом И.А. Трегубенко, мы понимаем личностное образование, включающее индивидуальные исторические воспоминания, личностно значимые исторические события и целостный образ истории, который репрезентируется в метафорах [51]. (как например, метафора дома у беженцев из Баку и других городов Азербайджана; метафора незаменимой деревни с «кисельными и молочными берегами», с чудесными фруктовыми садами и деревьями, фрукты с которых сами спускались в рот – село Бардизак в Османской империи в представлениях бабушки Сары Мекджян). Конечно, каждый из этих элементов в разной степени влияет на осознанность и формирование ценностной структуры, однако, по мнению большинства исследователей, субъективная картина жизненного пути человека всегда соотносится с историческим развитием личности (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, И.С. Кон, Н.А. Логинова и другие). Уже А.Н. Леонтьев определял память современного человека как «продукт длительного исторического развития», подчеркивая роль социальной среды как центрального фактора развития, что было близко к определению «культурной памяти», описанной Л.С. Выготским и А.Р. Лурия.

Один из ведущих исследователей автобиографической памяти и автор указанного термина, профессор психологии университета Дьюка Дэвид С. Рубин в середине 1980-х годов разработал структуру и выделил компоненты автобиографической памяти [19]. В своих работах он устанавливал, в числе прочего, корреляцию возраста человека и частоты воспроизведения воспоминаний из определенных фаз жизни (при этом учитывая возраст, при котором происходило событие). Психологи пришли к выводу, что относительная значимость подросткового возраста в воспоминаниях взрослых и пожилых людей обуславливается значимостью формирования идентичности в подростковом возрасте.

Тем не менее, психологические исследования, отражающие причины, принципы и частотность встраивания исторических событий в личную автобиографию начали проводить только в 2000-х, в то время как феномен исторической памяти изучается уже столетие. В.В. Нурковой были разработаны и стандартизированы методики, подходящие для изучения указанного феномена. Часть из них ориентирована на определение метафорического и ассоциативного образов личной, семейной и государственной истории среди групп, различающихся по классическим признакам (уровень образования, возраст, гендер). Другие – способствовали выявлению различий в количестве указываемых исторически значимых событий в разных возрастных группах и различий в отношении к историческому прошлому страны. На основе проводимых исследований, психологи выдвинули предположение, что в возрастном периоде «пика воспоминаний» (период 16-28 лет) субъект приобретает максимальный объем исторического опыта. Кроме того, чем более насыщенным в социально-политическом плане был этот период, тем большее количество исторических событий респондент встраивает в собственную автобиографию.

Согласно исследованию В.В. Нурковой, некоторые испытуемые включали в свою личную биографию политический арест близкого родственника (в конце 1930-х, или в период «позднего сталинизма»). Однако мы не можем утверждать, что постоянный страх ареста и отсутствие его наступления было менее травматично, или, тем более, менее значимо для совре-

менника репрессивного процесса. При этом, страх или измененная повседневность характерная для определенного исторического периода не являются «событиями», а, следовательно не могут быть представлены ни к шкале «линия жизни», ни в методике «значимые исторические события» (с учетом стандартного понимания испытываемым значения слова «событие»).

Специфику переживания больших и малых российских войн XX века подробно охарактеризовала Сенявская Е.С. (1999). Автор указывает, что из-за обилия вооруженных конфликтов в период между двумя мировыми войнами, страна находилась в состоянии «взведенного курка», а «психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – как реального, так и потенциального» [48; с. 7]. Её выводы подтверждают, что значимые автобиографические события часто происходили на фоне не менее значимых исторических процессов, что не попадает в поле зрения современных исследователей-психологов.

Идеологические основы «работы» памяти. Вряд ли кого-то следует убеждать, что война пробуждает в человеке его худшие качества, делая его день за днем все более резистентным к насилию и жестокости. Следует отметить, что это некие универсальные постоянные, которые заложены в природе человека (историк, специалист по исследованиям геноцидов Норман Наймарк). История фронтальных войн и face-to-face убийств отходит в прошлое, но еще не завершилась. Среди ученых, исследующих социальную память, тезис о том, что коллективная память является строительным материалом для формирования самосознания и мета-нарративов, цементирующих социальную солидарность – общее знание. Память начинает играть роль мобилизационного ресурса, и складывается впечатление, что чем драматичнее эта память, тем «привлекательнее» нарратив. Неописуемые труднопроговариваемые ужасные события, такие как погромы и коллективные убийства, совершенные во время этнических беспорядков и войн, обычно укореняются в коллективной памяти и способствуют формированию групповой социальной идентичности. Как сардонически заметила Клейн (Klein) после кровопролитных войн двадцатого века мы имеем дело с «новой материализацией памяти», которая обосновывает возвышение памяти до статуса исторического агента, и, таким образом, мы вступаем в новую эпоху, когда «архивы помнят, а статуи забывают» [13]. Эти процессы были описаны учеными, и Вамик Волкан концептуализировал эту «работу» в поисках скорбного нарратива как избранная травма (*chosen trauma*) [34], которая усилиями политических акторов институционализирует коллективную память (Среди них Виктор Шнирельман, Алейда Ян Ассман (Aleida Asseman), Виктор Рудометов (Victor Roudometof), Пьер Нора (Pierre Nora), Николь Лонгобардо (Nicole Longobardo), Арутюн Марутян (Harutyun Marutyun), Ракель Андерсон (Rachel Anderson), Крейны (Paul, Susan Crane), Виктор Копосов, Нида Бикмен (Nida Bikmen). Траур по коллективным потерям уподобляет травму с культурными, этническими и религиозными ритуалами.

С одной стороны, мы как авторы, хотели бы избежать воспроизведения «разрушительного повествования о виновности» (“destructive narrative of culpability”), обсуждая, какие факты у нас есть и что рассказывают очевидцы, с другой стороны, выборочное толкование истории приводит к дегуманизации каждой стороны. Американский историк Норман Наймарк, Университет Стэнфорда, анализируя геноциды в мире, в том числе древние, называет дегуманизацию одним из ключевых этапов геноцида. Несмотря на универсальность страданий и эмоций, связанных с этим (С. Руддик), индивидуальное восприятие насилия и травм, вызванных этническими чистками и геноцидом, является множественной стигматизацией и перегружено двойными стандартами [12].

Соревновательность в конструировании своих собственных коллективных травм часто связывают с параллельными процессами: пестованием национальной идентичности и доктринального гранд-нарратива и политтехнологиями правящих элит/режимов. Азербайджан-

ская пропагандистская машина, как иллюстрация, активно использует трагедию Ходжалы для (вос)производства внешней угрозы, для подпитывания образа врага в лице армян, точно также как призрак геноцида армян преследует сегодня армян, формируя один из стержней идентичности. Как и в случае с мобилизацией глобального армянства вокруг травмы 1915 г. [23], Ходжалы стал иконой «азербайджанизма» [28], собирательным образом азербайджанского национального мученичества (шахидизма). Образ турка(=азербайджанца)-врага также служит в качестве быстрого мобилизационного механизма, мгновенно солидаризируя практически всех граждан под знаменами уважения к невинным жертвам геноцида армян 1915 г от рук турок. *Экстернализация* врага помогла в выстраивании идейной доктрины (обеспечение от внешнего врага) правящим элитам, как в Азербайджане, так и в Армении-Карабахе. В этом высокая функциональность такого рода стратегических дискурсивных игр (идеально описаны американским политологом В. Рино на примере африканских стран) [14; с. 43-68.]

Однако, существуют и центростремительные силы, которые ставят в приоритет моральные императивы против отточенного доминантного гранд-нарратива национальной гордости. К такого рода индивидуальным и массовым акциям относится серия мероприятий и протестов, организованных турецкой общественностью в 2009-2016 гг., включая деятельность интеллектуального центра Анадолу Кюльтюр во главе с посаженным в 2016 г. Османом Кавала. [26], [56] (в случае с Холокостом есть пример Нормана Франкельштейна, критикующего еврейские организации).

Так или иначе, такое поведение потомков, условно говоря, «палачей» или инертных «наблюдателей» похоже на выработку стратегий преодоления унаследованной травмы «палача», целительная формула, возможно, более важная для «палача» и его отпрысков, чем для принимающего слова извинения и покаяния потомков «жертв». Исцеляющий эффект покаяния на последних слабо изучен и ждет своего часа.

Эпигенетика в изучении травматического опыта. В заключение мы хотели бы сделать акцент на том, что индивидуальную и коллективную память с травматическим опытом и его биологическими «метками» связывает относительно новая область знания – эпигенетика. Приставка эпи- означает «поверх» ДНК, гена. Эпигенетика – очень спорная и живо дискутируемая область исследования и от этого только еще более захватывающая и манящая (см. перекрестные международные исследования Изабель Мансуй, Университет Цюриха; Доры Коста UCLA; Брайана Диаса, Университет Эмори; вышеупомянутой Рейчл Йеуда, Институт Синай, Нью Йорк).

Эта новая область знания балансирует на грани социальной антропологии и нейронауки, в частности нейрофизиологии, которая не слишком устойчиво и твердо, но все же установила следующую причинно-следственную связь: в био-организме выживших после Холокоста имеет место некое подобие «мутации гена», когда собственно сам код ДНК не меняется, а модифицируется экспрессия генов (через метилирование генома). Крошечные метки добавляются или удаляются из нашей ДНК в ответ на изменения в среде, в которой мы живем. Рейчл Йеуда, сама будучи потомком выживших в концлагерях родителей, знала о Холокосте не понаслышке. Релевантная комбинация ученых степеней биолога и психолога в сочетании с многолетней работой в Нью-Йоркских средних школах в качестве школьного психолога привели ее к выведенному эмпирически заключению, которое совершило прорыв в этой области: эпигенетические изменения гена, связаны с уровнем кортизола (гормона стресса). Наибольшая вероятность поражения была связана с переживанием травмы женщиной в третьем триместре беременности [31]. Дело в гормоне кортизол, который остается сниженным и мешает выжившим вернуться к эмоционально нормальной жизни после перенесенной травмы, причем уровень кортизола еще более снижен у переживших ПТСР [29]. Эти ретроспек-

тивные исследования Р. Йеуда протестировала во время взрыва Башни-близнецов в бизнес-центре Нью Йорка 9 сентября 2001 г. Валидность открытия подтвердилась.

Итак, может ли травма быть долгосрочной? Как жизненный опыт наших родителей влияет на нашу физиологию и психическое здоровье, если такое влияние вообще возможно? К всеобщему изумлению, ответ на первый вопрос положительный. Трудная, конфликтная память о пережитом травматическом опыте может передаваться «по наследству», причем как через эпигенетические изменения, так и посредством повторяющихся семейных нарративов. Хорошая новость заключается в том, что ответ на следующий вопрос - обратимо ли эпигенетическое влияние – тоже положительный. Секрет возвращения к здоровому состоянию, согласно исследованиям международного коллектива ученых, кроется в когнитивно-поведенческой терапии.

Разумеется, этот способ подходит для работы с травматическим опытом, полученным в результате исторического события, индивидуально или в комплексе семейной терапии, а для работы с большими группами наиболее приемлемым вариантом остается привычное подержание государством неофициальных комеморативных практик. Однако мы надеемся, что в скором времени появятся разработки психологов для решения вопросов такого масштаба.

Библиографический список:

1. Adair J., Vogt E. Navaho and Zuni Veterans: a Study of Contrasting Modes of Culture Change. *American Anthropologist* October-December, 1949 New Series, Vol. 51 # 4, Part 1. pp. 547-561.
2. *Advances in the Treatment of Posttraumatic Stress Disorder. Cognitive-Behavioral Perspectives.* 2004. ed. Taylor S. Springer Publishing Company
3. Affolter, Friederich W.; Findlay, Henry J. (2002). "Assessment of Mobilization and Leadership Challenges in Azerbaijani IDP and Refugee Camps". *Convergence*, 25(4), 37-52.
4. Alexander. J. Trauma. A social Theory. 2012
5. Butler, Judith. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. Verso 2006
6. Balibar E. The Nation Form: History and Ideology // Balibar E. Wallerstein I. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. London: Verso, 1991. P.86-106, о «духовной сущности» нации.
7. Beisel, David. Teaching Psychohistory. *The Journal of Psychohistory* 25 (4) Spring 1998.
8. Beyond Trauma. Cultural and Societal Dynamics, 1995. Kleber R., Figley Ch., Gersons B. Plenum Press. NY and London
9. Dalia Ofer (Hebrew University, Jerusalem): Women Survivors of the Holocaust in Israel: From Destruction to Reconstruction: Experience and Memory; Zoë Waxman (University of Oxford) 'The Anne Franks who survived rape don't write their stories': sexual assault, testimony, and the Holocaust. Forthcoming in *After Genocide: Memory, Trauma, and Reconstruction* (Nona Shahnazarian, Carol Mann, Laurence Ritter, and Pavel Avetisyan, eds.) Yerevan: Armenian Academy Press 2020.
10. De la Sablonnière, Roxane; Tougas, Francine (2008). "Relative Deprivation and Social Identity in Times of Dramatic Social Change. The Case of Nurses". *Journal of Applied Social Psychology*, 38(9), 2293-314.
11. Do Jews Carry Trauma in Our Genes? A Conversation With Rachel Yehuda. The innovative neuroscientist discusses how the Holocaust, famine, and other catastrophic experiences can affect our DNA.
12. Dramas and psycho-cultural interpretations of ethnic conflicts are scrutinized by Marc Howard Ross.
13. Duncan S. A. *Bell* Mythscapes: memory, mythology, and national identity. The category of mythscape emerged so that to convey the fluidity of the myth-constructing process. (2000)
14. Externalizing the enemy: Reno, William. 2000. "Shadow States and the Political Economy of Civil Wars." *Greed & Grievance Economic Agendas in Civil Wars* by Mats Berdal David M. Malone. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers: 43-68.
15. Foster A. And Beck B. 2003. Post-Traumatic Stress Disorder and World War II. In: *Life after Death*.

- Approaches to a Cultural and Social History of Europe during the 1940s and 1950s. Ed. Bessel R., Schumann D. German Historical Institute Washington DC and Cambridge University Press. p.20.
16. Frie, Roger. History follows through us: Germany, the Holocaust, and the importance for empathy. NY: Routledge, 2018
17. Figley, C. R. Stress Disorder among Vietnam Veterans: Theory, research and treatment. NY/ Brunner/Mazel, 1978
18. Glenn Misha. The Fall of Yugoslavia: The Third Balkan War (1992), Glenn Misha Nemesis: One Man and the Battle for Rio (2015)
19. Habermas, T. (2005). Autobiographisches Erinnern. Remembering our past: Studies in autobiographical memory. Cambridge: Cambridge University Press. 1996.
20. International Biography Initiative by Dr. Shalin - professor of sociology; director of the UNLV Center for Democratic Culture etc., где используются методы дифференциальной психологии,
21. Lutz C.A. Unnatural Emotions (полевое исследование на атолле Ифалик).
22. Morrock, Richard. The psychology of genocide and violent oppression: a study of mass cruelty from Nazi Germany to Rwanda. 2010. – 254 p.
23. Marutyan H. (2009) Iconography of Armenian Identity: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement. Vol. 1. (Yerevan.)
24. Melkonian M., Melkonian S. (2007) My Brother's Road: An American's Fateful Journey to Armenia. London. New York: Tauris.
25. Monica Sharma, MD. Transforming collective trauma Around the Globe. Collective Trauma online Summit. Oct. 12-20 2019. <https://collectivetraumasummit.com/>
26. Nona Shhnazarian “Breaking the Nation’s Taboo. The Mets Eghern, Apology Movement, and Turkish Intellectuals”, PONARS Eurasia Policy Conference. Policy Memo No 86, Washington, D.C. September 27, 2009.
27. Perzanowski, Andrzej. Narrative and communicative dimensions of cultural otherness. In Exploring home, neighbouring and distant cultures. Eds. Mroz L.&Posern-Zielinski A. University of Warsaw. Wydawnictwo DiG: Warsaw. 2008. Pp. 81-100.
28. Sabir Akhundov (Сабир Ахундов) “Azerbaijanism” 2 August 2016 <https://www.opendemocracy.net/en/odr/azerbaijanism/>
29. Tori Rodriguez on March 1, 2015. Descendants of Holocaust Survivors Have Altered Stress Hormones Parents' traumatic experience may hamper their offspring's ability to bounce back from trauma. Scientific American MIND Mental Health.
30. The Posttraumatic Self. Restoring Meaning and Wholeness to Personality. 2006. Ed. J. P. Wilson. Routledge NY London; Post-Traumatic Stress Theory. Research and Application. 2000. Ed. J. Harvey, B. Pauwels Brunel/Mazel
31. Trauma’s epigenetic fingerprint observed in children of Holocaust survivors. – Internet (sciencedaily.com), 01.09.16.
32. Trauma, Transformation and Healing. 1989. J. Wilson. Brunner/Mazel. NY.
33. Van Zomeren, Martijn; Spears, Russell; Leach, Colin W. (2008). “Exploring Psychological Mechanisms of Collective Action. Does Relevance of Group Identity Influence How People Cope with Collective Disadvantage?”. *British Journal of Social Psychology*, 4, 353-37.
34. Volkan: “...Chosen traumas are rooted within the psychological framework of individual mourning”
35. WPRC, Women’s Political Resource Center (2012). Promoting IDPs’ and Women’s Voices in Post-Conflict Georgia. Columbia: Columbia University.
36. Wright, Stephen C.; Taylor, Donald M.; Moghaddam, Fathali M. (1990). “Responding to Membership in a Disadvantaged Group. From Acceptance to Collective Protest”. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58(6), 994-1003.
37. Александр, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. М.: Социологический журнал. 2012. №3
38. Аникин, Д.А. Головашина, О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. //Вестник Томского государственного

- университета. 2017. № 425. С. 78–84.
39. Жуков, Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена. *I n e t e r n u m*. 2013. n1. С.8 со ссылкой на Volkan Vamik D. Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. New York: Farrar, Straus & Giroux. 1997
 40. Зорин, А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века / Андрей Леонидович Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.: ил. (Серия «Интеллектуальная история»)
 41. Мкртчян, Диана. «Школьный дневник», 1988 г.
 42. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Зал. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «Кучково поле» 2003. – 464 с.
 43. Нуркова, В.В. Социальное прошлое в индивидуальной памяти. М.: 2009
 44. Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
 45. Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахад и Марка Эли. Москва: НЛЮ, 2010. 511 с.
 46. Рэддеманн, Л., Стасинг, Я. Воображение / Пер. с нем. – Харьков: изд-во «Гуманитарный центр», 2019.
 47. Сениявская Е. Войны 20 столетия: социальная роль, идеология, психология. <http://archive.1september.ru/his/1999/his43.htm> Дата просмотра 19.08.2006.
 48. Сениявская Е.С. Психология российских участников войн XX века. М., 1999
 49. Трубицына Л.В. Процесс травмы. – 2-е изд., исправленное. М.: Смысл, 2019.
 50. Травма: Пункты. Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. Москва: НЛЮ, 2009.
 51. Трегубенко И.А. Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути. Автореферат диссертации. СПб, 2012.
 52. Фромм Э. Революция надежды. В кн: Психоанализ и этика. М. «Республика». 1993.
 53. Шахназарян, Нона. Мальчики-мажоры карабахской войны: жизненные истории военной молодежи. Онлайн (15.09.2020)
 54. Шахназарян Н. В тесных объятиях традиции... сс. 158-190. 2011
 55. Шахназарян Нона, Ермолин Денис. Соседство и истории спасения в сравнительной перспективе: Карабахский и Косовский конфликты. Журнал Этнография. 2018. Кунсткамера.
 56. Шахназарян Нона Дорогие соотечественники... “Dear Compatriots ... Déjà vu космополитизма”. “Review: Hrant Dink Memorial Workshop, May 27-29, 2010”, Bulletin of the Armenian Center. Krakow, 2010 (translated by I. Bocenska).

Сведения об авторах:

Артёмов Софья Владимировна. Историко-архивный институт и ИП им. Выготского Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва. artemovasofyavl@gmail.com

Шахназарян Нона Робертовна. Кандидат социологических наук, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Армения; Центр независимых социологических исследований, СПб, Россия. nonashahnazar@gmail.com

УДК 316"1914/1918, 1939/1945"

И.В. Алфёрова, В.Ф. Блохин, А.И. Богомолов, М.М. Рудковская, О.А. Симонова

**«ЧТО МЫ ПОМНИМ, А ЧТО СТАРАЕМСЯ ЗАБЫТЬ
НА УРОВНЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ?»
(НА ПРИМЕРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
О ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙНАХ)**

*«Единственный мой герой,
который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда»
(Л.Н. Толстой)*

*Полезная ложь лучше бесполезной правды
(Французская народная мудрость)*

Аннотация. В статье на примере некоторых эпизодов коммеморации двух мировых войн рассматривается специфика формирования коллективной памяти в России. Авторы подчеркивают, что генерализующий дискурс общенациональной памяти задается, как правило, государством, что определяет содержание, способы коммеморации и повестку историографических исследований. Официальный дискурс памяти определяет и другие «голоса» – память специфических групп и индивидов. Не претендуя на исчерпывающий обзор всех имеющихся тенденций, авторы постарались осветить основные конфигурации умолчания, а также те фигуры, нарративы, мифы и факты, которые входили в публичный дискурс и задавали тон коммеморации о Первой и Второй мировых войнах в России частично в советский и постсоветский период. Учитывая сконструированный характер официальной коллективной памяти, авторы продемонстрировали, как использовались и используются государственными институтами риторические во многом приемы акцентирования героического и трагического для решения политических задач и консолидации общества. Таким образом, по мнению авторов, реализуются социальные функции коллективной памяти, прежде всего легитимация политического режима, социальная интеграция, наделение смыслом событий прошлого.

Ключевые слова. Коммеморация, коллективная память, героическое, образ героя, трагическое, Первая мировая война, Вторая мировая война.

Alferova I. V., Blokhin V. F., Bogomolov A. I., Rudkovskaya M. M., Simonova O. A. «What do we remember and what do we try to forget at the level of national memory?» (based on examples of the official memories about the First and Second World Wars)

Abstract. The article examines the specifics of the formation of collective memory in Russia on some examples of commemoration about of the First and Second World wars. The authors emphasize that the generalizing discourse of national memory is largely set by the state, and the state determines the content, the ways of commemoration, and the agenda of historiographic research. The official discourse of national memory also includes other «voices» – the memory of specific groups and individuals. Without pretending to provide an extensive overview of all available tendencies at the level of national memory the authors tried to highlight the main patterns of «silence», as well as the leading figures, narratives, myths and facts in public discourse in commemoration process about the First and Second World Wars in Russia during the Soviet and post-Soviet periods. Taking into account the constructed nature of official collective memory, the authors demonstrated how state institutions have been using and continue to use the mainly rhetorical techniques of emphasizing in official memory discourse the heroic and tragic events, figures, features etc. in order to solve political problems and consolidate society. So, according to the authors, the social functions of collective memory are realized – the legitimation of the political regime, social integration, imparting meaning to the events of the past.

Keywords. Commemoration, collective memory, Heroic, hero image, Tragic, World War I, World War II.

Введение.

Сложность исследования коллективной памяти и специфика изучения памяти в России

В свое время еще Дж. Оруэлл в романе «1984» в художественной форме убедительно показал, как «тоталитарное общество формирует прошлое в соответствии с конъюнктурой интересов власти, подавляя взрывчатую силу личных воспоминаний» [2, с. 19]. Современные исследователи памяти приходят к выводам, созвучным оруэлловским. Так, немецкий историк А. Ассман отмечает: «В тоталитарных обществах коллективную память творит и контролирует государство, а в демократическом обществе конструи-

ирование коллективной памяти осуществляют сами граждане, деятели культуры и искусства, политические партии и особенно СМИ» [2, с. 20].

Избегая дихотомии «тоталитарное/демократическое» применительно к оценке характера современного российского государства, тем не менее мы считаем возможным согласиться с тезисом А. Ассман, что «конструкции памяти <...> всегда формируются под воздействием определенной конфигурации власти и продиктованы насущными потребностями современности» [2, с. 24]. Этот тезис в высокой степени применим к изучению и общему пониманию коллективной памяти в России, где этатистские определения прошлого всегда занимали доминирующую позицию, определяя и содержание, и способы коммеморации, включая повестку историографических исследований. Сегодня тем более актуальны научные исследования процессов коммеморации, поскольку в России при утрате идеологического коммунистического образа будущего, национальное самоопределение выстраивается прежде всего на «героическом и великом прошлом» России. Коллективная память в России, можно сказать, имеет значение практически во всех контекстах социальной жизни, задавая основные смыслы и настроения населения, например, «обиду» на другие государства, «гордость» за героическое прошлое, «скорбь» о погибших, «возмущение» общей несправедливостью относительно групп, граждан, оценкой событий и др. Поэтому мы в своей работе хотели бы затронуть прежде всего *официальный дискурс памяти*, во многом определяемый государством и во многом определяющий другие «голоса» – народный дискурс памяти, память отдельных специфических групп и индивидов (например, групп ученых, интеллигенции, очевидцев и др.).

Для иллюстрации изложенного мы решили обратиться к некоторым эпизодам коммеморации двух мировых войн, коренным образом изменивших ход всемирной истории и актуализировавших проблему памяти в исследованиях второй половины XX - начала XXI вв.

При этом заметим, что существует много различных подходов для изучения такого феномена как «коллективная память» [2, 13, 14, 16], но для ясности можно выделить две группы исследований, которые признают это понятие: 1) это подходы, опирающиеся на субстантивистское определение памяти, как объективно существующее явление, оказывающее существенное воздействие на картину мира и 2) подходы, концентрирующиеся скорее на процессуальном характере памяти, признающие множественность, сложность, постоянно конструируемый характер коллективной памяти, которая существует скорее в практиках коммеморации, ее изменчивость. Мы занимаем «срединную позицию», учитывая и объективные аспекты памяти, и субъективные, смысловые аспекты, а также множественность субъектов ее формирования, аудиторий, нарративов памяти, механизмов, способов передачи памяти и пр. Также мы не будем затрагивать сензитивную границу между «политикой памяти» и собственно «коллективной памятью», поскольку здесь имеет место «бесшовное» соединение, то есть очень часто само конструирование памяти уже связано с определенными действиями в разных сферах политической жизни общества.

В данном случае пойдет речь о разных публичных или официальных нарративах, которые создавались политическими, научными, медийными и литературными агентами коллективной памяти. Немаловажно отметить, что исходная точка формирования этих нарративов во многом находится не в прошлом, а задается политическими, социальными, культурными условиями сегодняшнего дня. Еще раз подчеркнем, что генерализующий дискурс общенациональной памяти задается, как правило, государством. Таким образом выстраивается общий дискурс национальной памяти, исходя из политических потребностей государства, которое опирается на уже существующий в обществе набор групповых идентичностей, социальных и культурных стереотипов, и прежде всего на наиболее влиятельные в этом обществе группы. Те события и персоны, которые не укладываются в рамки выстраиваемого нарратива, в него

не попадают, не упоминаются, продолжая существовать в рамках групповой памяти и групповой идентичности за пределами, в лучшем случае «на полях» общего дискурса национальной памяти. Поэтому мы, ни в коей мере не претендуя на исчерпывающий обзор всех тенденций, постараемся осветить основные конфигурации умолчания и те фигуры, нарративы, мифы и факты, которые акцентировались, входили в публичный дискурс и задавали тон коммеморации в целом о Первой и Второй мировых войнах в России частично в советский и постсоветский период.

Проблемные вопросы формирования коллективной памяти

Конструирование официального дискурса коллективной памяти о мировых войнах ставит перед субъектами формирования памяти, прежде всего перед государством (а также перед исследователями, но в другом ключе) следующие проблемы, от решения которых зависит содержание, способы передачи памяти, ее функции, ее политическое воздействие и общественный резонанс.

- Выбор событий, попадающих в «генеральный» нарратив общенациональной памяти, определяется правящими политическими элитами, исходя из их политической программы и потребности консолидации и политической мобилизации общества.

- Как правило, наиболее подходящим для этого нарратива стилем повествования является героический или героизация (так называемый «героический троп» в терминологии Х. Уйата), который предусматривает наличие героев, подвигов, преодоления.

- Вместе с тем, важно отметить, что упомянутый «героический троп» при всем его удобстве как инструмента мобилизации общества, не является ни единственным, ни преобладающим в рамках индивидуальных и групповых идентичностей, составляющих общество в целом, но имеет важнейшее значение для консолидации общего нарратива памяти.

- Индивидуальная память непосредственных участников событий, семейная память, память социальных групп хранит не только воспоминания о подвигах и героизме, но также о жертвах, потерях и множественные детали негероической повседневности, маркируемой как неинтересная (М. Хальбвакс). Здесь для нас будут важны процессы виктимизации, драматизации и трагического в общем нарративе памяти.

- Потенциальный конфликт формирующегося генерального дискурса с «частными» дискурсами социальных групп может в кризисные моменты разрешаться включением наиболее влиятельных элементов общественного дискурса, которые могут послужить консолидации общества, в состав вышеупомянутого генерального (так, например, в июле 1941 г. обращение И.В. Сталина к советскому народу, начинавшееся словами «Братья и сестры...», маркировало переформатирование «генерального» нарратива из узкоклассового в общенациональный).

Таким образом, в примерах или кейсах официального нарратива коллективной памяти нас будут интересовать аспекты героизации и драматизации, которые имели изменчивый характер в зависимости от периода российско-советской истории, что поможет нам осветить то, что умалчивалось, а что преподносилось в качестве истины и акцентировалось. Есть основания полагать, что героизация и драматизация как риторические приемы конструирования памяти применяются и изменяются в зависимости от насущных общественных проблемы того или иного периода, обеспечивая в конечном итоге легитимацию режима и интеграцию общества.

Примеры формирования коллективной памяти о Первой и Второй мировых войнах: героическое и трагическое как сензитивные точки коммеморации

Итак, сосредоточимся на некоторых конкретных кейсах формирования памяти о мировых войнах как примерах инструментализации нарративов в рамках общенациональной памяти.

Первая мировая война

Первая мировая война была вытеснена из исторической памяти советских людей (а затем и последующих поколений) событиями 1917 г. и Гражданской войной. Оказавшись на периферии общественного сознания, мировая война утратила все позитивные героические оценки, превратившись в непонятную по своим целям и результатам. Однако, изучая документы эпохи, можно интерпретировать способы политизации происходившего на фронтах войны, которому предстояло стать «прошлым» в рамках коллективной исторической памяти народа.

Главным из документов в этом аспекте является периодическая печать – основное средство коммуникации власти и населения того времени. Многие газеты с началом Первой мировой войны пытались определить начавшуюся войну как «вторую отечественную» и оборонительную, хотя границы России не были нарушены и «оборонять» Отечество в первые месяцы войны пришлось на территориях Германии и Австро-Венгрии [4, с. 7]. Этап урапатриотизма и «очарования» войной (август 1914 г. – январь 1915 г.) вслед за официальным дискурсом характеризовался для российской печати активным формированием «образа врага». Изначально закладывалась основа для морального оправдания предстоящих действий, характер и успех которых еще не представлялось возможным предвидеть. Заручиться общественным одобрением можно было на противопоставлении себя коварному и беспринципному врагу. «Обязательной» для того времени становится критика всего немецкого [9].

При этом тема «страдания и траура» на тот момент выступила в качестве попыток консолидации различных частей населения Российской империи. Так, по замыслу штаба Верховного главнокомандующего, описание зверств немцев и австрийцев на территории Галиции должны были изменить отношение польского населения в пользу русской армии [6, с. 57]. В газетах и журналах развернулась кампания по освещению реальных и мнимых эпизодов войны, связанных с этой проблемой. В остальном же тема «страдания и жертв» имела ограниченный дискурс, и печать больше уделяла внимание «героическому».

Первым георгиевским кавалером и «официальным героем» этой войны стал казак Козьма (Кузьмы) Крючков. Его подвиг получил широкое освещение в печати. Были задействованы и другие методы: «Были выпущены специальные плакаты, портрет Крючкова тиражировался на открытках, пачках папирос, на обертке конфет «Геройские» [1, с. 69]. Таким образом, штаб Верховного главнокомандующего поспешил через периодическую печать представить в качестве объекта почитания героический образ участника начавшейся войны. В этой ситуации, однако, пришлось замалчивать факты мародерства и жестокости казаков в отношении местного населения на оккупированных территориях, вследствие чего немцы и австрийцы перестали брать в плен казаков, убивая их на месте. Уже к началу 1915 г. глубокое разочарование постигло тех, «кто представлял войну в виде легкой прогулки с возможными столкновениями с неумелыми противниками, легко нанизываемыми на казацкую пикку» [5, с. 17].

В мае 1915 г., с началом «Великого отступления», штаб Верховного главнокомандующего стал напрямую настаивать на активном использовании публикаций периодической печати, «очерчивающих» отрицательные черты противника [12, л. 109], знакомство солдат с которыми «будет способствовать развитию в них чувства глубокой ненависти к врагу, а вместе с тем подчеркнет все отрицательные стороны попадания в плен». К категории подобных примеров штаб относил «многочисленные случаи жестокого обращения с пленными, отношение к мирным жителям, женщинам и детям, систематическое умышленное потопление пассажирских пароходов, применение самых бесчестных низких приемов и средств борьбы...» [12, л. 109 об.] Синхронно, за малым исключением, в отечественной печати происходил и отказ от воинственности и на первое место выходила проблема жертвенности.

Чуть раньше, в апреле 1915 г. Николаем II был утвержден проект создания «Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками» [3, с. 38]. Материалы, собранные в ходе ее деятельности, предполагалось распечатывать в виде брошюр, которые должны были стать важной составляющей «психологической мобилизации» российского населения. Кроме того, их предполагалось использовать в послевоенное время на международных конгрессах при предъявлении претензий о нарушении прав граждан, а также для возмещения убытков, понесенных отдельными гражданами и страной в целом. Однако в работе комиссий в годы Первой мировой войны возникали определенные трудности, что было связано со случайным набором материала, отсутствием убедительных фактов и неопровержимых доказательств [3, с. 39-41].

Таким образом, героический троп освещения войны был «разбавлен» элементами драматического. Считаем возможным высказать предположение, что тема «страдания и траура», несомненно, имеющая сильное консолидирующее влияние, становится гораздо актуальнее для политики памяти в тех случаях, когда стихает «триумф и успех», когда проблема консолидации на фронте и в тылу обретает обостренный характер, в ситуациях, кризисных для существования общества и государства.

Вторая мировая война

Бессмертный полк

Ярким примером актуализации памяти о Второй мировой войне в условиях постсоветской России и взаимодействия генерального дискурса общенациональной официальной памяти и памяти различных социальных групп может служить акция «Бессмертного полка», появившаяся как общественная инициатива, быстро ставшая популярной и «подхваченная» государством. При этом сама институция «Бессмертного полка» как социальная манифестация памяти претерпела существенные изменения.

На официальном сайте «Бессмертного полка» размещен его официальный слоган: «ОНИ ДОЛЖНЫ ИДТИ ПОБЕДНЫМ СТРОЕМ В ЛЮБЫЕ ВРЕМЕНА». Ключевые слова здесь «победным строем» и «любые времена». Однако в этом году шествие, которое традиционно проходит 9 мая, перенесли из-за распространения коронавирусной инфекции. Предварительно, оно должно было состояться 26 июля (День Военно-морского флота), но организатор выступил за отмену и полноценное проведение мероприятия в следующем году. По словам президента РФ: «...такие мероприятия нельзя проводить ценой жизни и здоровья людей <...> в следующем году шествие пройдет "широко, мощно, по достоинству, красиво, так, как мы это можем делать и как делаем"» [11]. Таким образом, или «широко, мощно», или «никак».

На наш взгляд, пример из сегодняшнего дня достаточно красноречиво указывает на акторов политики памяти в Российской Федерации, которые определяют механизмы формирования национальной памяти (если согласиться с некоторыми оговорками с существованием этого феномена), обозначают «места памяти» и «белые пятна» этого социального конструкта. «Бессмертный полк», безусловно, сложнейшее социальное явление, которое требует более детального исследования, но на его примере можно рассматривать не только агентов коллективной памяти, но и глубоко противоречивый характер памяти – этот ритуал и социальное движение включает и траур по погибшим, и героизацию «великой жертвы» советского/российского народа, героизацию простого солдата, сочетание официального дискурса и различных вариантов групповой и индивидуальной памяти, а также собственно демонстрирует функции социальной памяти в виде консолидации населения (конечно, в различных формах).

Образ жертвы, виктимизация

Опыт создания информационной базы о преступлениях врага на оккупированных территориях оказался востребован в годы Великой Отечественной войны. Так, 25 февраля 1942 г. появился приказ НКВД СССР, согласно которому сведения о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков следовало направлять в ведомственные архивы НКВД [7], а в ноябре 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была создана «Чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Комиссия должна была осуществить максимально полный учет нанесенного стране ущерба, а также обеспечить «установление личностей немецко-фашистских преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на оккупированной советской территории, с целью предания этих преступников суду» [8].

Однако в 1942 г. при оценке сбора сведений на территории всех оккупированных областей (этим занимались в основном партизанские отряды) выяснилось, что эта работа проводилась без единого плана, а, следовательно, собранные материалы «использовать для пропаганды, а особенно после войны почти невозможно» [10]. Уже в марте 1943 г., было решено подготовить подробные инструкции, которые в дальнейшем и стали основными документами для проведения расследований военных преступлений.

Эти инструкции являются основополагающими для понимания, какие именно из преступлений, совершенных нацистскими войсками, были определены для предъявления им обвинений на предстоящих процессах. Они же, как нам кажется, сформировали основное содержание «зверств фашистов» на уровне культурной памяти в последующем. Так, пункт 4 одной из двух инструкций определял, что «установлению и учету подлежат: а) факты убийства мирных граждан, насилий, издевательств и пыток, учиненных немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками над беззащитными людьми – женщинами, детьми и стариками; б) факты увода советских людей в немецкое рабство; в) факты пыток, истязаний и убийств, учиненных немецко-фашистскими властями и их сообщниками фашистами над пленными, больными и ранеными советскими военнослужащими» [10].

Здесь важно отметить следующее: в рамках советского дискурса и, соответственно, в текстах нормативных документов, обвинительных приговоров упомянутых следственных комиссий подразумевалась единая социальная общность – советские люди, советские граждане. Официальная формулировка обвинения – преступления против советских граждан, без уточнения их особенностей. В результате, опираясь на тот же самый корпус документов, современные историки не могут выделить в составе потерпевших представителей отдельных социальных, этнических и иных групп. В заключительных протоколах, которые направлялись в центр, не выделялась отдельно тема уничтожения населения еврейской, цыганской или других национальностей, а представлялось общее количество погибших. Не получила достаточного освещения тема уничтожения пациентов домов для умалишенных. К примеру, в протоколе суда над нацистскими военными преступниками, состоявшегося в Харькове в декабре 1943 г., не было указаний на особый профиль этих больниц: психически больные названы просто пациентами [15].

Обстоятельства «холодной войны» исключили из «генерального дискурса» памяти о Второй мировой войне и такой сюжет, как военные преступления граждан восточноевропейских государств-сателлитов Оси на территории СССР, поскольку в послевоенный период эти государства вошли в состав Организации Варшавского договора и стали ближайшими союзниками СССР в «холодной войне». Коллаборационисты из числа советских граждан стали фигурой умолчания в советском дискурсе по схожей причине – признать само их наличие и

количество означало допустить идеологическую несостоятельность правящего режима, что в условиях «холодной войны» считалось неприемлемым. Погибшая от рук вражеских карателей белорусская деревня Хатынь стала символом жертв и страданий мирных граждан. Однако тот факт, что это преступление совершил полицейский батальон, состоявший из коллаборационистов, не афишировался.

На протяжении долгого времени «белыми пятнами» в официальном дискурсе также оставались темы военнопленных (многие из которых оказались в плену в первые два военных года вследствие просчетов командования, приведших к катастрофическим последствиям); получивших тяжелые увечья инвалидов, для ресоциализации которых практически не было создано условий, судьба «невозвращенцев», особенности повседневности населения, оказавшегося на оккупированной германскими войсками территории и проч. То есть из официального нарратива исключались темы и сюжеты, способные каким-либо образом нарушить предопределенный характер официального повествования. Таким образом, трагический аспект памяти – драматизация и виктимизация – были законной частью официального дискурса, но это обычно приводило не к раскрытию фактов, а к новому или обновленному нарративу памяти, где были обновленные акценты и фигуры умолчания.

Заключение

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что коллективная память представляет собой сложный феномен и исследователям приходится выбирать соответствующий их целям и задачам подход из довольно широкого спектра научных позиций. В данном случае, учитывая сконструированный характер официальной коллективной памяти, мы выбрали демонстрацию того, как используются государственными институтами риторические во многом приемы акцентирования героического и трагического для решения политических задач и консолидации общества. Применение этих приемов опирается на политику работы с информацией, историческими свидетельствами, политику коммеморативных мероприятий (юбилеи, ритуалы памяти, музеификацию и др.). Таким образом, реализуются социальные функции коллективной памяти, прежде всего легитимация политического режима, социальная интеграция, наделения смыслом событий прошлого. Отметим, что в современных условиях через социальные медиа становится возможной гомогенизация аудитории коллективной памяти в ее официальной версии. Кроме того, баланс между героическим и трагическим, конструируемый сегодня, часто приводит к эмотиву: «Россию обижают и боятся ее величия», что способствует ее политической и культурной изоляции. Всё это делает исследования коллективной памяти все более актуальными.

Библиографический список

1. Алфёрова И.В., Блохин В.Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 69. (63-84)
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016. С. 19.
3. Асташов А.Б. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 38. С. 35–46.
4. Беляев Ю. «Открытки с войны». Первая серия. Пг., 1915. С. 7.
5. Блохин В.Ф. Смыслы «героического» в годы Первой мировой войны // История. Общество. Политика. 2017. № 3 (3). С. 17. (12-20)
6. Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну. 1914 – 1918 гг. Обработка общественного мнения. М.; Л., 1928. С. 57.
7. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-2583. Д. 1. Л. 30.
8. Известия. 1942. № 261. 4 ноября.

9. Лукоморье. Литературно-художественный и сатирический журнал. 1914. № 19. 19 сентября.
10. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. с англ.: Д. О. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
10. Письмо начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова // РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 125. Д. 79. Л. 9.
11. РИА НОВОСТИ // [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200720/1574598006.html> (Дата обращения: 20.07.2020).
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2048. Оп. 1. Ед. хр. 910. Л. 109.
13. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в. / пер. с англ. Под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского ун-та, 2002.
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с франц. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
15. Судовий процес про звiрства нiмецько-фашистських загарбникiв на територiї м. Харкова i Харкiвської областi в перiод їх тимчасової окупацiї. Харкiв, 1944. С. 79.
16. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140.

Сведения об авторах:

Алфёрова Ирина Викторовна, доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета. E-mail: alferovairi@yandex.ru

Блохин Валерий Федорович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Брянского государственного университета. E-mail: blohin.val@yandex.ru

Богомолов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, науч. сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории. E-mail: iohannes@yandex.ru

Рудковская Маргарита Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. E-mail: rudkovskaya.mm@rea.ru

Симонова Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: olgsimon@gmail.com

УДК 316.7

Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева

ПАМЯТЬ В ТЕМЕНИ: ЧТО И КАК МЫ ПОМНИМ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация: в статье представлены результаты четвертой волны всероссийского мониторинга «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне», проведенного под эгидой Российского общества социологов в 2020 году. Данные, полученные в ходе проведения исследования, показывают, что наблюдается изменение оценок молодежи событий времен Великой Отечественной войны. Обращается внимание на тот факт, что коммуникативная память вытесняется культурной. Делается вывод о необходимости сохранения семейной памяти и устных историй поколения – современников Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: культурная память, студенты, молодежь, общественное мнение, Великая Отечественная война, устная история.

N.V. Dulina, E.V. Anufrieva. Memory in the head what and how do we remember about the Great Patriotic war.

Abstract: The article presents the results of the fourth wave of the all-Russian monitoring «Student's attitudes to the Great Patriotic war», conducted under the auspices of the Russian Society of Sociologists in 2020. Attention is drawn to the fact that communicative memory is supplanted by cultural. The conclusion is made about the need to preserve family memory and oral histories of the generation – contemporaries of the Great Patriotic war.

Keywords: cultural memory, students, youth, public opinion, the Great Patriotic war, oral history. The data obtained in the course of the study show that is a change in youth assessments of the events of the Great Patriotic war.

В народе говорят: «Память в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце». Последовательность именно такая: память в темени порождает и мысль во лбу, и хотение в сердце. Что хранит память россиян о событиях и фактах Великой Отечественной войны (ВОВ)? Ответ на этот вопрос не столь однозначен, как может показаться. Если обратиться к официальной памяти (если можно это так назвать), прописанной в учебниках, запечатленной в величественных памятниках и пр., то это будут масштабные сражения, мудрые военачальники, бесстрашные воины, ратный подвиг которых закончился победой, 75-летие которой наша страна отметила в этом году. В этом же ряду Бессмертный полк и т. д.

Такую память демонстрируют, например, и студенты России, которые дали свои ответы на вопросы анкеты в ходе очередной (четвертой) волны всероссийского мониторинга «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне», проводимого под эгидой Российского общества социологов (РОС). С концепцией исследования и его техническими параметрами можно ознакомиться, если обратиться к ранее опубликованным по итогам исследования материалам (см., напр., [2–4, 6] и др.), или посмотреть их на официальном сайте РОС (www.ssa-rss.ru). Данные, которые будут представлены в данной статье, получены в ходе опроса 10065 студентов – граждан России (строго говоря, в опросе приняло участие значительно большее количество респондентов – из бывших союзных республик, студенты – не граждане России, бывшие студенты и пр., но нас, в первую очередь, интересуют мнения и оценки студентов-россиян). География опроса – это более 80 вузов из 50 городов России. Авторы статьи – в числе организаторов федерального исследования и проведения опроса студентов на конкретных территориях.

Результаты исследования свидетельствуют, что в памяти студентов сохранились лишь наиболее значимые или яркие события, среди которых: Сталинградская битва, прорыв блокады Ленинграда, Курская дуга, битва за Москву, битва за Берлин, оборона Севастополя и оборона Брестской крепости. Остальные события были упомянуты менее чем 10 % респондентов. Среди персоналий по числу упоминаний лидируют маршалы Г.К. Жуков и

К.К. Рокоссовский, с заметным отрывом от них – И.С. Конев и А.М. Василевский. Как приведенные данные, так и иные, полученные в ходе исследования, подтверждают, что основу знаний о ВОВ студенты получили в средней школе, на что они сами и указали, отвечая на вопрос: «Из каких источников Вы получили знания о Великой Отечественной войне?» (ответы см. табл.). Около трех четвертей опрошенных подтвердили, что знания свои получили, в первую очередь, в школе. Ответы студентов подтверждают, что в стране выросло новое поколение молодежи, для которого Великая Отечественная война – это в большей степени параграф из учебника, кинофильм, книга о войне...

Таблица 1. Источники пополнения знаний респондентов о Великой Отечественной войне

№ п/п	Формулировка вопроса: Из каких источников Вы получили знания о Великой Отечественной войне?	%%
1.	Учителя	76,5
2.	Школьные учебники	74,2
3.	Рассказы родных	64,6
4.	Советские художественные фильмы	65,8
5.	Художественная литература	42,8
6.	Встречи с ветеранами	43,4
7.	Советские документальные фильмы	43,2
8.	Современные художественные фильмы	34,5
9.	Преподаватели вуза	27,9
10.	Современные документальные фильмы	27,9
11.	Форумы в интернете	18,5
12.	Ток-шоу по TV	10,0
13.	Научные исследования	9,7
14.	Мемуары полководцев	8,6
15.	Другое	1,3
16.	Игры	0,1

* каждый респондент мог указать несколько альтернатив, поэтому общая сумма ответов превышает 100 %.

Если обратиться к вопросам памяти о ВОВ, то есть основания говорить о том, что страна переживает очень важный период своей истории: живая (коммуникативная) память вытесняется другой – культурной (зафиксированной в памятниках, учебниках, кинофильмах и т. д.). В народе говорят: «И старикам не в память» или «До отцовских памятей», а в нашем случае речь идет о памяти не то что отцов, даже не дедов, а прадедов. А много ли мы знаем о жизни наших дедов и прадедов?

Мы не будем в рамках данной статьи обращаться к теоретическим вопросам исторической / культурной памяти, заметим лишь, что данные, полученные в ходе исследования, лишний раз подтверждают теорию Я. Ассмана о разграничении коммуникативной и культурной памяти [1]. На фоне вытеснения одного вида памяти другим происходит весьма заметная переоценка молодежью событий времен ВОВ. Так, например, оценка значимости вклада союзников СССР в победу над фашизмом в 2005 году выглядела следующим образом: почти каждый десятый опрошенный (11 %) студент оценил этот вклад как значимый. В 2010 и 2015 годах – 12 %, а в последней волне (2020 г.) – 30 %. В 2005 и 2010 годах вклад Велико-

британии как значительный оценивали 12 % опрошенных студентов, в 2015 г. – 11 %, в 2020 г. – 30 %. Динамика оценки вклада Франции в Победу выглядит так: 2005 г. – 7 %, 2010 г. – 9 %, 2015 г. – 10 %, 2020 г. – 19 %. Основываясь только на результатах исследования, мы не можем объяснить эти динамику (есть, например, основания говорить о том, что свою роль в этом играет современное художественное кино), и не ставим своей целью сверить тексты учебников по истории за разные годы, мы бы хотели обратить внимание на другой момент.

В ответах студентов на вопрос о полководцах и героях войны можно встретить и такой ответ «Мой дедушка» (или бабушка), а в ответах о наиболее значимых событиях – «Депортация моего народа». Иначе говоря, кроме официальной (как мы ее обозначили выше) памяти, есть и другая – семейная, личная. Заметим, что она не менее важна и значима, чем та, которая зафиксирована в учебниках, многотомных изданиях и энциклопедиях. Семейная история живет своей тихой и незаметной жизнью, присутствуя в повседневных практиках большинства российских семей и определяя их отношение к себе и окружающему их миру. На вопрос анкеты: «Кто из членов Вашей семьи был участником Великой Отечественной войны?», студенты ответили следующим образом: прадедушка – 72,5 %, прабабушка – 37,9 %, другие родственники – 25,9 %, дедушка – 13,5 %, бабушка – 7,7 %. Только 6,5 % опрошенных студентов ответили, что еще живы члены их семей, воевавшие на фронте, и 22,2 % сказали, что живы члены семьи, трудившиеся в тылу во время ВОВ. Иначе говоря, по меньшей мере, три четверти российских семей имеют личный опыт сопереживания событий (трагедии) ВОВ. В половине (50,4 %) семей респондентов до сих пор хранятся реликвии военных лет. Чаще всего это награды (75,0 %), фотографии (72,2 %), письма (35,5 %), и т. д.

Быть может, именно поэтому столь неоднозначным стало отношение молодежи к Бессмертному полку. Больше половины опрошенных студентов (56,4 %) полагают, что это хорошая форма воспитания патриотизма, 46,4 % напоминают, что при проведении акции важен личностный, семейный момент, 31,9 % уверены, что акция может быть расширена и включать тружеников тыла в годы ВОВ, и чуть более четверти респондентов (26,5 %) сетуют на то, что слишком много стало официоза, обязаловка. В социальных сетях, где студенты комментировали свое отношение к опросу, можно встретить и такое: «Ну, допустим, Бессмертный полк, акция как дань уважения. Я не понимаю этого. Пройти раз в год с фотографией своего предка, затем убрать её в шкаф (как это получается в большинстве случаев). Я и без этого помню о своих предках, периодически навещаю могилы прадедов и горд за то, что они прошли всю войну и вернулись домой, а то, как проходит организация Бессмертного полка, я считаю в большей степени действиями на показ» (Кирилл, 18 лет).

Время берет свое, и День Победы – это уже в большей степени день памяти о родных, прошедших войну (42,3 %), чем общий «праздник со слезами на глазах» – 33,3 %. Почти каждый десятый респондент (10,9 %) 9 Мая сам (или вместе с родными) ходит на кладбище, где похоронены родные – участники войны. За каждой из приведенных цифр отдельные сюжеты истории, судьбы конкретных людей. Но эти цифры, убеждают, что участники боевых сражений и труженики тыла – это, к сожалению, «быстро уходящая натура», ведь даже «дети войны» – это уже люди преклонного возраста. «Молчаливое поколение» тихо переворачивает свою страницу, вписанную в историю страны. Но если столь важны для людей их семейные истории и семейная память как часть общей истории страны, необходимо попытаться сохранить воспоминания современников ВОВ события и факты тех дней именно так, как зафиксировала их память, а не официальные документы и пожелтевшие от времени газетные листы.

Поставленную задачу мы попытались решить в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Ка-

захстан (МОН РК) № АР 05133556 «Фронт / тыл: гендерные аспекты Второй мировой / Великой Отечественной войны в истории Казахстана и России». Объект исследования – поколение советских людей, родившихся в 1920–1945 гг. в СССР и проживающих сегодня в России и Казахстане, мы обратились к людям этого поколения с просьбой поделиться своими воспоминаниями о событиях тех далеких лет. С отдельными результатами проведенных интервью уже можно ознакомиться в научной печати (см., напр., [5] и др.).

В Волгограде интервью по специально разработанному инструментарию (а надо было учитывать и возраст респондентов) проводили студенты (все они прошли предварительный инструктаж), которые по окончании работы писали свои эссе. Целью эссе было зафиксировать свои собственные (студенческие) впечатления о том, что и как они слышали от своих респондентов (довольно часто это были их родственники – прадедушки, прабабушки и т. д.). Всего таких эссе в настоящее время более сотни, все они очень разные. Да, есть эссе, где что ни строка – то штамп («героизм народа», «все, как один, плечом к плечу»...). Но есть и другие, в которых искреннее удивление и изумление – собеседнику (респонденту) во время войны было столько же лет, а то и меньше, чем интервьюеру (студенту), и услышанное из уст родственников (прабабушек / прадедушек, бабушек / дедушек) вдруг приобретает иной, не обезличенный, вид и иным содержанием, смыслом наполняет знакомое со школьной скамьи. Приведем цитаты из некоторых эссе.

«К счастью, я смогла поговорить с прабабушкой, которая пусть и не находилась в эпицентре тех событий, но все же была к ним причастна. Когда я задавала ей различные вопросы, она постоянно повторяла: “Что я могу сказать? Я не грамотная. У нас в селе войны не было, ни о каких боевых действиях я не знаю“. Но она ошибалась, когда говорила, что ей нечего рассказать, она мне рассказала больше, чем я хотела. Я видела боль в ее глазах, когда она рассказывала про свою жизнь, как одевались, что ели, где жили. И ведь это действительно страшно, жить, где придется, кушать кто что даст. Во время войны у людей не было ничего, кроме их человечности, благодаря этому все и выживали, была взаимопомощь. Все говорят: “Какие наши солдаты молодцы“, я в этом не сомневаюсь и горжусь каждым из них, но очень редко услышишь о тех, кто был в тылу. Эти маленькие дети, которые еще даже не закончили школу, уже во всю трудились, пытаюсь добыть пропитание. Дети в то время выросли очень рано. Мне жаль, что людям пришлось это все ощутить на себе. Этот страх, этот голод, который преследует тебя, и ты не знаешь, как с этим бороться. Я очень рада, что моя прабабушка смогла это пережить, ведь немногим повезло, как ей» (Анастасия, 18 лет).

«Я, конечно, не первый раз всё это слышу, но всё равно каждый раз от её (прабабушки) слов в голове возникает мысль о том, как сложно было жить во время войны. Ранее я не думал даже записывать то, что она мне рассказывала, но сейчас понимаю, что моя память не вечна и я многое забуду. Поэтому само интервью оказалось важно не только в целях выполнения его как задания, но и сохранения слов прабабушки, как памяти о тех далёких временах» (Александр, 19 лет).

«Я <взял> интервью у двух родных сестер Сбитневой Марии Ивановны (моя бабушка) и Жовтко Таисии Ивановны (ее сестра) обе в девичестве Митрохины. <...> Многое из того, что они вспоминали, не включишь в аудиозапись, потому что воспоминания прерывались слезами или начинались споры, ведь бабушкам уже 79 и 85 лет. Хотя они были совсем маленькими во время войны, но вид горящего Сталинграда и пылающей Волги до сих пор стоит у них перед глазами. Из пяти детей в их семье выжили только трое: брат и две сестры. И весной-летом 42 года они неделями жили одни, потому что их отец умер перед войной от сибирской язвы, а мать работала на строительстве оборонительных рубежей на правом берегу Волги. Я никогда не задумывался над тем, что близкие мне люди испытали столько горя и

боли, ведь я всегда видел их добрыми и веселыми. Они вспоминали, что после того как немцев отбросили дальше от Сталинграда, стало еще труднее: суровая зима, голодная весна, запасы уже закончились, а в степи еще ничего не выросло. Все, что производилось в колхозе, шло на фронт. Находившиеся рядом с их селом военные объекты передислоцировались на правый берег вслед за наступающими войсками, стало некуда бегать за куском хлеба. После этого интервью я совсем другими глазами взглянул на окружающих меня людей. Я благодарен им за то, что, несмотря на все тяготы и невзгоды они остались добрыми, щедрыми и веселыми людьми» (Данил, 21 год).

«Брала <интервью> у своих же бабушки с дедушкой, что, с одной стороны, упрощало ситуацию, но с другой... У нас в семье было не особо принято вспоминать войну и обсуждать то время так подробно, как требовалось в работе с интервью, да и вообще сам дедушка редко что-то мог рассказать, поэтому мне было даже неловко перед ним, когда я задавала вопросы и тем самым заставляла его вспоминать тот ужас, который он пережил в своем детстве. Что касается эмоций, вызванных самими рассказами, это смесь достаточно тяжелых чувств. Осознавая то, что все то, о чем мы и так знаем, происходило не с абстрактными людьми, а с твоими близкими, что все эти кошмарные моменты, будь то концлагеря, голод или бомбежки, все это происходило в действительности, волосы встают дыбом, начинаешь задумываться о ценности того, что мы имеем сейчас и о ценности наших родных, благодаря которым сейчас мы живем. А от того, что мой дедушка сам был маленьким ребенком в то время, и вовсе хочется плакать» (Анастасия, 20 лет).

Понятно, что иллюстраций из студенческих эссе можно привести еще достаточно много. Сюжеты устных историй современников ВОВ найдут свое место в общей истории. Благодарностей от студентов за то, что они поговорили со своими родственниками – современниками ВОВ, что позволило по-иному взглянуть на таких обычных и родных («в домашних тапочках») героев, переживших все ужасы военного времени, но не потерявших оптимизма и не утративших надежды, организаторы получили достаточно. Но главное видится в другом, а именно в сохранении памяти, сопричастности к памяти других, которая в конечном итоге становится и частью собственной памяти, а слова «А нынче нам нужна одна победа, одна на всех – мы за ценой не постоим!» перестают быть только строчкой из песни, соединяя воедино разные поколения.

Возвращаясь к исходному посылу данной статьи (память в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце), заметим, что знание истории страны, а главное сопереживание, воспитывает настоящих патриотов, или как написал один из студентов в социальных сетях: «Только память и неравнодушие помогут человечеству не совершить ошибки прошлого».

Библиографический список

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Вишневский, Ю. Р., Дулина, Н. В., Икингрин Е. Н., Мансуров В. А., Пронина Е. И. Помнит ли мир спасенный, мир вечный, мир живой? (по итогам социологического исследования) // *Primo aspectu* / ВолГГТУ. – Волгоград. – 2020. – № 2 (42). – С. 7–16.
3. Вишневский, Ю. Р., Дулина, Н. В., Икингрин Е. Н., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В. Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта Российского общества социологов) // *Социум и власть*. – 2020. – № 2. – С. 124–125.
4. Дулина, Н. В., Икингрин Е. Н., Мансуров, В. А. Молодежь России о Великой Отечественной войне // *Социологические исследования*. – 2020. – № 5. – С. 162–163. DOI: 10/31857/S013216250009394-6.

5. Жаркынбаева, Р. С., Дулина, Н. В., Ануфриева, Е. В. Военная повседневность в городах тыла в 1941–1945 гг. (на примере г. Алма-Аты) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 97–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.8>.
6. Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» : коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Урал. ун-та 2020. – 352 с.

Сведения об авторах:

Дулина Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Социология и социальные технологии», Волгоградский государственный университет, Россия, Волгоград, пр. Университетский, 100; nv-dulina@volsu.ru

Ануфриева Евгения Владимировна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «История, культура и социология», Волгоградский государственный технический университет, Россия, Волгоград, пр. Ленина, 28; ev_anufrieva@mail.ru

Рецензии

УДК 902/903

И. В. Горашук

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СЕМЕНЕНКО А. А. ЭТАЛОН КОЛЕСНИЧНОГО ПОГРЕБЕНИЯ ИЛИ ПОЧЕМУ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ПОВОЗКАМИ ЭПОХИ БРОНЗЫ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ КОЛЕСНИЧНЫМИ? (ЭЛЕКТРОННАЯ МОНОГРАФИЯ НА ПРАВАХ РУКОПИСИ). – ВОРОНЕЖ:, 2020. – 677 с. + 575 илл. — ISBN 978-5-6043336-1-7

Аннотация: рассматривается монография воронежского исследователя А.А. Семененко, посвященная колесницам ариев и их назначению. Поднимаются проблемы методологии археологической науки, в том числе такого направления, как «экспериментальная археология» и противоречивости отношения научного сообщества к новым концепциям.

Ключевые слова: Семененко А.А., арии, колесницы, экспериментальная археология, научная этика, методология
I.V. Gorashuk. Book Review: A. A. Semenenko. Standard of chariot burning or why are the ural-kazakhstan burials with the era of the bronze are not chariot? (electronic monograph on the rights of the manuscript). - Voronezh :, 2020. - 677 p. + 575 ill. - ISBN 978-5-6043336-1-7

Keywords: examines the monograph by the Voronezh researcher A.A. Semenenko dedicated to the Aryan chariots and their purpose. The problems of the methodology of archaeological science are raised, including such a direction as "experimental archeology" and the contradictory attitude of the scientific community to new concepts.

Keywords: Semenenko A.A., arias, chariots, experimental archeology, scientific ethics, methodology

Так уж получается в нашем мире, что гадости и пошлости получают широкий общественный резонанс, тогда как по-настоящему большие события зачастую остаются без внимания. Вот так и выход книги А. Семененко тоже не получил широкого обсуждения и не вызвал резонанса.

Та мышиная возня, которую устроили некоторые коллеги-археологи в комментариях в соцсетях, да и в частных сообщениях, не в счёт. Иногда мне стыдно за иных коллег, ей-Богу! Мне хочется кричать: «Да не пишите вы лучше ничего, вместо того, чтобы чушь пороть!» Так, автора монографии упрекают в том, что он — не археолог, и поэтому не может, не вправе высказываться о колесницах, найденных в курганах. Ну, это-то мы проходили! Как там у Жванецкого было? "Что может сказать хромой об искусстве Герберта фон Караяна? Как может рассуждать об архитектуре мужчина без прописки?" К примеру, ссылка на якобы незнание автором проблемы псалиев. Дисковидные псалии с шипами – конструкция, кстати, весьма хрупкая – на основании наличия шипов объявляются **непременным** атрибутом управления лошадьми в **колеснице**. С непониманием того, что без металлических удил единственным средством управления повозки с дышлом является псалий. Во всяком случае, **иных** способов запряжки, кроме ярма и псалиев, в повозке с дышлом археология не знает. Косвенно этот факт подтверждает и то, что при появлении металлических удил необходимость в псалиях как элементах управления отпадает.

И совсем уж омерзительной кажется мне попытка объявить автора сумасшедшим. Ну, это мы тоже со времён Чаадаева, Грибоедова и Радищева знаем. Сумасшедшим стараются объявить человека инакомыслящего. Затёртый приём. А потом те же учёные удивляются эксцентричному отношению автора монографии к археологам. Может быть, всё же дело не в отражении, а в самом зеркале?!

Да и как же иначе называть некоторых коллег? Волей судеб как специалист, следя за новостями применения эксперимента в археологии, поневоле чувствуешь себя персонажем какого-то кошмарно-утопического произведения. Не верите? Вот вам пример. Есть в России город. А в этом городе университет. А в университете... лаборатория экспериментальной археологии. Руководит ею вежливый, улыбчивый молодой человек, являющийся, как сейчас говорят, «говорящей головой». Он выступает в научно-популярных программах и проектах на просторах Интернета и нашей многострадальной родины. Всё хорошо, только «экспериментальной археологии»... не существует. Если уважаемый читатель хочет представить себе, как это звучит для специалиста, пусть представит себе реакцию заслуженного военного, который узнал, что при Академии Генерального Штаба открылась кафедра боевой магии, или врача-реаниматолога, узнавшего, что в одном из мединститутов открыт факультет чудесного воскрешения. Мне вот этого «коллегу» прикажете называть учёным?!

Дело всё в том, что эксперимента, как самостоятельного метода нет и быть не может. Для того, чтобы применять эксперимент, в рамках лабораторного изучения археологического материала используются методы исследования материала: экспериментально - трасологического и технологического для костяных и каменных предметов, технологический — для керамических и т.д.; далее необходимо сформулировать **теоретическую гипотезу**. Вот эту гипотезу доказывают или опровергают экспериментом, поскольку эксперимент дешевле расчёта. Всё это изучается специальной научной дисциплиной – планирование эксперимента, которая возникла в 20-30 гг. на базе теоретических разработок Р. Фишера [5], которые в 60-е гг. были развиты Дж. Боксом и его школой [3, р. 271–294]. Результаты экспериментов, поставленных с помощью данного математического аппарата, дали значительный практический эффект. Дальнейшее развитие метода было связано с появлением работы В. В. Федорова [2]. В его разработках чётко сформулированы основные теоретические положения, такие, например, как понятие плана эксперимента, критерии оптимальности эксперимента, что позволило существенно повысить качество проводимых исследований и предложить новые алгоритмы экспериментальной деятельности. Таким образом, эксперимент – это не метод изучения материала в археологии, а всего лишь способ доказательства теоретической гипотезы, возникшей при изучении археологического материала.

Зная и применяя всё это на практике, как мне относиться к «исследованиям» другого молодого человека, который, ничтоже сумняшеся, выбрал один (!) из двух сотен псалиев за образец, нарезал угловой шлифовальной машиной («болгаркой») из комеля лосиноного рога чуть менее двух десятков псалиев, приспособил их в современную узду, и.... вывел правило износа абсолютно **всех** псалиев вообще. Без учёта того, что часть из них вообще вырезана из иных, нежели комель, материалов, несмотря на описанную А. Усачуком технологию, предполагающую способы мягчения рога технологию! Не верите? Да вот вам ссылка [4]. Мне, ученику Г.Ф. Коробковой, как их называть? Учёными мужами?!

Вернёмся, впрочем, к книге автора. Подкупает серьёзнейшая проработка всего доступного материала по колесницам. Автор, мой единомышленник и друг, провел титаническую работу, проанализировав эти источники. Это – добросовестная работа историка. И если его выводы отличны от мнения археологов, в этом нет его вины.

Думаю, он не ждёт от меня панегириков или постраничного разбора, не требуется это и читателю рецензии, готовому к знакомству с самой монографией. Поговорим о том, что нуждается в дальнейшей проработке. Неоднократно я предлагал автору рассмотреть письменные упоминания о колесницах, хотя бы в Ригведе, Авесте. Этого-то и не хватает, поскольку сам он убедительно и мне, и в одной из своих статей показал [1], что в этих текстах, принадлежавших основоположникам колесничего дела – ариям, встречается упоминание бо-

евых, церемониальных, погребальных, свадебных, священных семиколёсных повозок, фигурирующих под общим термином «колесница». Таким образом, колесница – это вид транспорта, а не тип оружия. Говоря проще — термин шире, чем просто боевая машина. Так, например, мы употребляем термин «автомобиль» и потом уже уточняем боевой это броневик, катафалк, свадебный кортеж или что-то другое. И вовсе третичным уже выглядит то, что является двигателем этой повозки — дизель или простой двигатель внутреннего сгорания. Как и то, что движет повозкой — быки, ослы или лошади.

Приняв это умпостроение, нам вполне логично, неизбежно придётся отказаться от всяких определений колесницы. Поскольку сейчас этот термин включает лишь боевые повозки. А это не так. К примеру, всякая тачанка — телега, но не всякая телега — тачанка.

Сводя все колесницы только к боевым машинам, мы волей-неволей впадаем в аберрацию, поскольку это понятие много шире. Отсюда следует, что использование колесниц, как боевых машин, сильно зависит в каждом отдельном регионе и в каждый определённый период времени, от стратегии и тактики их применения. Это мы и видим в действительности.

Теперь о том, что находят археологи в курганах степной и лесостепной полосы Евразии. Да, это двухколёсные повозки. Об их назначении можно спорить сколько угодно. Применялись ли они для военных операций? Думаю, да. Косвенное свидетельство тому — появление в ту же эпоху копий с крюком на сопредельных территориях. Говорю, прежде всего, о сейминско-турбинских древностях. Применяя сравнительно-исторический метод, такие крюки нужны при борьбе с конницей противника. Кстати, не факт, что именно колесничей. Являлись ли эти повозки исключительно военными машинами? Вряд ли.

Перейду к заключению. Выводы из сказанного безрадостные. Любое мнение, высказанное вразрез с общепринятым, вызывает у моих коллег реакцию, мягко говоря, не соответствующую высокому званию научного сообщества. Это ещё одна сторона, которую, к моему великому сожалению, обнажил А. Семененко. А между тем общий научно-теоретический уровень действительно невысок. Как тут не вспомнить О. Хайяма: «Большинство тех, которые в настоящее время имеют вид учёных, переодевают ложь в истину, не выходят из границ обмана и бахвальства, заставляя служить знания, которыми они обладают, корыстным и недобрым целям». Об этом и речь, прежде всего. Какой быть нашей науке, уважаемые коллеги?

Библиографический список:

1. Семененко А.А. О «нестандартных» ригведийских «колесницах» (ратхах) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. / Ред. Н.А. Дубова (отв. ред.), Е.В. Антонова, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. – Москва: Старый сад, 2018. – С. 221-239.
2. Федоров В. В. Теория оптимального эксперимента. — М.: Наука, 1971. — 312 с.
3. Box G. E. P., Hunter J. S. Multi-Factor Experimental Designs for Exploring Response Surfaces // *Annals of Mathematical Statistics*. — Vol. 28, No 1. — 1957. — P. 195–295.
4. Chechushkov, Igor V., Epimakhov, Andrei V., Bersenev, Andrei G. Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: An experimental and statistical study // *Journal of Archaeological Science*. — Volume 97. — September 2018. — P. 125-136.
5. Fisher R. A. The design of experiment. — Edinburgh: Oliver and Boyd, 1935. — 262 p.

Сведения об авторе:

Горашук Игорь Владиславович, кандидат исторических наук, начальник группы археологии, Волжский научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт по землеустройству (ВолгоНИИгипрозем), e-mail:

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru